SERIES MINOR

Т. Н. ДЖАКСОН, Т. М. КАЛИНИНА,
И. Г. КОНОВАЛОВА, А. В. ПОДОСИНОВ

«РУССКАЯ РЕКА»

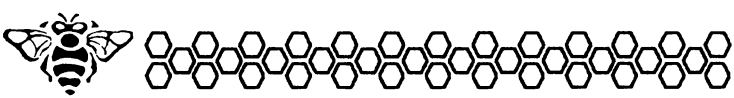
РЕЧНЫЕ ПУТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕОГРАФИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР; ЗНАК

*

STUDIA HISTORICA

SERIES MINOR



Т. Н. ДЖАКСОН, Т. М. КАЛИНИНА,
И. Г. КОНОВАЛОВА, А. В. ПОДОСИНОВ

«РУССКАЯ РЕКА»

РЕЧНЫЕ ПУТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕОГРАФИИ

Знак
ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
Москва, 2007

ББК 63.3(2)4
Д 40

Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 01-01-00195

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 06-01-16244

Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.

Д 40 «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. — М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. — 360 с. — (Studia historica. Series minor).

ISBN 5-9551-0209-4

Монография представляет собой серию очерков, в которых обобщены результаты многолетней работы авторов по изучению речных путей Восточной Европы на основе античных, арабо-персидских и скандинавских нарративных источников, а также традиции изображения восточноевропейских рек в античной и средневековой картографии. В книге исследуются представления античных и средневековых авторов о гидрографии Восточной Европы и рассматривается роль речных путей региона в системе международных связей в различные исторические периоды. Первая глава, написанная А. В. Подосиновым, посвящена рекам Северного Причерноморья в античной и западноевропейской средневековой геокартографии. Вторая глава, подготовленная совместно Т. М. Калининой и И. Г. Конноваловой, включает в себя исследование рек Восточной Европы по данным арабо-персидской географической литературы. В третьей главе, написанной Т. Н. Джаксон, рассматривается гидрография Восточной Европы в свете древнескандинавских источников.

Для специалистов в области отечественной и всеобщей истории, истории географии и картографии, топонимики.

ББК 63.4

В оформлении переплета использована фотография: Ростральная колонна, Санкт-Петербург. Северная скульптура Волга

ISBN 5-9551-0209-4

9 785955 102092

© Авторы, 2007
© Языки славянских культур, 2007
© Знак, 2007

Perseus & Grizli 973
сканирование сборка дизайн

Содержание

Предисловие 7

Глава I
Гидрография Восточной Европы
в античной и средневековой геокартографии
(А. В. Подосинов)

Очерк 1. Греки и римляне в Восточной Европе: освоение пространства 13
Очерк 2. Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей 29
Очерк 3. Азовское море и Керченский пролив в античной и средневековой западноевропейской картографии 58
Очерк 4. Волга в геокартографии античности и Средневековья 70

Глава II
Реки Восточной Европы по данным
арабо-персидской географической литературы
(Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова)

Часть I. Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо-персидских авторов IX—X вв. (Т. М. Калинина) 101
Очерк 1. Водная связь между Севером и Югом Восточной Европы 101
Очерк 2. Волга в изображении арабских географов IX—X вв. 135
Очерк 3. Редкие упоминания о реках Восточной Европы 158

1. «Река славян» ... 158
2. Реки Причерноморья и Приазовья ... 163
3. Другие реки Восточной Европы ... 169
Часть II. Гидрография Восточной Европы в географическом сочинении ал-Идриси (И. Г. Коновалова) ... 173
Введение ... 173
Очерк 1. Первые сведения о бассейне Днепра ... 177
Очерк 2. Традиционные и новые данные о реке Атил ... 181
Очерк 3. Река Сакир как олицетворение Волго-Донского пути ... 197
Очерк 4. «Русская река»: старый гидроним в новом контексте ... 207
Очерк 5. Озера Восточной Европы ... 241

Глава III
Гидрография Восточной Европы в древнескандинавских источниках (Т. Н. Джаксон)

Очерк 1. Викинги на речных путях Восточной Европы ... 275
Очерк 2. «Великие реки»: восточноевропейские речные пути на «ментальной карте» средневековых скандинавов ... 290
Очерк 3. «Три реки текут с востока через Гардарики, и самая большая река та, что находится посредине» ... 316
Очерк 4. «Мир» для проезда из Ладоги в Новгород, или О контроле над речными путями со стороны Древнерусского государства ... 327
Очерк 5. Из Рима в Иерусалим с остановкой в Ладоге ... 339

Список сокращений ... 356
Список карт ... 357

Предисловие

> Речная сеть нашей равнины — одна из выдающихся географических ее особенностей. За четыре с половиной века до нашей эры она бросилась в глаза и наблюдательному Геродоту; описывая Скифию, т. е. южную Россию, он замечает, что в этой стране нет ничего необыкновенного, кроме рек, ее орошающих: они многочисленны и величественны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России.
>
> *В. О. Ключевский*

Особая роль речных путей для восточноевропейского региона, которая отмечалось уже античными авторами, совершенно очевидна. Среднерусская возвышенность была узлом четырех основных водных систем: Волжской, Днепровской, Западнодвинской и Волховско-Ильменской. Здесь лежали верховья рек. Отсюда пути вели на Каспий, в Черное море и на Балтику. Еще В. О. Ключевский заметил: «Нигде в Европе не встретим такой сложной системы рек со столь разносторонними разветвлениями и с такой взаимной близостью бассейнов: ветви разных бассейнов, магистрали которых текут ино-

гда в противоположные стороны, так близко подходят друг к другу, что бассейны как бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно узорчатую речную сеть, наброшенную на равнину. Эта особенность при нешироких и пологих водоразделах, *волоках,* облегчала канализацию страны, как в более древние времена облегчала судоходам переволакивание небольших речных судов из одного бассейна в другой» (Т. 1. С. 76).

В современной отечественной и международной историографии речные пути Восточной Европы рассматриваются либо монографически (Великий Волжский путь, путь «из варяг в греки»), либо в рамках истории отдельных сфер человеческой деятельности — таких как торговля или транспорт, либо в источниковедческом плане применительно к изучению того или иного письменного памятника.

В настоящей работе речные пути Восточной Европы анализируются не столько в традиционном плане (т. е. как транспортные коммуникации и торговые пути), но в более широком смысле — как важнейшие пути некоммерческого обмена между народами, способствовавшие взаимной передаче знаний и опыта в самых разных сферах жизни. Речные пути способствовали установлению разнообразных контактов между различными аборигенными этносами Восточной Европы, а также между ними и пользовавшимися этими транспортными артериями выходцами из Скандинавии, Балтики, Западной и Южной Европы, стран Халифата. Соответственно, и информация об этих магистралях сохранилась в большом числе античных, византийских, восточных, западно- и североевропейских источников — как нарративных, так и картографических.

Рассмотрение речной номенклатуры Восточной Европы в античных, арабо-персидских и скандинавских

описательных источниках, а также анализ традиции изображения восточноевропейских рек в античной и средневековой картографии позволили установить, что как в античном, так и в средневековом сознании, в рамках совершенно различных культурных традиций, существовал ряд, казалось бы, абстрактных гидрографических идей, тем не менее отталкивавшихся от реальной действительности, в первую очередь, осознание возможности сквозного плавания по рекам из северных областей Восточной Европы на юг, равно как и в обратном направлении — с юга на север.

При исследовании данных о речных путях Восточной Европы, содержащихся в наших источниках, мы руководствовались тем, что существует принципиальная разница между современными топонимами и географическими названиями средневекового писателя, у которого имя моря, реки, горы или страны может являться умозрительной авторской конструкцией, отражающей прежде всего его собственные представления о физической и этнополитической географии иноземного региона и потому не совпадающей с реальным объектом и не поддающейся непосредственному переносу на карту. Появление подобных топонимов связано, прежде всего, с неизбежной особенностью субъективного пространственного восприятия — с тем, что в сознании отдельных людей крупные природные объекты (моря, реки, горы) не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных гидрографических или орографических систем. Топонимы, не совпадавшие с реальными географическими объектами, служили основой для спекулятивных построений этногеографического и религиозно-мифологического характера, и — по мере географического освоения мира — перемещались в ментальном пространстве античных и средневековых авторов к краям ойкумены.

Обращение к широкому кругу разноязычных (греко-латинских, древнескандинавских, арабо-персидских, древнерусских) источников позволило исследовать как представления античных и средневековых авторов о гидрографии Восточной Европы, так и выяснить роль речных путей региона в системе международных связей Древней Руси в различные периоды ее истории.

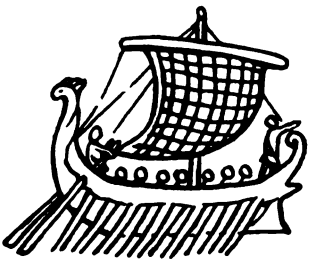
Наша работа ни в коей мере не является только историко-географической. Для нас с самого начала было очевидно, что географические источники, подвергнутые традиционному историко-филологическому анализу, несут много важной для понимания исторических процессов информации — это касается вопросов локализации племен и народов, их миграций, историко-культурного районирования территорий, трансъевразийских торговых коммуникаций, внешнеполитических связей Древнерусского государства и проч. В связи с этим система речных путей Восточной Европы, выявленная в этом исследовании, служит как бы каркасом, на котором крепится совокупность полученных из античных, восточных и древнескандинавских источников сведений по истории этого региона.

Работа представляет собой серию очерков, объединенных в три главы. Первая глава, написанная А. В. Подосиновым, посвящена рекам Северного Причерноморья в античной и западноевропейской средневековой геокартографии. Вторая глава, подготовленная совместно Т. М. Калининой (часть I) и И. Г. Коноваловой (часть II), включает в себя исследование рек Восточной Европы по данным арабо-персидской географической литературы. В третьей главе, написанной Т. Н. Джаксон, рассматривается гидрография Восточной Европы в свете древнескандинавских источников.

Глава I

Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии

(*А. В. Подосинов*)



ОЧЕРК I

Греки и римляне в Восточной Европе: освоение пространства

> Эта страна [Скифия] не имеет ничего замечательного, за исключением рек величайших и многочисленных... Природа земли им [скифам] благоприятствует, и реки оказываются их союзниками. Ведь земля, представляющая собой равнину, богата травой и изобилует водой; рек же течет по ней не меньше по числу, чем каналов в Египте. Те из них, которые чем-нибудь примечательны и, начиная от моря, доступны для кораблей, я назову: Истр с пятью устьями, затем Тирас и Гипанис, и Борисфен, и Пантикап, и Гипакирис, и Герр, и Танаис.
>
> Геродот, IV, 47; 82.
> (пер. Г. А. Стратановского)

Удивительно, как в изначально небольшой Греции с узким географическим кругозором вследствие некоей пытливой любознательности, проявлявшейся в перенимании знаний окружающих народов (египтян, ближневосточных, даже скифских), и в ходе колонизации отдаленных окраин, а также торговых, военных и политических контактов с народами периферии, со временем развилось грандиозное систематическое знание о географии

и этнографии ойкумены. Это знание отразилось в трудах Геродота, Страбона, Плиния Старшего и Птолемея (если брать только сохранившиеся географические произведения греков и — вслед за ними — римлян).

Античная наука установила сферичность Земли, вычислила ее размеры, вычленила широтно-климатические зоны относительно видимого солнечного пути, нашла способ создать систему координат с помощью измеряемых градусами долгот и широт, чтобы разместить на карте всю известную сушу. Открытия, сделанные античными путешественниками и мореплавателями, позволили значительно расширить знания об обитаемой земле (ойкумене) от Балтийского моря до глубин Африки, от Ирландии до Индии и даже до Китая. Географическое исследование далеких территорий предшествовало их военно-политическому освоению, которое, в свою очередь, давало большой фактический материал для создания подробных географических описаний и даже карт (этот процесс хорошо прослеживается на примере завоеваний Александра Македонского). Клавдий Птолемей, чьи труды являются вершиной научной географии и картографии античности, в середине II в. н. э. располагал на своей карте мира более 8000 наименований, снабженных координатами, не считая нескольких сотен топонимов и этнонимов, не имеющих координат.

Особенностью античной географии был большой интерес к страноведческому аспекту. Этнография и география в большинстве античных географических произведений практически сплетались в один литературный жанр. Геродота, который после написания своей «Истории» именуется «отцом истории», вполне можно считать еще и «отцом географии», а также «отцом этнографии», поскольку и эти два аспекта составляли неотъемлемую часть его труда. Именно этнографический (а также стра-

новедческий, историко-политический) элемент античных географических описаний делает античную географию важным источником для исторических штудий, в частности, и для темы нашей книги.

Вместе с тем историко-географическая информация о периферии античного мира, извлекаемая исследователями из произведений античных авторов, имеет специфические черты, которые во многом затрудняют позитивистское, прямое использование источника, заставляют развивать различные методические приемы, позволяющие раскрыть истинное положение дел, или же, наоборот, отказаться от возможности увидеть в этой информации реальные факты.

Прежде всего сложность проистекает из естественного закона информационного поля, согласно которому объекты, расположенные дальше от центра сбора информации, известны слабее, чем расположенные ближе к нему. Периферию античного мира составляли иностранные по отношению к грекам и римлянам — и часто враждебные им — государства, народы и племена, имевшие свою культуру и свои языки; понятно, что получение информации о географическом и политическом положении этих регионов было часто затруднено. Путешественники и ученые, торговцы и колонисты, наемники и члены посольств — все те, кто мог побывать «за границей», становились источниками информации, собиравшейся в «центре». Двуязычие людей такого сорта делало возможным знакомство не только с устной информацией, идущей от «аборигенов», но и с местной историко-географической литературой, которая становилась известной грекам. Со временем и эллинизированные «варвары», в свою очередь, смогли писать труды на греческом языке, внося и свой вклад в общий фонд географических знаний.

Такой канал получения информации часто предполагал значительную ее деформацию, вызванную языковым барьером, разницей менталитета и проч. (вспомним полумифические данные о территории Скифии и скифской истории и религии в знаменитом «Скифском логосе» Геродота, полученные им в Ольвии как от местных греков, так и от самих скифов, в частности, от Тимна, приближенного скифского царя Ариапифа).

Удаленность и малоизвестность периферийных областей ойкумены порождала в качестве своего рода компенсации за отсутствие реальных сведений многочисленные спекулятивные построения космологического, географического, этнографического, религиозно-мифологического и бытового характера [1]. Отсюда проистекают известные нам по античной географической литературе дискуссии о том, как выглядят очертания материков (теории о круглой, прямоугольной или трапециевидной суше), окружена ли суша океаном со всех сторон или в каких-то направлениях уходит в неизвестную бесконечность (аргонавты — в древнейших версиях — могли из Черного моря перебраться по рекам Фасис или Танаис к океанским истокам Нила, чтобы по нему попасть снова в Средиземноморье); является ли Каспийское море заливом Океана или внутренним морем; откуда начинаются реки (из мирового Океана, с гор или из озер) и т. д. К следствиям малоизвестности периферии относится также природно-геометрический и этнографический параллелизм, который греки охотно усматривали во многих явлениях периферии ойкумены, например, в на-

[1] См.: *Romm J. S.* The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton (NJ), 1992. P. 9: «Where empirical data give out they [ancient geographers. — *A. P.*] employ any other means available — theory, myth, and fantasy — to define and depict the space in which they dwell».

правлении течения рек — Нила и Дуная, или Нила и Танаиса, в особенностях нравов и образа жизни гиперборeев и эфиопов, живущих на противоположных краях ойкумены[2], и т. д.

Представление о контрасте между своим, обжитым, цивилизованным миром и далекой, враждебной, потусторонней периферией побуждало человека античности относиться к отдаленным частям ойкумены как к лимитрофным зонам между земным и загробным мирами, мифологизировать отдаленные регионы, помещать там вход в царство мертвых или само это царство.

Если взять район Черного моря, через который античная цивилизация познакомилась с Восточной Европой, то уже вход в него воспринимался до освоения Черного моря колонистами как вход в потусторонний мир[3]. С таким представлением согласуется и помещение при входе в Черное море губительных мифических движущихся скал Планкты (или Симплегады, или Кианеи), знаменующих выход в Океан, и страны́ живущих на берегу Океана киммерийцев, где Одиссей нашел вход в Аид, и о́строва Левки (= острова блаженных[4]), где Ахилл — владыка мертвых — жил после своей смерти под Троей, и Таврики (Крыма), где было место обитания

---

[2] Ср.: *Romm J. S.* The Edges of the Earth. P. 60: «In many ways the Hyperboreans can be seen as mirror-image counterparts to the Ethiopians, inhabiting the northern edge of the world rather than the southern».

[3] Ср.: *Vassileva M.* Greek Ideas of the North and East: Mastering the Black Sea Area // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G. R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998. P. 69—77 (Historia Einzelschriften 121).

[4] Острова блаженных, с которыми отождествлялся остров Левка, лежали, по традиционному мнению античных авторов, «за океаном», по ту его сторону — πέρην κλυτοῦ 'Ωκεανοῖο (ср. *Hesiod.* Theog. 215, 274, 294).

принесенной в жертву Агамемноном Ифигении, получившей, как и Ахилл, бессмертие и превратившейся в Гекату — богиню смерти, тесно связанную с миром мертвых, и пещеры (и реки) Ахерон (в районе Гераклеи Понтийской), соединяющей этот мир с Аидом, из которого Геракл извлек стража подземного мира — трехголового пса Кербера. В причерноморском регионе древние греки помещали и такие «реалии», как Кавказскую скалу, к которой Зевс приковал Прометея, дракона, сторожившего золотое руно в сказочном заокеанском царстве Ээта, и многие другие чудеса.

Связь Черного моря с потусторонним миром объясняется в немалой степени тем, что плавание в Черное море в древности воспринималось греками как выход в Океан — традиционное местонахождение загробного мира, т. е. Черное море виделось как Океан[5]. Греческий географ рубежа эр Страбон свидетельствует:

> В гомеровскую эпоху Понтийское (т. е. Черное. — *А. П.*) море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира, поэтому преимущественно ему давалось особое имя 'Понт', подобно тому, как Гомера называли просто 'поэтом'. Может быть, по этой причине Гомер перенес на Океан события, разыгравшиеся на Понте[6], предполагая, что такая перемена окажется по отношению к Понту легко приемлемой в силу гос-

---

[5] См. об этом подробнее: *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 67—109.

[6] Имелись в виду плавание Одиссея в страну киммерийцев и локализация страны Ээта (позднее Колхида).

подствующих представлений (I, 2, 10; пер. Г. А. Стратановского).

Отсюда, вероятно, берет начало и прослеживаемое на протяжении всей античности представление о том, что Черное море соединяется с Северным Океаном (через реки Дон и/или Волгу), или же — по принципу удаления фантастического на более отдаленную периферию — что Меотида (Азовское море) является заливом Океана (подробнее об этом см. в Очерке 2).

«Мифологическое» восприятие этногеографических реалий Северного Причерноморья закончилось в период Великой греческой колонизации (VIII—VI вв. до н. э.), когда греки появились на северном берегу Понта Эвксинского (Черного моря) и основали здесь многочисленные города и поселения. Греческая колонизация черноморских побережий (а в ней активно участвовали ионийцы — жители греческой Малой Азии) принесла много реалистических сведений о новых территориях, которые и были зафиксированы ионийскими учеными VI—V вв. до н. э. Анаксимандром, Гекатеем Милетским, Геллаником Митиленским, Эвдоксом, Дамастом и, наконец, Геродотом, чей труд стал вершиной ионийской историко-географической мысли.

Тесные контакты черноморской периферии греческого мира с его центрами, активное участие ее в «большой политике» (напомню только о многолетнем снабжении Афин боспорским хлебом, о борьбе римлян с Митридатом Евпатором, закончившейся самоубийством Митридата в Керчи, о размещении римских войск в Крыму) постоянно обогащали античную литературу и, в частности, географию новыми и все расширяющимися данными, что создает для нас солидную источниковую базу. Тем не менее однажды зафиксированные в литера-

туре фантастические детали и описания продолжали долго жить в литературе античности, благополучно перекочевав в Средневековье.

По мере освоения все новых территорий происходила постепенная демифологизация окраин, при этом нередко мифологические персонажи и реалии переносились все дальше к границам ойкумены. Так, амазонки из Малой Азии (где их локализовал Гомер) уже при Геродоте должны были «перебазироваться» в Северное Причерноморье, чтобы в римское время (например, у Помпония Мелы) оказаться почти у Северного океана, а в Средние века — на острове Амазанус в Балтийском море (как у арабского географа ал-Хорезми) или даже на севере Скандинавии (*Kwenland* исландских саг — «Страна женщин»). И наоборот, местности, раньше размещавшиеся где-то далеко на севере, на краю света, за Океаном, обретали вполне реалистическую географическую локализацию; так, цель аргонавтов — царство Ээта, располагавшееся в описаниях древнейших *Аргонавтик* на океанском берегу то ли на западе, то ли на севере, то ли на востоке ойкумены, было позже отождествлено с Колхидой в Восточном Причерноморье; подобную же судьбу испытали киммерийцы, изначально локализованные Гомером на далеком океанском берегу, а затем помещенные Геродотом на северном побережье Черного моря.

Говоря о географии Восточной Европы и, в частности, о ее гидрографии в представлениях античных авторов, следует иметь в виду, что она полна деталей, которые, мягко говоря, не отвечают действительности, что и понятно, так как знания о ней были довольно приблизительными и нечеткими.

Прежде всего следует сказать об общей конфигурации Восточной Европы, как она запечатлелась в античной географии.

По античным представлениям, с севера всю Евразию омывал Северный (Скифский, Кронийский, Ледовый) океан. Это обстоятельство делало возможным — конечно, лишь умозрительно — морское сообщение по Северному морскому пути, открытому в практике мореплавания лишь две тысячи лет спустя. В качестве доказательства возможности такого пути римский автор середины I в. н. э. Помпоний Мела рассказывает следующую историю:

> Долгое время точно не знали, что находится по ту сторону Каспийского залива — то ли океан, то ли скованная холодом земля без конца и края. По этому вопросу мы можем сослаться не только на физиков и Гомера, утверждавших, что вся суша окружена морем, но и на Корнелия Непота, писателя более позднего и потому заслуживающего большего доверия. Он приводит свидетельство Квинта Метелла Целера, который сообщает, что в бытность свою проконсулом в Галлии он получил в подарок от царя боотов каких-то жителей Индии. Спросив, как попали они в эти места, Метелл узнал, что буря отогнала их от берегов Индии, что они долго блуждали по морю и, наконец, высадились на германском берегу. Следовательно, за Каспийским морем находится не суша, а океан (III, 44—45, пер. С. А. Апта).

Ту же историю с небольшими расхождениями позже пересказывает Плиний Старший (NH, II, 170)[7]. Итак, для

---

[7] См. толкования этого эпизода: *Thomson J. O.* History of Ancient Geography. Cambridge, 1948. P. 199; *Хенниг Р.* «Индийцы» в Германии и Галлии (62 г. до н. э.) // *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. I. С. 297—300; *Bengtson H.* Q. Caecilius Metellus Celer (cos 60) und die Inder // Historia III. 1954/1955. S. 229—236; *André J.* Des Indiens en Germanie? // Journal des Savants. 1982. P. 45—55; *Pomponius Mela.* Chorographie / Texte établi, traduit et annoté par A. Silberman. Paris, 1988. P. 278; *Tausend K.* Inder in Germanien // Orbis terrarum. 5. Stuttgart, 1999. S. 115—125;

античного географа с севера Европа и Азия ограничиваются морем-океаном.

В античности не знали о полуостровном положении Скандинавии, в лучшем случае она была известна как остров Сканза или Скатинавия (уже у Помпония Мелы и Плиния, позже у Птолемея), лишь в Средние века распознанный как полуостров[8]. Считалось, что этот остров расположен против побережья Германии восточнее устья Эльбы (см., например: *Mela*, III, 54; *Plin*. NH, IV, 96). Таким образом, Балтийское море практически выступало для большей части Европы Северным океаном.

Еще одна «мнимая реальность» Восточной Европы — Каспийское море, представленное в наиболее распространенной античной традиции заливом Северного океана, с которым оно соединялось посредством узкого

Подосинов А. В. Индийцы на Севере Европы? (Несколько замечаний к Mela, III, 45) // ВЕДС. 2005. Ч. I. С. 29—33; *Молчанов А. А.* Индийцы на севере Европы в 62 г. до н. э.: реконструкция маршрута путешествия при его сокращенном описании в источниках // ВЕДС. 2006. С. 135—138.

[8] Известно, что впервые название «Балтийское море» (*mare Balteum*) как наименование залива Северного океана встречается весьма поздно у Адама Бременского в 1070-х гг. (см.: *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // ДР. С. 275—276). Адам называет Скандинавию именем *Sconia* и считает ее полуостровом (Sconia et pars ultima Daniae, fere insula; undique enim cincta est mari, preter unum terrae brachium, quo ab oriente continens Sueoniam disterminat a Dania — IV, 7). О развитии представлений о Скандинавии начиная с античности см. подробнее: *Svennung J.* Scadinavia und Scandia: Lateinisch-nordische Namenstudien. Uppsala, 1963; *Lund A. A.* Die Erfindung Germaniens und die Entdeckung Skandinaviens in Antike und Mittelalter // Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart / Ed. A. Engel-Braunschmidt u. a. Frankfurt am Main u. a., 2001. S. 29—45; *Чекин Л. С.* Первые карты Скандинавского полуострова // ДГ, 1999 г. М., 2001. С. 44—85.

и длинного пролива (внутренним морем его считали только Геродот и Птолемей).

Все это приводило к тому, что общие контуры Евразии, какими они виделись античным географам и картографам, сильно отличались от реальных: размеры Северной Евразии в значительной степени скрадывались. Евразия оказывалась без Скандинавии, при этом Балтийское побережье как самое северное и продолжающееся на восток практически по той же широте отрезало всю Северо-Восточную Европу[9]. Восприятие Каспийского моря как залива океана приближало океан к каспийскому устью Волги, при этом отсекалась практически вся территория Сибири, Дальнего Востока, Китая и Юго-Восточной Азии, хотя и предполагалось, что Северный океан тянется до соединения с Восточным.

Таким образом, северный предел Евразии в представлении античных географов проходил — если наложить его на современную карту — с запада на восток по Балтийскому побережью, далее загибался к Северному Прикаспию, затем, пройдя через хорошо знакомые после походов Александра Великого среднеазиатские земли Бактрии и Хорезма, резко сворачивал к югу, ограничивая с востока Индию (см. илл. 1)[10]. В рамках этих «мни-

---

[9] Только в этой перспективе могли эстии (*Aestii*) Балтийского побережья быть локализованы рядом с акацирами (хазарами), как это произошло у Иордана (см. Get. 36: ripam oceani item Aesti tenent..., quibus in austrum adsidet gens Acatzirorum fortissima..., ultra quos distenduntur supra mare Ponticum Bulgarum sedes...).

[10] Ср. *Plin.* NH, II, 167—168: «Во время правления божественного Августа обошли большую часть Северного океана... Также македонский флот совершил плавание из Индийского моря на восток, под той же самой звездой, по той части океана, которая расположена против Каспийского моря... 168. И вокруг Каспийского моря большая часть побережья была исследована, почти весь север обогнули с одной и с другой стороны» (пер. Н. М. Подземской).

мых» географических реальностей и должны были разыгрываться исторические события, локализоваться реки, горы, озера, размещаться народы и города, что приводило к многочисленным парадоксам и путанице в письменных источниках. В рамках этих представлений [11] и стала, в частности, возможной вера в то, что индийцы могли «прибыть» в Западную Европу Северным морским путем [12].

---

[11] В античности скифы, которые мыслились живущими от Восточной Европы до Средней Азии, представлялись античным авторам соседями индийцев, которых от скифов будто бы отделяет лишь горный хребет, разделяющий Азию на северную (скифскую) и южную (индийскую). Ср. *Diod.*, II, 43: «Теперь перейдем к скифам, населяющим соседнюю [с индийцами] страну». См. также замечание Иоанна Цеца: «Колхи — это индийские скифы» (Comm. ad Cassandram Lycophronis, 174). Ср. также *Plutarch.* Marius, XI: «Некоторые говорят, что Кельтика вследствие ширины и величины страны от внешнего моря и северных широт поворачивает к востоку у Меотиды и соприкасается с Понтийской Скифией...». Если Кельтика, под которой понималась вся Западная Европа, соседила со Скифией, а та, в свою очередь, соседила с Индией, то добраться из Индии до Кельтики представлялось вполне реальным делом. Тот же Плутарх сообщает о планах Цезаря следующее (Caesar, LVIII): «...Цезарь готовился и намеревался идти походом на парфян, а покорив их и через Гирканию вдоль Каспийского моря и по Кавказу обойдя Понт, вторгнуться в Скифию, [затем], пройдя соседние с германцами страны и самую Германию, через землю кельтов возвратиться в Италию и, [таким образом,] связать этот круг господства, ограниченного отовсюду [окружающим землю] Океаном». Таким образом, Цезарь хотел прибыть в Западную Европу из земли парфян, двигаясь практически вдоль Северного океана.

[12] По свидетельству Страбона, Патрокл, исследовавший в конце III в. до н. э. южное побережье Каспийского моря, считал возможным плавание из Индии через Северный океан в Каспийское море, хотя сам Страбон и считает это плавание маловероятным (см.: *Strabo*, XI, 11, 6).

О том, каким географическим материалом следовало заполнять земную поверхность в случае недостатка сведений, не без иронии информирует нас греческий писатель Плутарх:

> ...историки в описаниях земли помещают то, что им неизвестно, в самых отдаленных частях карт, делая при этом надписи такого рода: 'а далее песчаные безводные пустыни, изобилующие дикими зверями', или 'непроходимое болото', или 'скифский холод', или 'ледовое море' (Thes. 1, 1).

Слова Плутарха хорошо показывают характер работы античного историка, географа или картографа, когда тот сообщал об отдаленных и малоизвестных регионах ойкумены[13].

Что же касается речной системы Восточной Европы, то греки и римляне, через античные города Северного Причерноморья достаточно хорошо знакомые с местными природными условиями, неплохо ориентировались в системе рек, впадающих в Черное и Азовское моря (заметим, что она не всегда совпадает с современной гидрографией)[14]. Наряду с хорошо известными в античности Дунаем (Истр), Днестром (Тирас), Южным Бугом (Гипанис), Днепром (Борисфен), Доном (Танаис) и Кубанью (Гипанис, позже Куфис) античные авторы, в частности Геродот, называют еще несколько рек, которые не поддаются отождествлению с современными; таковы, например, реки Пантикап, Гипакирис, Герр, лока-

---

[13] Ср. *Strabo*, VII, 3, 1: «Незнакомство с этими странами [на северо-востоке Европы. — *А. П.*] заставляет придавать значение тем, кто сочинил мифические "Рипейские горы" и "гиперборейцев"» (пер. Г. А. Стратановского).

[14] См. специальное исследование: *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.

лизуемые Геродотом (IV, 54—56) между Борисфеном и Танаисом, а также реки Лик, Оар и Сиргис, текущие, по Геродоту (IV, 123), через земли меотов в Азовское море.

Волги в античности до Птолемея не знали, не в малой степени вследствие восприятия Каспийского моря как залива океана. Возможно, смутные сведения о ней сохранили название реки *Оар* (= *Ра* Птолемея) у Геродота и описание пролива, соединяющего океан с Каспием, как длинного, узкого и похожего на реку (см. об этом ниже в Очерке 3).

Если устья северочерноморских крупнейших рек были хорошо известны и довольно точно локализованы (а греки предпочитали основывать свои колонии именно в устьях больших рек), то в познаниях об истоках этих рек в античности не было ясности, поскольку из-за сложной этнополитической ситуации плавания по рекам далеко вглубь материка были затруднены. В античности были распространены две точки зрения на происхождение этих рек — «горная» (по Аристотелю, все реки Северного Причерноморья текут с северных Рипейских гор — Meteor., I, 13, 20) и «озерная» (по Геродоту, Тирас, Гипанис, Пантикап, Гипакирис, Танаис вытекают из озер — IV, 51—57). Практически ни та, ни другая не отвечают географической реальности, будучи вызваны к жизни априорными теориями о происхождении рек вообще. Так, например, Страбон, полемизируя со своими предшественниками, пишет (II, 4, 6):

> Некоторые не заслуживающие внимания писатели говорили, что Танаис берет начало из мест, близких к Истру, и течет с запада, не сообразив при этом, что в промежутке текут в Понт большие реки Тира, Борисфен и Гипанис, из коих первая параллельна Истру, а прочие — Танаису; и если не открыты истоки ни Тиры, ни Борисфена, ни Гипаниса, то страны, лежащие севернее их, должны быть еще гораздо менее известны (пер. В. В. Латышева).

Особая роль выпала в античности Дону (Танаису), который очень рано стал восприниматься как граница между Европой и Азией, выступая в той же роли, что и Нил, разграничивавший Азию и Африку. Это представление о Танаисе перешло в средневековую географическую литературу как в Европе, так и — через Птолемея — в странах арабо-мусульманской цивилизации[15], просуществовав до XVIII века, когда за границу между этими частями света был принят Уральский хребет.

Что касается рек Восточной Европы, впадающих в северные моря, то только в I в. до н. э. в римских источниках впервые упоминается Висла, и только Птолемей во II в. н. э. называет еще несколько рек, впадающих в Балтийское море. Тем не менее на протяжении всей античности существовало представление о возможности достичь из Черного моря Северного океана (= Балтийского моря) (см. Очерк 2).

В настоящей работе, которая носит очерковый характер, не ставится задача рассмотреть все аспекты гидрографии Восточной Европы в античности. Для этого потребуется отдельная монография. Чтобы продемонстрировать высокую степень знакомства античных авторов с реками Северного Причерноморья и в то же время сложность в определении их истоков и верхнего тече-

---

[15] См., что пишет, например, о границах Европы арабский автор ал-Баттани (ок. 858—929 гг.): «Описывают границы этой области (т. е. Европы. — *А. П.*): с запада и севера — Западное море, оно же Укийанус (т. е. греч. Океан. — *А. П.*); со стороны юга — море Миср (т. е. Средиземное. — *А. П.*) и ар-Рума (т. е. греч. Ромейское = Византийское. — *А. П.*); со стороны востока — Танаис и озеро Майутис (т. е. греч. Меотис = Азовское море. — *А. П.*). Эта земля представляется похожей на остров, и название ее — Урфи (т. е. греч. Европа. — *А. П.*)» (цит. по: *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 144—145).

ния, приведу в заключение знаменитое описание Днепра (Борисфена), оставленное Геродотом (IV, 53):

(1) Четвертая река — Борисфен — величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила; ведь с ним невозможно сравнивать никакую другую реку. (2) Из остальных Борисфен самый полноводный; он представляет прекраснейшие изобильнейшие пастбища для домашнего скота. [В нем водится] множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная; рядом с мутными потоками он течет чистый. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. (3) У устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли. [Здесь водятся] огромные бескостные рыбы, которых называют антакаями; их доставляют для засаливания. Есть и многое другое, также достойное удивления. (4) Протекая с севера, он известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше. Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов-земледельцев: ведь эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания. (5) Только у этой реки и у Нила я не могу указать источники и, полагаю, не может никто из эллинов. Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. (6) Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты (пер. Г. А. Стратановского).

ОЧЕРК 2

Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей

В настоящем очерке я хотел бы проанализировать некоторые сведения античных и средневековых литературных и картографических источников о речных путях, которые, по мнению их авторов, соединяли между собой бассейны Черного и Балтийского морей.

Для начала приведу один интересный историографический казус. Итальянский историк XV в. Бьондо Флавио (*Blondus Flavius*) в своей «Римской истории» упомянул поход русов на Константинополь 860 г. в таких словах:

> ...норманны... привели флот из трехсот шестидесяти кораблей к Константинополю и, разграбив и предав огню его пригороды, вернулись в Британское море...

Полстолетия спустя венецианский историк Марк Сабеллик в своем произведении «Рапсодии исторических эннеад» высмеивает Бьондо Флавио за географическое невежество:

> Удивляюсь я Блонду в том месте, когда он касается норманского похода.., каковая экспедиция, конечно же, должна была бы взбудоражить всю Европу, раз уж, объехав вокруг столь многих земель и отправившись через океан Галльский,

Иберийский и Атлантический, а оттуда через внутренние моря, на глазах у всей Европы обогнув необъятные берега, достигла она Константинополя; так что подозреваю, что сей вообще мудрейший муж ошибся по неведению тех мест, полагая дело так, будто существовал водный путь (*quasi pervia sit navigatio*) из Британнского моря через Германское и Сарматское к Меотиде и Босфору, а затем оттуда в Понтийское море — о чем внушали некоторые греки, и среди них Орфей, с чьим мнением не согласны наиболее сведующие в географии... [1]

Итак, автор начала XVI в. отрицает существование водного пути «из варяг в греки» в Средние века, считая это выдумкой древних греков. Если в первом утверждении он явно не прав, то приписывание знакомства с этим путем грекам близко к истине.

Поэтому историю знания о водном пути из Черного моря в Балтийское следует начать с античности.

В предыдущем очерке уже говорилось, что при хорошем знании греками устьев рек, впадающих в Черное и Азовское моря, вплоть до Птолемея (а это середина II в. н. э.) мы практически ничего не слышим о реках Восточной Европы, впадающих в Балтийское море, что и понятно — по суше так далеко на север не заходили греки и римляне Северного Причерноморья, да и по морю никто не достигал берегов Восточной Балтики. Греческий ученый Страбон, весьма информированный и искушенный в географии, писал в начале I в. н. э. о Северной Европе:

Из германцев, как я сказал, северные живут вдоль океана. Известны они начиная от устьев Рейна до Альбиса (Эльбы. — *А. П.*); [...Страны же] за Альбисом у океана совершенно нам

[1] *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ, 2000 г. М., 2003. С. 152—154.

неведомы. Мы не знаем никого, кто бы ранее совершил плавание [вдоль] этих берегов к восточным странам, [простирающимся] до устья Каспийского моря, [а также] и римляне еще не заходили по ту сторону Альбиса; равным образом и сухим путем никто [туда] не путешествовал (VII, 2, 4; пер. В. В. Латышева).

Отметим в этом описании еще раз, что Балтийское море воспринималось как Северный океан, простирающийся от берегов Германии до устья Каспия. Живший позже Страбона Плиний Старший так описывает вход в Балтику и Скандинавский полуостров:

Во время правления божественного Августа обошли большую часть Северного океана; тогда флот, обогнув Германию, достиг Кимврского мыса (м. Скаген. — *А. П.*), и оттуда увидели или услышали о скифской стране и чрезмерно влажных и обледеневших пространствах... [До Кимврского мыса] простирается огромный залив под названием Кодан, наполненный островами, из которых наиболее знаменита Скатинавия, неведомая по величине (NH. II, 167 и IV, 96; пер. Н. М. Подземской и М. В. Скржинской).

Первое упоминание восточноевропейской реки, впадающей в Балтийское море, встречается в «Хорографии» Марка Випсания Агриппы (ум. в 12 г. до н. э.) и, возможно, на его карте мира. Об этом свидетельствует прямая цитата из Агриппы, приведенная Плинием Старшим, в которой называется река Висла (Вистла) [2]. Она ограничивает с запада территорию Дакии, как это сказано в позднеримском трактате «Разделение круга земель», описывающем карту Агриппы [3]. Название Вислы до

[2] См. *Plin.* NH, IV, 81: «Агриппа всю эту область от Истра до Океана определил в 2000 миль в длину и 404 миль в ширину от пустынь Сарматии до реки Вистлы (*Vistla*)».

[3] Divisio orbis terrarum, 14: «Дакия ограничивается с востока пустынями Сарматии, с запада рекой Вистла, с севера океаном, с

Птолемея встречается только у авторов ярко выраженной Агрипповой традиции — Помпония Мелы (III, 33: *Vistula*) и Плиния (NH, IV, 81: *Vistla*).

Лишь со II в. н. э. появляются сведения и о других восточноевропейских реках, впадающих в Балтийское море.

Так, Птолемей в книге III, главе 5, описывая VIII карту Европы, задает северные и западные рубежи Европейской Сарматии:

> 1. Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли. Описание такое: за устьем реки Вистулы, которое [находится] под 45° долготы — 56° широты, следует
>
> | | |
> |---|---|
> | устье реки Хрона под | 50° — 56° |
> | устье реки Рудона [4] под | 53° — 57° |
> | устье реки Турунта под | 56°30′ — 58°30′ |
> | устье реки Хесина [5] под | 58°30′ — 59°30′. |

Итак, восточнее Вислы Птолемей знает еще четыре реки в направлении с запада на восток от нее, впадающие в Балтийское море, — Хрон, Рудон, Турунт и Хесин. Эти имена встречаются после Птолемея только в IV в. н. э. у Маркиана Гераклейского (Periplus maris externi, II, 39 — все те же реки) и Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 38: реки Хроний и Бисула-Висула-Вистула-Висла) [6], причем очевидна зависимость этих авторов от

юга рекой Истр». Подробнее о карте Агриппы и ее поздних репликах см.: *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 35—76 и особенно 46, 55, 67, 75.

[4] Ῥούδωνος рукописные варианты: Ῥούβωνος, Βούβωνος, Ῥουβούνου.

[5] Χεσίνου; варианты: Χεσήνου, Χεσύνου, Χερσίνου.

[6] Попытку сравнить названия этих рек с названиями, сохраненными другими античными авторами, предпринял уже К. Мюллер в своем издании Птолемея (*Mullerus C.* Claudii Ptolemaei Geographia. I, 1. Parisiis, 1883. P. 412—413).

Птолемея. Существует несколько традиций отождествления птолемеевых рек [7], но эта проблема выходит за рамки данного очерка.

Другой автор II в. н. э. Дионисий Периэгет в своем «Описании ойкумены», рассказывая о Северном Причерноморье и его реках (298—320), пишет после упоминания Борисфена: «Там же воды Алдеска и Пантикапа шумят двумя потоками в Рипейских горах. У их устьях вблизи Замерзшего моря рождается мягко сияющий янтарь, подобный свету нарождающейся луны...» [8]. Таким образом, река Пантикап и Алдеск (Ардеск), упоминаемые Геродотом (Пантикап), Гесиодом (Ардеск) и другими античными авторами, но не поддающиеся у них точной локализации в Северном Причерноморье, оказываются впадающими в Балтийское море. Гесиод упоминает реку Ардеск (Ἄρδησκος) [9] в своей «Теогонии» наряду с таким реками, как Нил, Меандр, Истр, Фасис, Ахелой, Каик, Скамандр и др. (Theog. 345). Некая река

---

[7] Прегель, Неман, Виндава, Западная Двина (см.: *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. II. Berlin, 1887. S. 25—26; *Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 252—253 (1-е изд. 1899 г.); см. также: *Plezia M.* Greckie i łacińskie żrodła do najstarszych dziejów Słowian. Poznań; Kraków, 1952. T. 2. S. 38). Другая версия отождествляет Хрон с Неманом, Рудон — с Западной Двиной, Турунт — с Полотой, при этом Хесин не поддается отождествлению (*Булкин Вас. А.* Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 5—8).

[8] Vv. 314—318. Перевод Е. В. Илюшечкиной в: ВДИ. 2006. № 1. С. 236—237.

[9] Вероятно, форма названия реки у Гесиода более закрепилась в традиции, так как и Авиен, и Присциан, переложившие на латинский язык сочинение Дионисия Периэгета, дают здесь вместо Дионисиева *Aldescos* «старую» форму *Ardescos* (*Avien.* 450) / *Ardiscus* (*Priscian.* 306).

Алдеск (Ἄλδησκος) названа также Евстафием в его комментарии к «Одиссее» Гомера (к XVIII, 70) и Судой (Ἀλδῆσκος· ὄνομα ποταμοῦ — 1101).

Ничто в приведенных текстах не говорит о локализации Ардеска / Алдеска в Восточной Европе, но и другие географические привязки отсутствуют. Зато схолиаст Гесиода прямо говорит, что «Истр — [река в] Скифии, Фасис — у колхов.., Ардеск — [в] Скифии» [10], поэтому не исключено, что Дионисий Периэгет воспользовался в своем описании Алдеска весьма древней традицией, согласно которой крупные реки Скифии могли сообщаться с Северным океаном.

Несмотря на то, что до начала нашей эры не было почти никаких сведений о реках, впадающих в Балтийское море (за исключением Вислы на карте мира Марка Випсания Агриппы), в некоторых (в том числе и более ранних) античных источниках содержатся неясные сведения о возможности связи Черного моря с Балтикой (= Северным океаном) через восточноевропейские реки.

В ранней греческой традиции египетский Нил и скифский Танаис-Дон, как и колхидский Фасис [11], разделявшие материки, мыслились вытекающими из Мирового океана, что определялось умозрительной космологической моделью, представляющей Землю окруженной

---

[10] Ἴστρος Σκυθίας, Φάσις Κόλχων, Ἄρδησκος Σκυθίας.

[11] Когда за границу между Европой и Азией принимался Фасис, то ему также приписывалась связь с Северным океаном (ср. Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259: «Гесиод, Пиндар в 'Пифиониках' и Антимах в 'Лиде' говорят, что аргонавты по океану прибыли в Ливию и, перенеся (на плечах) Арго, очутились на Нашем море (διὰ τοῦ ὠκεανοῦ φασιν αὐτοὺς εἰς Λιβύην, καὶ βαστάσαντας τὴν Ἀργὼ εἰς τὸ ἡμέτερον πέλαγος ⟨παρα⟩γενέσθαι» — Wendel 273—274), при этом чуть ниже (ad IV, 284) тот же схолиаст сообщает, что «Гесиод говорит, что они проплыли по Фасису (Ἡσίοδος δὲ διὰ αὐτοὺς εἰσπεπλευκέναι λέγει)».

океаном [12]. Кроме того, уже с Гомера полагали, что все реки ойкумены, как и моря, источники и колодцы были сыновьями Океана и имели в нем свои истоки [13].

Отсюда берет начало смутное, но на протяжении всей античности прослеживаемое представление о том, что и Танаис может соединять Черное море и Северный океан [14].

---

[12] Ср. о Ниле: *Herod.* II, 28: «половина воды [Нила от его истоков. — *А. П.*] направляется к Египту на север, а другая половина — к Эфиопии на юг»; о Фасисе: Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259: «Гекатей Милетский [говорит,] что они (аргонавты) из Фасиса проплыли в Океан, затем оттуда в Нил, отсюда в Наше море (Εκαταῖος δὲ ὁ Μιλήσιος [λέγει] ἐκ τοῦ Φάσιδος διελθεῖν εἰς τὸν ὠκεανόν, εἶτα ἐκεῖθεν εἰς τὸν Νεῖλον, ὅθεν εἰς τὴν ἡμετέραν θάλασσαν)». Таким образом, можно было из бассейна Средиземного и Черного морей попадать в океан и наоборот. См. подробнее об этой идее: *Lesky A.* Thalatta: Der Weg der Griechen zum Meer. Wien, 1947. S. 58—87; Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. 4. München, 1975. Col. 267—270; *Romm J. S.* The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton (NJ), 1992. P. 12—26.

[13] Ср. *Hom.* Il. XXI, 195—197:

...седой Океан беспредельный,
Тот, из которого всякий источник и всякое море,
Реки, ключи и глубокие кладези все истекают
(пер. Н. Гнедича).

Ср. также *Hesiod.* Theog. 337: «От Океана ж с Тефией пошли быстротечные дети». Следует отметить, что река Ардеск упомянута Гесиодом как раз здесь, среди «детей» Океана и Тефии.

[14] Напомню также, что на ранних этапах знакомства с Черным морем греки считали его частью Океана (см. в Очерке 1). Первым представителем этой традиции можно считать уже Гомера, который поселил киммерийцев на берегу Океана; см. Od. XI, 12—19: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда, когда

Так, Страбон (II, 4, 1) сообщает, что Пифей во время плавания на север «посетил всю береговую линию Европы от Гадир (т. е. Гибралтара. — *А. П.*) до Танаиса (πάσαν ἐπέλθοι τὴν παρωκεανῖτιν τῆς Εὐρώπης ἀπὸ Γαδείρων ἕως Τανάιδος)», из чего современные исследователи делают вывод, что Танаис, под которым обычно понимали Дон, мог представляться впадающим также и в Балтийское море [15]. Конечно, это высказывание можно понять и абстрактно-географически — до Танаиса, т. е. до границы с Азией, которую тот олицетворял. Но есть возможность и буквального прочтения этого текста, поскольку многие авторы верили, что Нил и Танаис делают три материка настоящими островами, а это предполагает, что наши реки плывут от моря до моря [16].

Тот же Страбон таким образом описывает земли между Танаисом и Волгой, которая у него обозначается как устье Каспийского моря (XI, 1, 5):

Из самых этих [северных стран] первыми [в Азии] представляются области по Танаису, который мы приняли грани-

---

восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (пер. В. В. Латышева).

[15] См., например: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 123—124.

[16] См., например: *Strabo*, I, 4, 7 о том, «что было много споров о материках и что одни ученые отделяют их реками — Нилом и Танаисом, считая материки островами...» (пер. Г. А. Стратановского). Ср. также сходные высказывания: *Ael. Aristid.* Aegypt. 2. 472 (Dindorf): καὶ ἔστιν ὁ κόλπος οὗτος ἡ καθ' ἡμᾶς αὕτη θάλαττα, ἣ σχίζει δίχα τὴν γῆν προσλαβοῦσα τὴν Μαιῶτιν λίμνην καὶ τὸν ὑπὲρ αὐτῆς ποταμὸν Τάναιν, καὶ ποιεῖ νῆσον τὸ τμῆμα ἑκάτερον τῇ κύκλῳ θαλάττῃ...; *Theopomp.* apud Aelian. Var. hist. 3. 18: τὴν μὲν Εὐρώπην καὶ τὴν Ἀσίαν καὶ τὴν Λιβύην νήσους εἶναι, ἃς περιρρεῖν κύκλῳ τὸν ὠκεανόν...; см. по этому: *Berger H.* Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipzig, 1903, 92—93.

цей Европы и Азии. Эти [области] представляют как бы вид полуострова: ибо с запада они ограничиваются рекою Танаисом и Меотидой до Боспора и берега Евксина, оканчивающегося Колхидой, с севера Океаном до устья Каспийского моря, а с востока этим самым морем до пределов Албании и Армении... (пер. В. В. Латышева).

Из текста ясно следует, что полуостровом эту территорию можно назвать, только если Танаис соединяется с Северным океаном.

К этой же традиции можно отнести высказывание Маркиана Гераклейского о том, что на севере «морское побережье Европы начинается от реки Танаис» [17].

Только Прокопий Кесарийский в середине V в. н. э. осознал противоречивость ситуации с Танаисом как границей между Европой и Азией, рассуждая таким образом (Bell. Goth. IV, 6):

Так как в своем рассказе я дошел до этих мест (до Колхиды. — *А. П.*), мне показалось совершенно уместным рассказать о границах Азии и Европы, т. е. о том, о чем спорят друг с другом люди, занимающиеся этим вопросом. Некоторые из них говорят, что оба эти материка разделяет река Танаис... Река Танаис вытекает из так называемых Рипейских гор, которые находятся на территории Европы, как утверждают и те, кто еще в древности касались этих вопросов. Установлено, что от этих Рипейских гор океан находится очень далеко. Поэтому все местности, находящиеся позади этих гор и реки Танаис, необходимо должны быть причислены к европейским. С какого же места в этом случае Танаис начинает разделять оба эти материка, сказать нелегко [18].

---

[17] Periplus maris externi, I, 5: Τῆς μὲν Εὐρώπης... ἡ παράλιος χώρα τὴν ἀρχὴν ἔχει ἀπὸ τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ. Ср.: *Berger H.* Geschichte. S. 92—93.

[18] См. подробнее: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 283—285.

Много географических данных (в том числе весьма древних) о северо-востоке ойкумены сохранилось в описаниях похода аргонавтов в Черное море за золотым руном [19], который с самого начала предполагал плавание по Океану [20]. Один из маршрутов возвратного плавания аргонавтов из Черного моря в Средиземное ведет через Танаис в Северный океан и затем вдоль северного и западного побережий Европы в Средиземноморье [21]. Диодор Сицилийский (IV, 56, 3) со ссылкой на некоторых историков и в том числе на Тимея из Тавромения (вторая половина IV в. до н. э.) описывает путь аргонавтов

---

[19] См. общие работы по этой теме: *Meuli K.* Odysseia und Argonautika. Berlin, 1921; *Bacon I. R.* The voyage of the Argonautes. Methuen, 1925; *Delage E.* La géographie dans les Argonautiques d'Apollonios de Rhodos. Bordeaux; Paris, 1930; *Roux R.* Le problème des Argonautes. Paris, 1949; *Vojatzi V.* Frühe Argonautenbilder. Würzburg, 1982 (Beiträge zur Archäologie, 14).

[20] То, что аргонавты плыли к океану или по океану, знали уже Пиндар (Pyth. IV, 251) и Мимнерм (Frg. 11 West, Allen), т. е. страна Ээта (Эя) воспринималась как находящаяся на берегу Океана; см. подробнее: *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 82—85. Иванчик считает, что «исчезновение отождествления Океана с Черным морем наряду с локализацией Эи на кавказском побережье этого моря (во второй половине VIII в. до н. э. — *А. П.*) не оставляло больше места для подобного плавания» и потому «было создано рационалистическое объяснение, согласно которому аргонавты вышли в Океан на обратном пути из Черного моря через реки (Истр, Фасис, Танаис и др.)...» (Там же. С. 84).

[21] О других версиях возвратного плавания аргонавтов см. подробнее: *Delage E.* La géographie. P. 51—73; *Radermacher L.* Mythos und Sage bei den Griechen. 2. Aufl. Brün; München; Wien, 1938. S. 220—223; *Wehrli F.* Die Rückfahrt der Argonauten // Museum Helveticum. 12. 1955. S. 154 ff.

через Танаис, волок и большую реку, выводящую в Северный океан [22] (Волга-Ра?). Близкую традицию обнаруживает Скимн Хиосский (см. Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 284: «Скимн говорит, что они (т. е. аргонавты — *А. П.*) рекой Танаисом проплыли в Великое море (т. е. в Северный океан. — *А. П.*), а оттуда прибыли в Наше море (т. е. в Средиземное. — *А. П.*)») [23]. В орфической «Ар-

---

[22] «Некоторые из старых и более поздних историков, среди которых и Тимей, говорят, что аргонавты после похищения руна, узнав, что устье Понта закрыто кораблями Ээта, совершили необыкновенное дело, достойное упоминания. Говорят, что они проплыли вверх по Танаису до его истоков (ἀναπλεύσαντας... διὰ τοῦ Τανάιδος ποταμοῦ ἐπὶ τὰς πηγάς), в определенном месте они протащили корабль волоком (διελκύσαντας) и, проплыв по другой реке, впадающей в океан, спустились к морю (καταπλεῦσαι πρὸς τὴν θάλασσαν); далее они двигались с севера на запад, имея сушу слева, и, оказавшись поблизости от Гадир, вошли в Наше море». См. об этом тексте подробнее: *Ельницкий Л. А.* Знания. С. 7—27; ср. там же, с. 20 о тимеевском пути: «На начертание подобного маршрута могли повлиять какие-либо сведения о возможности сообщения по европейским рекам между Черным и Балтийским морями, которое и было принято Тимеем за Северный океан».

[23] Ὁ μὲν γὰρ Σκύμνος αὐτοὺς διὰ Τανάιδος πεπλευκέναι ἐπὶ τὴν μεγάλην θάλασσαν, ἐκεῖθεν δὲ εἰς τὴν ἡμετέραν θάλασσαν ἐληλυθέναι. Далее в тексте схолиаста стоит: «Пристав к материку, аргонавты на копьях перенесли Арго, пока не добрались до моря». Л. А. Ельницкий понимает это место следующим образом: «аргонавты достигли области Северного океана по р. Танаису, откуда перенесли Арго на копьях до океанского берега», не видя здесь соединения Танаиса с океаном (*Ельницкий Л. А.* Знания. С. 18). Тем не менее текст ясно показывает, что на себе аргонавты несли свой корабль уже по Ливии, попав туда через океан, куда их вынесли воды Танаиса; ср. цитированное выше место из Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259, где Гесиоду, Пиндару и Антимаху приписывается мнение, что «аргонавты по океану прибыли в Ливию и, перенеся (на плечах — βαστάσαντας) Арго, очутились на Нашем море». Таким образом, расположение волока мыслилось не на севере Европы, а на юге Африки.

гонавтике» (vv. 1035—1245) возвратный путь аргонавтов идет через Меотиду (Азовское море), Танаис, ущелье в Рипейских горах (v. 1079 — Ῥιπαίους αὐλῶνας), к побережью Северного океана (v. 1102: Τηθύος ἔσχατον ὕδωρ — «последняя вода Тефии»), затем по океану мимо Иерны до Гадитанского пролива (см. илл. 2). При этом путь по Танаису от Меотиды до океана занял у Арго девять суток (v. 1071: ἐννέα μὲν νύκτας τε καὶ ἤματα μοχθίζοντες). Отметим, что в некоторых из упомянутых источников речь идет о волоке между реками или между истоком Танаиса и Северным океаном.

Есть и еще одно обстоятельство, которое могло повлиять на возникновение веры в то, что Северное море можно достичь водным путем из Черного моря. Я имею в виду весьма древнюю традицию, связанную с космологическими воззрениями греков, согласно которым Меотида воспринималась как часть Внешнего (в данном случае Северного) океана [24].

Так, уже Псевдо-Гиппократ (V—IV вв. до н. э.) в трактате «О числе 7», где контуры Земли сравниваются с лежащим головой на юг человеческим телом, пишет, что Земля имеет «Понт Эвксинский и Меотийское болото в качестве нижней части живота и прямой кишки» (XI, 7) [25]. Л. А. Ельницкий, приведший этот текст, трактует его следующим образом: «Сопоставление Меотиды с прямой кишкой заставляет предполагать, что на ио-

[24] См.: *Burr V.* Nostrum mare. Ursprung und Geschichte der Namen des Mittelmeeres und seiner Teilmeere im Altertum. Stuttgart, 1932. S. 37—38: «Einige hielten sie (*sc.* Maeotis) sogar wie das Hyrkanische Meer für einen Busen des nördlichen Okeanos».

[25] Сохранился лишь латинский (весьма испорченный) перевод трактата; см.: Œuvres complètes d'Hippocrate / Ed. É. Littré. T. VIII. Amsterdam, 1962. P. 639: «ventur inferior et longao intestinus exumus Pontus et palus meothis»).

нийской карте Азовское море было представлено в качестве открытого бассейна, соединяющегося с внешним океаном» [26]. Эта традиция, вероятно, подкрепляемая известиями о связи Черного и Балтийского морей, прослеживается на протяжении многих веков.

Латинский поэт середины I в. н. э. Лукан в своей эпической поэме «О гражданской войне» пишет (De bello civili, III, 277): «Шумный пролив Понта выводит волны Меотиды, и отнимается слава у Геркулесовых пределов, и отрицается, что Океан допускает один Гадес» [27].

Тот же смысл имеют слова Сенеки о замерзшей Меотиде, которая изливает северное море (*arctoum mare* = *Tethys* = *Oceanus*) [28].

В «Перипле Эритрейского моря» (60-е гг. I в. н. э.) прямо сообщается, что «лежащее около Каспийского моря Меотийское болото изливается в океан» (Peripl. maris Erythraei, 64: ἡ παρακειμένη λίμνη Μαιῶτις εἰς τὸν ὠκέανον συναναστομοῦσα) [29].

---

[26] *Ельницкий Л. А.* Знания. С. 51.

[27] Quaque, fretum torrens, Maeotidos egeris undas
Pontus, et Herculeis aufertur Gloria metis,
Oceanumque negant solas admittere Gades.

Ср. комментарий к этому месту в ВДИ. 1949. № 2. С. 891: «В этих замысловатых выражениях Лукан намекает на то, что Меотида через Танаис так же связана с океаном (Скифским), как Средиземное море через Геракловы столпы, которые он именует "Геркулесовыми пределами", связано с Атлантикой...». Г. Лук в своем комментарии к этому месту замечает: «Das Asowsche Meer... hatte angeblich eine Verbindung zum nördlichen Ozean» (см.: *Lukan*. Der Bürgerkrieg / Lateinisch und Deutsch von G. Luck. Berlin, 1985. S. 516).

[28] *Seneca*, Herc. fur. 1336—8:

...arctoum licet
Maeotis in me gelida transfundat mare
et tota Tethys per meas currat manus.

[29] См. перевод М. Д. Бухарина в: *Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А.* Индия и античный мир. М., 2002. С. 299.

Живший во второй половине II в. н. э. Максим Тирский, очевидно, тоже считает Северный океан связанным с Черным морем, когда замечает: «...из Океана течет Меотида, из Меотиды — Понт, из Понта — Геллеспонт и из Геллеспонта — Наше море...» [30]. Заливом Северного океана считал Меотийское болото и Марциан Капелла, автор V в. н. э. [31]

О распространенности в античности такого представления об Азовском море свидетельствует Плиний Старший: по его наблюдению, многие считали, что Меотида — залив Северного океана [32]; сам Плиний этого мнения не разделял.

К тому же кругу представлений принадлежит и распространившаяся после походов Александра Македонского вера в то, что Азовское море соединяется с Каспийским [33]; уже это обстоятельство делало его заливом Северного океана [34].

---

[30] Dissert. XXVI, 3: ...ἐξ Ὠκεανοῦ ἡ Μαιῶτις, ὡς ἐκ τῆς Μαιώτιδος ὁ Πόντος, ὡς ἐκ τοῦ Πόντου ὁ Ἑλλήσποντος, ὡς ἐξ Ελλησπόντοῦ ἡ [ἐντὸς] θάλασσα.

[31] De nuptiis Philologiae et Mercurii, VI, 619: Palus vero Maeotica eiusdem sinus habetur Oceani.

[32] *Plin.* NH, II, 168: ...ea (sc. palus Maeotica) illius oceani sinus est, ut multos adverto credidisse.

[33] См., например, *Strabo,* XI, 7, 4: «...они (историки Александра. — *А. П.*) объединили озеро Меотиду, принимающее Танаис, с Каспийским морем, причем называли и последнее озером, утверждая, что оба водоема связаны друг с другом подземным проходом и один является частью другого...» (пер. Г. А. Стратановского). См. также *Curt. Ruf.* VI, 4: alii sunt, qui Maeotim paludem in id (sc. Caspium mare) cadere putent; et argumentum afferent, aquam quod dulcior sit, quam cetera maria, infuso paludis humore mitescere; *Plut.* Alex. 44.

[34] См.: *Burr V.* Nostrum mare. S. 37.

* * *

Несколько слов следует сказать об античной картографической традиции. Как обстояло дело с картами Птолемея, от которых остались только их подробные описания, уже говорилось выше. Кроме птолемеевых карт до нас дошла только одна античная карта, на которой имеется изображение Восточной Европы, — так называемая *Tabula Peutingeriana* (Певтингерова карта), сохранившаяся в копии конца XII — начала XIII в., но по своей форме и содержанию восходящая к первым векам нашей эры [35]. Певтингерова карта, как и «География» Птолемея, показывает в Восточной Европе четыре реки, которые имеют устья в Северном океане (см. сегм. VII—VIII [36]). Интересно отметить, что на этой карте только здесь — в Восточной Европе восточнее Карпат — фиксируются впервые реки, впадающие в Северный океан. Но самое интересное — это то, что эти реки текут от Северного океана до Черного или Азовского моря, пересекая всю сушу (см. илл. 3).

Первая с запада река имеет название *Sellianus* и показана как правый приток Гипаниса (Южного Буга), который сам несколько восточнее имеет собственное устье в Северном море, впадая другим устьем в Черное (Понт Эвксинский). По некоторым палеографическим признакам, а также по расположению реки между Днестром (*Agalingus*) и Южным Бугом, можно предположить, что *Sellianus* — это искаженное название Вислы (*Vistula*), известной античности из карт Агриппы и Птолемея [37] и

---

[35] См. о ней подробнее: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 287—299.

[36] Нумерация сегментов дается по изданию: *Weber E.* Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976.

[37] См. подробнее: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 336—337.

отсутствующей на Певтингеровой карте. Таким образом, Южный Буг изображен как река, имеющая прямой выход двумя руслами в Балтийское море — своим собственным и через Селлиан-Вислу, а третьим — в Черное море.

Следующая река Северного Причерноморья, показанная вытекающей из небольшого озера южнее гор (Рипейских) и впадающей в Черное море, имеет имя *Nusacus* и уверенно отождествляется исследователями с Днепром-Борисфеном. Далее следует река Танаис-Дон, имеющая это название, стекающая в полном соответствии с античными представлениями с Рипейских гор и впадающая в Меотиду (Азовское море). Вслед за Доном в Меотиду впадают еще три безымянные реки, две из которых имеют устья в Северном море [38].

Известный исследователь Певтингеровой карты Конрад Миллер считал, что четыре реки, текущие из Северного моря в Черное или Меотиду, обязаны своим существованием неумелости переписчика или рисовальщика карты [39]. Однако аналогия с четырьмя реками Птолемея, впадающими в Венедский залив (Балтику), наводит на мысль, что здесь мы имеем дело с картографической традицией, что-то знавшей об этих реках.

Реки, впадающие сразу в два моря, вероятно, были не редкостью в античной картографии. Так, на карте мира, которая лежала в основе «Космографии» Юлия Гонория (IV—V вв. н. э.), Рейн течет одновременно в Западный океан (как ему и положено) и в Средиземное море (здесь он явно превращается в Рону), так что автор описания этой карты в смущении замечает: «и куда она течет — в западный океан или в Тирренское море — нельзя на су-

---

[38] Там же. С. 338 и 353.

[39] *Miller K.* Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. 2. Ausg. Stuttgart, 1916. S. 597.

ществующей [карте] увидеть, так как кажется, что она течет от воды к воде (*ab aqua ad aquam videtur currere*)»[40].

Пользовавшийся картографическими источниками, близкими к Певтингеровой карте, Равеннский Аноним в своей «Космографиии», написанной ок. 700 г., отмечает две реки в Восточной Европе, впадающие в Балтийское море — Вистулу и Бангис[41]. Возможно, под вторым названием скрывается имя реки Буг (Южный)[42]. В таком случае ее впадение в Балтийское море также свидетельствует о существовании картографической традиции изображения двух устьев одной реки, расположенных в двух разных морях.

* * *

Теперь следует остановиться на раннесредневековых картах, которые в целом продолжают традиции античной картографии, консервируя многие из античных представлений о Восточной Европе.

Прежде всего необходимо сказать о западноевропейских картах типа Т-О, которые состоят из круга (О), символизирующего Мировой океан, и вписанной в него «буквы» Т, вертикаль которой образована Средиземным

---

[40] Cosmogr. 22 B. Текст и перевод см.: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 121.

[41] См. *Rav. Anon.* IV, 4: «Через эту страну [роксоланов, свариков и савроматов. — *А. П.*] протекают, среди прочих, следующие реки: большая река, которая называется Вистула (*Vistula*) и впадает очень полноводной в океан, и река, которая называется Лутта»; IV, 11: «Из гор этой Сарматии берет начало множество рек; среди прочих одна река, которая называется Бангис, впадает в океан, другая, которая называется Аппион, течет куда-то к [северной] части Данубия».

[42] *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 277—278. В византийских источниках имя Буг в форме Βογοῦ появляется впервые в X в. у Константина Багрянородного (De imp. adm. 42, 59 и 38, 69).

морем, а горизонталь — реками Танаисом слева и Нилом справа. В этой схеме левая перекладина буквы Т чисто схематично, прямой линией, изображает не только Танаис, но и Эгейское, Мраморное, Черное и Азовское моря, отделяющие вместе с Танаисом-Доном Азию от Европы [43]. Вполне естественно, что эта схема предполагает соединение Черного моря с Северным океаном (см. илл. 4), совершенно в духе древнегреческих представлений об обратном пути аргонавтов.

В Средневековье изготавливались и более подробные карты типа Эбсторфской XIII в., содержащей более 1500 легенд [44]. На многих из них Танаис соединяет Меотиду с Северным океаном. Такова, например, Фрайзингская карта мира из Мюнхена XI в., на которой довольно реалистично изображены Средиземное, Мраморное, Черное и Азовское моря, но из Азовского моря к Северному океану уходит река, очевидно Танаис-Дон [45] (см. илл. 5). Соединяется с Северным океаном и Танаис, впадающий другим своим устьем в Понт Эвксинский, на Кембриджской карте конца XII — начала XIII в.[46] (см. илл. 6). Фрэнсис Дворник увидел в этом изображении свидетельство того, что автор карты знал о существовании речного пути «из варяг в греки», соединявшего Балтийское и Черное моря [47], хотя, вероятно, более прав

---

[43] См., например: *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья. VIII—XIII вв. Тексты, перевод, комментарии. М., 1999. С. 22—108 и илл. 1—18, 26, 27, 29, 31, 33, 34 и др.

[44] См. о них подробнее: The History of Cartography. Vol. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and Mediterranean / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago; London, 1987. P. 286—370.

[45] *Чекин Л. С.* Картография. Илл. 37.

[46] Там же. Илл. 42.

[47] *Dvornik F.* The Kiev State and Its Relations with Western Europe // Essays in Medieval History, Selected from the Transactions

Л. С. Чекин, видящий здесь дань многовековой традиции картографического изображения Танаиса [48].

Знаменитая Эбсторфская карта мира показывает в Восточной Европе реку, которая, начинаясь на юге, впадает в Северное море, называется *Olchis fl*[*uvius*] *qui et Wolkans* («река Олхис, которая также и Волканс»). На этой реке обозначены древнерусские города Новгород и Киев, есть на карте также Смоленск и Полоцк, расположенные на Западной Двине, впадающей в Балтийское море. Эти реки изображены рядом и параллельно с другими, которые текут в противоположном направлении и впадают, в свою очередь, в Черное море [49] (см. илл. 7). Многие другие средневековые карты также показывают соединение двух морей через реки: см. карты Беата (XI—XII вв.), карту мира из Мюнхена XI в. (BS, CLM 6362, f. 74), карту мира Ранульфа Хигдена (1350 г.) и другие.

В рамках этих идей становится понятным представление Адама Бременского о Балтийском море, по которому из датского города Шлезвига можно доплыть до Руси и Греции [50], поскольку Меотида, как вычитал Адам у Марциана Капеллы, является заливом Северного моря [51]. К этому же кругу идей следует отнести и помеще-

---

of the Royal Historical Society on the Occasion of Its Centenary / Ed. R. W. Southern. London et al., 1968. P. 20.

[48] *Чекин Л. С.* Картография. С. 128.

[49] Там же. Илл. 48 и 51.

[50] «Этот залив [местные] жители называют Балтийским, так как он тянется на большое расстояние через области скифов вплоть до Греции наподобие пояса. Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах» (*Adam.* Lib. IV, cap. 10; пер. В. В. Рыбакова).

[51] «Полагаю, что древние знали вышеописанные воды [Балтики] под именами Скифских, или Меотийских болот, “гетских пустынь”, а также “скифского берега, густо населенного множе-

ние на карте мира из Альби VIII или IX в. надписи *Cimiricum mare* (Киммерийское море) над северным побережьем Евразии (см. илл. 8).

Что касается византийских карт, то мы практически ничего не знаем о них [52]. Недавно в Отделе рукописей Государственного исторического музея А. А. Россиус обнаружил поздневизантийскую карту мира XV в. [53], на которой изображена овальной формы ойкумена, окруженная океаном, со Средиземным морем посреди (карта ориентирована на север). От Константинополя на север уходит вытянутая водная артерия, которая при первом расширении имеет название Понта Эвксинского, затем, уже при самом впадении в Северный океан, называется Меотидой (см. илл. 9). Таким образом, этот весьма редкий образчик византийской картографии также показывает соединение Черного и Азовского морей с Северным океаном.

От XV века до нас дошла карта мира, созданная болгарским ученым Константином Костенечским, но явно восходящая к византийским образцам [54]. На карте (см. илл. 10) Средиземное («Наше») море начинается от Гибралтара, проходит через всю ойкумену и впадает в Северный океан в его восточной части и называется там Каспийским морем. Я думаю, мы имеем здесь дело с контаминацией двух идей — что Волга соединяет Кас-

---

ством разнообразных варваров", как назвал их Марциан, писавший, что "там обитают геты, даки, сарматы, [невры,] аланы, гелоны, антропофаги и троглодиты"» (*Adam.* Lib. IV, cap. 20; пер. В. В. Рыбакова).

[52] См. о византийской картографии: *Подосинов А. В.* Картография в Византии. (К постановке вопроса) // Византийский Временник. 54. 1993. С. 43—48.

[53] Син. 415 (Вл. 509). ГИМ. F 79^{v}.

[54] См.: *Чолова Ц.* Естественнонаучните знания в средневековна България. София, 1988. С. 30—34.

пийское море с Северным океаном и что Танаис соединяет Черное море с Балтийским.

В ранневизантийских литературных источниках идея соединения Северного океана с Понтом через водные пути также находила себе место. Феофан Исповедник в начале IX в. в своей «Хронографии» под 679/680 г. писал [55]:

> В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, в которое впадает величайшая река, стекающая от океана по земле сарматов и называемая Атель (т. е. Волга), в которую (Атель. — *И.Ч.*) впадает река, называемая Танаис, сама вытекающая от Ивирийских ворот, что в Кавказских горах, а от слияния Танаиса и Ателя выше уже названного Меотидского озера, когда Атель разделяется, течет река, называемая Куфис (Кубань или Южный Буг. — *А. П.*), и впадает в край Понтийского моря...

При всей географической запутанности процитированного текста одно явствует с непреложностью — Волга, вытекая из Северного океана, сливается с Танаисом, впадающим в Азовское море, и с Кубанью, впадающей в Черное море, делая тем самым возможным непрерывное водное сообщение между северным и южным водоемами.

* * *

Интересно, что и арабская геокартография разделяла мнение античной и западноевропейской географии о возможности водного сообщения между Черным и Балтийским морями (подробнее см. об этом ниже в главе II).

В сочинениях и на картах мира так называемой «классической школы», идущей от ал-Балхи и представленной географами X в. ал-Истахри и Ибн Хаукалом,

---

[55] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 60.

вместо Черного и Азовского морей показан некий огромный канал (*халидж ал-Кустантинийа*, т. е. Константинопольский пролив), который, начинаясь в Западном море (*ал-бахр ал-Магриб*, т. е. в западной части Атлантики), проходит до Константинополя, а затем, повернув на север, прорезает земли славян (*ас-сакалиба*), русов (*ар-рус*), булгар и впадает на севере, близ «беднейших из бедных народов Гог и Магог (*Йаджудж-ва-Маджудж*)», в так называемый Окружающий океан (*ал-бахр ал-Мухит*, здесь — северную часть Атлантики)[56] (см. илл. 11 и 12).

Европа как со всех сторон окруженный водой остров показана и на недавно найденной арабской карте мира XI в., которая теперь хранится в библиотеке Оксфордского университета (MS arab. C. 90, fols. 23b—24a)[57].

Возможно, здесь надо видеть влияние западноевропейских Т-О-образных *mappae mundi*, на которых Черное и Азовское моря вместе с Танаисом-Доном изображались одной непрерывной линией. Напомню, что именно такой «пролив» показывают упомянутые выше поздневизантийская карта мира и болгарская карта XV в.

К этому же кругу представлений следует отнести и сообщения знаменитого арабского географа ал-Идриси

---

[56] Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri / Ed. M. J. de Goeje. Leiden, 1870. P. 220; Opus geographicum auctore Ibn Haukal... / Ed. J. H. Kramers. Leiden, 1938. Fasc. 2. P. 202, 388, 393; *Калинина Т. М.* Водные пространства Севера Европы в трудах арабских ученых IX—XII вв. // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию И. Т. Пашуто. М., 1999. С. 92—93.

[57] Карта была представлена 28 октября 2005 г. на «The 35th Medieval Workshop», прошедшей в Университете Британской Колумбии в Ванкувере (авторы сообщений E. Savage-Smith, Y. Rapoport и L. Berggren). Карта доступна теперь на сайте: http://www.bodley.ox.ac.uk/book of curiosities.

(1154 г.) о некоей «Русской реке», которые несут в себе известия о нескольких реках Восточной Европы (в том числе Волге и Доне) и отражают знания арабских путешественников о водном пути из Черного моря на Север Руси [58].

В 30-х гг. XII в. среднеазиатский ученый ал-Хараки в своем сочинении «Предел постижения относительно разделения небесных сфер» писал, что в Черное море «впадает река, которая называется Танаис, она течет со стороны севера из моря, которое называется Меотис (*Майтас*), а это — Варяжское море» (пер. Т. М. Калининой) [59]. Если учесть, что под Варяжским морем ал-Хараки подразумевал Балтийское море, то ясно, что здесь имеется в виду сплошная водная артерия между Черным и Балтийским морями [60]. Этот текст очень напоминает выше цитированное высказывание Адама Бременского, видевшего в восточной части Балтийского (Варяжского) моря античную Меотиду.

Наконец, в рукописи сочинения ал-Хорезми, относящейся к XI в. (1037 г.), сохранилась карта с изображением Меотиды (*ал-Батихи*) [61]. Как по ней, так и по опи-

---

[58] См. подробнее: *Коновалова И. Г.* Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 192—219 и Часть 2 Главы II настоящего издания.

[59] Фрагмент этого труда привел, среди примечаний, издатель книги ал-Баттани С. А. Наллино: *Al-Battani* sive *Albatenii* Opus Astronomicum / Ed. C. A. Nallino. Milano, 1899. T. III. P. 173. N. 4.

[60] Ср.: *Калинина Т. М.* Водные пространства. С. 89 о появлении у Хордадбеха «понятия о единой водной артерии, соединяющей север и юг Восточной Европы».

[61] *Mžik H.* Ptolemaeus und die Karten der arabischen Geographen // Mitteilungen der Kaiserlichen und Königlichen geographischen Gesellschaft in Wien. 1915. 58. S. 161; см. фотографию этой карты в: The History of Cartography. Vol. 2. Book 1: Cartography in the Tra-

санию [62], можно понять, что это озеро, по данным ал-Хорезми, не соединялось с Понтом, а имело соединение, посредством двух параллельно текущих рек, с Северным Внешним морем, соответствующим Сарматскому океану Птолемея (см. илл. 13).

Закономерно возникает вопрос, как же соотносятся между собой европейская и исламская картографические традиции изображения Европы как острова. В последние годы получила распространение теория, согласно которой исламская наука и особенно картография оказали большое влияние на развитие европейской картографии. Большой вклад в развитие этой теории внес исследователь из Франкфурта-на-Майне Фуат Сезгин [63].

Возможно ли в свете этой теории утверждать, что, скажем, византийская карта конца XV в., на которой от Константинополя на север уходит пролив до Северного океана, или подобные карты из Западной Европы испы-

---

ditional Islamic and South Asian Societies / Eds. J. B. Harley and David Woodward. Chicago; London, 1992. Ill. 5.

[62] См. 2378—2384 по изданию Мжика: Das Kitāb Ṣūrat al-arḍ des Abū Ǧa'far Muḥammad ibn Mūsā al-Ḫuwārizmī / Ed. H. Mžik. Leipzig, 1926: «Затем выходят из нее [Батихи. — *А. П.*] две реки и (текут) между двух морей; место впадения обеих — в Северное море. И вот — карта этого» (пер. Т. М. Калининой).

[63] См.: *Fuat Sezgin*. Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. X. Mathematische Geographie und Kartographie im Islam und ihr Fortleben im Abendland. Historische Darstellung. 1—2. Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch-Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe-Universität, 2000; *Idem*. Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. XII. Kartenband. Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch-Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe-Universität, 2000; *Idem*. Wissenschaft und Technik im Islam. Einführung in die Geschichte der Arabisch-Islamischen Wissenschaften. Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch-Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe-Universität, 2003.

тали влияние арабо-исламской картографии (что хронологически вполне возможно)? Я так не думаю. Дело в том, что Фуат Сезгин, говоря об исламском влиянии, имеет в виду математическую картографию, которая не имеет никакого отношения к нашему случаю. Наибольшее количество примеров сходства с западноевропейскими *mappae mundi* дают круглые карты мира, произведенные в «классической школе» ал-Балхи, но именно эти карты представляют собой отклонение от основного направления арабской математической картографии, представленной, как полагают, картой мира ал-Ма'муна [64]. Существуют разные объяснения этого факта. В то время как К. Миллер видел здесь разрыв с греческой и особенно Птолемеевой традицией («eine Freimachung oder Loslösung der arabischen Kartographie von der griechischen Tradition und besonders von dem anfänglich vergötterten Ptolemaeus» [65]), Фуат Сезгин полагает, что эти карты возникли независимо от карт ал-Ма'муна («in Unkenntnis der Ma'mūnkarten entstanden sind» [66]).

Я думаю, что школа ал-Балхи, которая, как считают, «не знала» ни греческого влияния, ни традиции ал-Ма'муна, могла испытать влияние римской, «Агриппповой» картографической традиции, которая отличалась от научной греческой (Эратосфено-Птолемеевой) большим схематизмом и имела продолжение и в западноевропейской, и в византийской картографических традициях [67].

---

[64] Ср.: *Fuat Sezgin.* Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. XII: 131: «Dieser Kartentypus wurde... in der islamischen Welt weit verbreitet und stellt eine eigene Richtung in der Entwicklungsgeschichte der arabisch-islamischen Kartographie dar».

[65] *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten des 9.—13. Jahrhunderts. 5. Stuttgart, 1930. S. 184.

[66] *Fuat Sezgin.* Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. XII. S. 130.

[67] Некоторые примеры зависимости арабской картографии от европейской разобраны в работах: *Podossinov A. V.* Das Schwarze

Свидетельством этого служит их сходство во многих принципиальных деталях, среди которых — круглая или овальная форма ойкумены, окруженной океаном, отсутствие следов математической картографии, соединение через реки/реку Черного и Балтийского морей, изображение Азовского моря как отдельного от Черного моря бассейна (см. об этом следующий очерк), очертания Средиземного моря и некоторые другие.

В качестве посредника в передаче этой картографической традиции могла выступить карта мира византийского императора Феодосия II, которая была создана по его инициативе в 435 г. на основе карты мира Агриппы, служа официальной картой империи этого времени [68]. В

Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. I. Lokalisierung von Trapezus // Ancient West & East. 2, 2. 2003. S. 314—315; *Podossinov A. V.* Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. II. Die Halbinsel Krim, das Azowsche Meer und die Straße von Kertsch // Ancient West & East. 3, 2. 2004. S. 338—353; *Калинина Т. М., Подосинов А. В.* Азовское море в античной, в средневековой европейской и в арабской картографии // Ad fontem. У источника. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 108—119.

[68] См. об этой карте: *Wolska-Conus W.* La «carte de Théodose II": sa destination? // Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Traveux et Mémoires. 5. Paris, 1973. P. 276—278; *Weber E.* Tabula Peutingeriana. S. 117; *Hövermann J.* Das Geographische Praktikum des Claudius Ptolemaeus (um 150. p. C. n.) und das geographische Weltbild der Antike // Abhandlungen der Braunschweigischen wissenschaftlichen Gesellschaft. 31. Göttingen, 1980. S. 93—94; The History of Cartography. I. P. 259—260; *Gautier Dalché P.* La 'Descriptio mappe mundi' de Hugues de Saint-Victor. Text inédit avec introduction et commentaire. Paris, 1988; *Подосинов А. В.* Константинополь на Певтингеровой карте (к вопросу о картографии в Византии) // Историческая роль Константинополя. Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2003. С. 92—94.

поэтическом эпилоге позднеантичного географического трактата *Divisio orbis terrarum*, адресованного Феодосию, говорится, что изготовители этой карты «представили весь мир в кратком изложении (*totum breviter comprehendimus orbem*)». Карта мира Агриппы, которую и описывает *Divisio*, могла в этой форме служить основой для средневековых *mappae mundi* и для позднегреческих и арабских карт (очень вероятно, как раз для карт школы ал-Балхи [69]). Конечно же, поставленный здесь вопрос не может быть решен в рамках данного очерка и заслуживает отдельного рассмотрения.

* * *

Подводя итоги, следует сказать, что в античной и средневековой геокартографиях в отношении Восточной Европы, несмотря на недостаток информации о севере этого региона, всегда существовало представление о возможности водного пути (прямого или с помощью волоков), соединяющего Черное и Азовское моря с Балтийским морем. По-видимому, помимо напрашивающихся объяснений данного обстоятельства тем, что это были «мнимые реальности», фантазии, научные спекуляции [70] или просто ошибки, следует принять во

[69] Ср.: The History of Cartography. Vol. 2. Book 1. P. 129 о сходстве этих арабских карт со средневековыми *mappae mundi* и о возможном влиянии на них византийских карт. Хороший пример исламско-европейского взаимовлияния в картографии представляет собой типично западноевропейская Т-О-*mappa mundi* VIII—IX вв. из Национальной библиотеки в Мадриде (Vitr. 14. 3. 117v), которая надписана по-арабски и содержит арабскую этно- и топонимию (см. о карте: *Коновалова И. Г.* Андалузская карта // *Чекин Л. С.* Картография. С. 54—56 и илл. 11).

[70] Возможно, предполагаемой связью Танаиса (Дона) с Северным океаном следует объяснять ту легкость и настойчивость, с которой на протяжении многих веков по этой реке проводили

внимание и возможность существования реальных контактов населения Восточной Прибалтики и Причерноморья, которые могли осуществляться главным образом по речным путям и которые документируются археологическими данными [71] и отражаются в наших источниках. В конце концов, балтийский янтарь каким-то способом достигал стран Средиземноморья, где находил большой спрос, и одним из путей его поступления в Средиземноморье, по крайней мере, на рубеже эр, был путь по Неману и Березине в Поднепровье и далее в Черное море [72]. Несколькими столетиями позже и готы пришли в Причерноморье с берегов Балтики по Висле и Западному Бугу [73] к низовьям Днестра и Ду-

границу между Европой и Азией, что географически малооправданно.

[71] См. о них: *Булкин Вас. А.* Некоторые данные. С. 7—8; см. особенно с. 7: «Географическое положение центральной Белоруссии (откуда начинаются реки, текущие как в Черное море, так и в Балтийское. — *А. П.*) создавало вполне благоприятные условия для их использования в древности и в Новое время как путей сообщения между Балтийским и Черным морями». Ср. также: *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 83—86, 92.

[72] См.: *Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб., 1994. С. 190—201. *Он же.* Янтарный путь и венеды // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 1998. С. 198—208; *Kulakov V. I.* Amber Lands in the Time of the Roman Empire. Oxford (BAR International Series 1359), 2005. Впрочем, еще H. Blümner писал в RE. 5. Hlbd. 1897. Sp. 298 о более ранней датировке подобных контактов: «Aus altgriechischen Funden im Norden... hat man schliessen wollen, dass schon im 5. Jhdt. v. Chr. eine Handelsverbindung, die vornehmlich auch Bernstein betraf, zwischen der Ostsee und dem Schwarzen Meere bestand». См. также: Der Neue Pauly. 2. Stuttgart; Weimar, 1997. S. 575—577 о поступлении балтийского янтаря в Микены уже во втором тысячелетии до н. э.

[73] Неслучайно, по-видимому, две реки Восточной Европы, одна из которых впадает в Балтийское море, а другая — в Черное и

ная [74], а в еще более поздние времена здесь функционировал хорошо известный древним скандинавам, славянам и византийцам водный путь «из варяг в греки», о котором не знал цитированный в начале очерка венецианский историк Марк Сабеллик, — т. е. «водный путь из Британнского моря через Германское и Сарматское к Меотиде и Босфору, а затем оттуда в Понтийское море» существовал!

которые имеют свои истоки недалеко друг от друга, служа естественным продолжением друг друга, называются одним именем — *Буг* (Южный и Западный); об идентичности обоих имен см.: *Шрамм Г.* Реки. С. 65. Маркиан из Гераклеи (II, 39) рассказывает, что Рудон, река, впадающая в Балтийское море, имеет свои истоки у горы аланов, где живут сарматские аланы и где начинается Борисфен (Днепр), впадающий в Черное море (τὸ τῶν Ἀλανῶν Σαρμάτων ἔθνος, παρ' οἷς τοῦ Βορυσθένους ποταμοῦ τοῦ εἰς τὸν Πόντον ἐξιόντος αἱ πηγαὶ τυγχάνουσι). Аммиан Марцеллин также локализует рядом (*iuxta*) с реками Хронос и Вистула народы массагетов, аланов и саргетов (XXII. 8. 38), которые, как известно, жили неподалеку от Черного моря.

[74] Одно из первых известий о появлении готов у Черного моря принадлежит Дексиппу, который в 262/263 году был архонтом в Афинах. Согласно Дексиппу (Chron. Frg. 14 и 16 Dindorf), в 238 году готы в первый раз напали на римскую территорию в районе Нижнего Дуная и разграбили город Истрию. О маршруте готов от Балтийского моря к Черному см.: *Wolfram H.* Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. 3. Auf. München, 1990. S. 52—53; *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 142—150.

ОЧЕРК 3

Азовское море и Керченский пролив в античной и средневековой западноевропейской картографии

Настоящий очерк посвящен одному странному обстоятельству, связанному с изображением Северного Причерноморья в античной и средневековой картографии. Речь идет о разделении Черного и Азовского морей, т. е. об изображении Азовского моря как замкнутого бассейна (озера). Следствием этого является отсутствие Керченского пролива и, как правило, Крыма как полуострова. Эту картографическую традицию (или ее следы) можно проследить в античной, в средневековой европейской и арабской [1] картографии.

* * *

В античной картографии известны только две карты, на которых имеется изображение Черного моря с его северным побережьем — на карте середины III в. н. э. из города Дура-Европос на среднем Евфрате [2] и на Певтин-

---

[1] Об изображении Азовского моря в арабской картографии см. подробнее ниже в Главе II.

[2] См. о ней подробнее: *Подосинов А. В.* Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // ДГ, 1996—1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 237—252; *Он же.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 77—99 (там же литература о карте).

геровой карте, сохранившейся в копии XII—XIII вв., но определенно восходящей к первым векам н. э.[3] На обеих картах на том месте, где в Черное море выступает полуостров Крым, морское побережье представлено прямой линией, хотя там, где должен быть Крым, присутствует крымская топонимия.

Так, на карте из Дура-Европос восточнее города Борисфена (Ольвии) назван крымский город Херсонес, после которого следует город Трапезунт (см. илл. 16). Отсутствие изображения Керченского пролива и Крыма предполагает, на мой взгляд, отсутствие также соединения Азовского моря (которое на карте отсутствует) с Черным.

На Певтингеровой карте (сегмент VIII, 1—2, по изданию Э. Вебера[4]) над практически прямой линией северного берега Черного моря также упомянуты некоторые крымские топонимы (см. илл. 3), в частности, название Saurica, которое, возможно, представляет собой искаженное название полуострова Taurica; надпись «Рвы, вырытые рабами скифов», представляющая собой аллюзию на Перекопский перешеек; крымские города Калос лимен (*Salolime*), Акра, Нимфей, возможно, Мирмекий. Большинство этих названий надписано на узкой полосе суши, отделяющей Понт Эвксинский от Меотийского озера (*Lacus Meotidis* — Азовское море); при этом Азовское море представлено как замкнутый бассейн и не показан Керченский пролив, а по всей суше между морями тянется надпись *Bosforani*, т. е. «жители Боспорского

---

[3] См.: *Подосинов А. В.* Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I (I—VI вв.). С. 63—80; *Он же.* Восточная Европа. С. 287—378.

[4] *Weber E.* Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile—Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976.

царства», как известно, располагавшегося по обоим берегам Керченского пролива. Певтингерова карта является, таким образом, ярким и достоверным свидетельством существования в античной картографии представления о Меотиде как о замкнутом озере.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что описательная, литературная география как греков, так и римлян, ориентированных на греческие описания, прекрасно знает Азовское море как соединяющийся с Черным морем через Босфор Киммерийский (Керченский пролив) бассейн, а Крым как крупный полуостров в Северном Причерноморье. Эту традицию заложил еще Геродот в своем «Скифском логосе»[5], упомянув о Таврике как о южной границе Скифии, выступающей на юг и на восток. На протяжении всей античности конфигурацию Черного моря сравнивали с составным скифским луком, тетивой которого было южное побережье моря, а самим луком с двумя выступающими «горбами» — северное[6]. Углубление между этими «горбами» и создавал Крымский полуостров, простирающийся к югу.

Древнегреческая научная картография, представленная в творчестве Клавдия Птолемея (II в. н. э.) и его предшественников (Эратосфена, Гиппарха, Страбона, Марина Тирского), воспроизводила, судя по тексту «Географического руководства» Птолемея, Азовское

---

[5] См.: *Herod.* IV, 20 и 99: ἡ Ταυρική.

[6] См., например: *Ammian. Marc.* XXII, 9: «все географы (названы были “Эратосфен, Гекатей, Птолемей и другие авторитетнейшие специалисты в этого рода знаниях”. — *А. П.*) единогласно уподобляют вид моря скифскому луку с натянутой тетивой»; ср. также: *Strabo,* II, 5, 22; *Plin.* NH, IV, 76; *Dionys. Perieg.* 156—162. См. подробнее: *Илюшечкина Е. В.* «Скифский лук» как модель для ориентации в пространстве // ДГ, 2003 г. М., 2005. С. 73—82.

море, Керченский пролив и Крымский полуостров тоже достаточно реалистично[7].

Это обстоятельство указывает на то, что отмеченные деформации в изображении Северного Причерноморья были свойственны только *римской картографической традиции*. Откуда могла пойти такая традиция?

Уже было показано ранее[8], что некоторые деформации в изображении Черного моря — в позднеантичной и раннесредневековой картографической традиции — обязаны своим происхождением смещениям на карте мира Марка Випсания Агриппы (конец I в. до н. э.). В частности, следуя ошибке на карте Агриппы, южночерноморский город Трапезунт помещали на северном берегу Черного моря: карта из Дура-Европос, Певтингерова карта, карты, которыми пользовались Иордан (VI в.), анонимный автор из Равенны, написавший в VII в. «Космографию», и, возможно, арабские авторы ал-Ма'суди и ал-Идриси. Известно, какое большое влияние оказала карта мира Агриппы на последующую картографическую традицию античности и раннего Средневековья[9].

Есть также некоторые признаки того, что Меотида, Крым и Керченский пролив не были обозначены на карте Агриппы. Хотя сама карта до нас не дошла, краткое ее содержание известно по двум позднеантичным (V в.

---

[7] См.: *Ptol.* Geogr. III, 6 и V, 9, 1—7 (ed. C. F. A. Nobbe); ср. карты Птолемея в греческих и латинских рукописях XIII—XV вв.: *Kamal Youssouf.* Monumenta. T. II, fasc. 1. 1928. P. 132, 148.

[8] *Подосинов А. В.* Черное море. С. 237—252; *Podossinov A. V.* Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. I. Lokalisierung von Trapezus // Ancient West & East. 2, 2. 2003. S. 314—315.

[9] См. об этом, например: *Miller K.* Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1898. Ht. VI. S. 53.

н. э.) географическим каталогам «Divisio orbis terrarum» и «Demensuratio provinciarum», описывавшим границы и размеры различных регионов на Агрипповой карте [10]. В этих трактатах территория Скифии и Сарматии описывается следующим образом: «Сарматия и Скифия Таврика. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказ, с запада — рекой Борисфен, с севера — океаном, с юга Понтийской провинцией» [11]. Таврика в этом перечислении не выделена отдельным пунктом, но присутствует как определение для Скифии, показывая, что ко времени Агриппы скифская территория ограничивалась лишь размерами Крыма. Южной границей этой территории является *provincia Pontica*, в которой можно усматривать территорию Боспорского царства, объединенного в то время с южночерноморским царством Понт [12]. Крым оказывается, таким образом, никак не выделен среди других регионов Северного Причерноморья и едва ли был запечатлен на карте, которая была изготовлена после смерти Агриппы на основании его текстов. Полное отсутствие упоминания Меотиды в «Divisio» и «Demensuratio» заставляет думать, что она была изображена как внутреннее озеро.

По-видимому, этой Агрипповой традиции следуют как рассмотренные выше изображения Северного Причерноморья на карте из Дура-Европос и на Певтингеровой карте, так и описания некоторых поздних географи-

---

[10] См. их издание и исследование: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 62—76.

[11] Div. 15 = Dem. 9: «Sarmatia et Scythia Taurica. Hae finiuntur ab oriente iugis montis Caucasi, ab occidente flumine Borysthene, a septentrione oceano, a meridie provincia Pontica» (ср.: *Plin.* NH, IV, 91).

[12] Подробнее см.: *Подосинов А. В.* Проблемы исторической географии Восточной Европы (античность и раннее средневековье). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 44—45.

ческих сочинений, стоящих в русле Агрипповой традиции и основанных на подобной карте. Надо подчеркнуть, что именно эти карты составляют, по мнению историков картографии, Агриппову линию в развитии картографии, и именно в них ранее были обнаружены особенности, объясняемые влиянием карты Агриппы.

К этой же традиции обычно относят два географических произведения, в которых описание мира построено на картах, близких Агрипповой или Певтингеровой: «Космографию» Юлия Гонория, написанную в IV—V вв., и «Космографию» Равеннского Анонима, датируемую началом VIII в. Как же отражена территория Азовского моря и Крыма в этих памятниках? [13]

В «Космографии» Юлия Гонория упоминаются следующие «моря»: «море Меотида, море Босфор, море Киммерийское, море Понт...» [14]. Второе и третье моря явно означают Керченский пролив, который в античности назывался Боспором (Босфором) Киммерийским (ὁ Κιμμερικὸς Βόσπορος). Обозначение Керченского пролива как «морей», да еще как двух отдельных морей, показывает, что пролив между Меотидой (Азовским морем) и Черным морем не изображался на карте, описываемой Юлием Гонорием, а значит, не был показан и Крым как полуостров. Об этом же, на мой взгляд, свидетельствует и странное название «город Синды Таврика» (*Sindi Taurica oppidum*), упомянутое «Космографией» в Северном Причерноморье (32 А). Синды — народ на Таманском полуострове (т. е. на восточном берегу Керченского пролива), Таврика же должна означать западный берег пролива. Два этих названия, написанные вме-

---

[13] См. их издание и исследование: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 107—286.

[14] *Iul. Honor.* Cosm. 28 A: Mare Maeotis, mare Bosphorum, mare Cimmerium, mare Pontum...

сте, означают, что Керченского пролива на карте Гонория не было, а, как и на Певтингеровой карте, между Азовским и Черным морями изображалась непрерывная полоса суши.

В «Космографии» Равеннского Анонима также есть данные, позволяющие думать об отсутствии на карте-основе, весьма близкой Певтингеровой карте, Керченского пролива и Крымского полуострова. Судя по тому, что города Боспорского царства перечисляются в IV, 3 с востока на запад без всякого «шва» на месте пролива, а про Меотиду говорится, что она «простирается до Боспорской страны» [15], которая сама находится «возле Понтийского моря» [16], историки давно уже заключили, что Меотида была обозначена на карте Равенната, как и на Певтингеровой карте, обособленным от Черного моря бассейном [17].

Ни слова не говорит о Крыме в своем описании Скифии Иордан, у которого уже отмечались следы Агрипповой картографической традиции, хотя он и упоминает «Меотийское болото» (*Meotis palus*), «Боспорские проливы» (*angustiae Bosfori*) и некоторые города Крыма (*Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion*) [18].

К этому же кругу представлений об обособленности Азовского моря следует причислить и прослеживаемое на протяжении многих веков восприятие Танаиса как реки, соединяющей Азовское и Черное моря. Так, ирландский монах Дикуил в 825 г. писал (основываясь, очевидно, на изображении на карте): «Река Танаис рож-

---

[15] *Rav.* Cosm. IV, 5: Meotida regio... usque ad praefatam Bosphoranam patriam pertingit.

[16] *Rav.* Cosm. IV, 3: iuxta mare Ponticum posita.

[17] См., например: *Schnetz J.* Onogoria // Archiv für slavische Philologie. 1926. 40. S. 159.

[18] *Iord.* Get. 30—33, 37—39, 44—46, 117, 123—126.

дается на горе Гипербореи Рипеи. Пройдя через Меотийские болота, впадает в Эвксинский Понт»[19]. При этом важно иметь в виду, что книга Дикуила в качестве источника использовала, помимо прочих сочинений, также «Divisio orbis terrarum» и «Космографию» Юлия Гонория, т. е. находилась совершенно в русле Агрипповой традиции. Представление о том, что Меотида соединяется с Черным морем рекой Танаис, восходит, несомненно, к античности, так как уже Арриан в своем «Перипле Черного моря» (XIX, 4) писал, что Танаис «вытекает из Меотийского озера и впадает в Понт Эвксинский». Отзвуки этих представлений находят и в византийской литературе[20].

Таким образом, можно предположить, что на большинстве римских и раннесредневековых карт Крымский полуостров отсутствовал и, следовательно, Азовское море изображалось как замкнутое; истоки этой картографической особенности могут лежать в изначальном отсутствии Крыма и изоляции Азова на карте мира Марка Випсания Агриппы, которая послужила образцом для многих последующих карт так называемой Агрипповой

---

[19] *Dicuil.* De mensura orbis terrae. VI, 42 (ed. G. Parthey): «Fluvius Tanais nascitur in monte Hyperborei Riphei. Per Meotidas paludes exiens influit in Euxinum Pontum...».

[20] См., например: *Procop. Caes.* BG. IV, 4, 21: «Танаисом местные жители называют и то устье, которым начинается от Меотийского болота Танаис и, простираясь, как говорят, на двадцать дней пути, впадает в Понт Эвксинский, и даже тот ветер, который дует тут, они называют Танаитой»; ср. также: *Euagr.* Hist. eccl. IV, 23: «Танаисом туземцы зовут пролив, идущий из Меотийского болота в Эвксинский Понт». См. об этой традиции: *Амелькин А. О.* Керченский пролив в древности и средневековье // ВЕДС. XVIII. М., 2006. С. 3—7.

традиции, резко отличающейся от традиции птолемеевой картографии [21].

* * *

В Средние века картография была представлена, в основном, картами мира, которые варьировались от схематичных Т-О-образных космограмм до подробных карт типа Эбсторфской XIII в., содержащей более 1500 легенд [22]. Как показывает исследование средневековых *mappae mundi* VIII—XIII вв., проведенное Л. С. Чекиным [23], Крымский полуостров отсутствует не только на схематичных картах, где его a priori не может быть, так как все Черное море (вместе с Эгейским, Мраморным и Азовским) сведено на них, как правило, до узкой полосы, образующей левую перекладину тау-образного креста, основной стержень которого символизирует Средиземное море [24] (см. илл. 4). Но и более подробные карты мира, пытающиеся передать линию морского побережья, острова и проливы, не фиксируют Крым как полуостров на северном побережье Черного моря [25]. Как же

---

[21] Об этих двух традициях см. подробнее: *Miller K.* Mappae mundi. Ht. I. 1895. S. 2.

[22] См. о них подробнее: The History of Cartography. Vol. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and Mediterranean / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago; London, 1987. P. 286—370.

[23] *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья. VIII—XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999.

[24] См., например, репродукции таких карт: *Чекин Л. С.* Картография. С. 25, 33, 37, 58, 69, 117, 160, илл. № 1—4, 6—7, 9—19, 26—34.

[25] См. об этом подробнее: *Подосинов А. В.* Крымский полуостров в античной и средневековой западноевропейской картографии // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 304—312.

изображался на этих картах интересующий нас регион?

Англо-саксонская карта 2-й четверти XI в. [26] одна из первых дает довольно реалистические очертания Черного моря, но и здесь мы не находим никаких следов Крыма, а Азовское море никак не изображено, только посреди северного побережья Черного моря есть надпись *Meotides paludes* («Меотийские болота») (см. илл. 17). Карты мира XIII в. — Эбсторфская и Херефордская, — имея чрезвычайно подробную картографическую информацию, также не показывают Крымского полуострова [27] (см. илл. 7 и 18). Северное Причерноморье, как и на античных картах, представлено здесь практически прямой линией. На первой карте присутствует и Меотида, но связь ее с Черным морем показана через три реки, параллельно друг другу текущие из Меотиды в Понт, т. е. Азовское море показано не как часть Черного, а как отдельный бассейн. На второй карте «Меотийские болота» представлены как река, впадающая наряду с несколькими другими реками с севера в Черное море. Вполне возможно, что в основе средневековых *mappae mundi* лежали позднеримские карты мира, восходящие к Агриппповой традиции.

В арабской картографии также нередки случаи, когда Крым не показан как полуостров (ср. карту мира ал-Идриси на илл. 19), а Азовское море является отдельным от Черного моря бассейном (см. карту ал-Хорезми на илл. 13 и Главу II).

Начиная с XIV в., в Западной Европе развивается особая отрасль картографической продукции — *карты-портоланы*, представлявшие собой графические аналоги портоланов-лоций, существовавших в виде письменного

---

[26] *Чекин Л. С.* Картография. С. 120—121, илл. № 36; ср. также илл. № 38, 39, 41, 42, 44, 55, 56, 57, 58, 64.

[27] Там же. Илл. № 55 и 58.

текста [28]. От первого периода развития портоланов (до 1500 г.) до нас дошло более 180 карт и атласов [29]. Призванные служить практическим нуждам мореплавания, эти карты дают необыкновенно реалистическое изображение береговой линии Средиземного, Черного и Азовского морей со всеми их бухтами, мысами и полуостровами. Сплошной просмотр карт-портоланов с самых ранних (начало XIV в.) по XV в. показывает, что Азовское море, Крымский полуостров и Керченский пролив появляются на картах этого типа сразу, присутствуют везде и изображены весьма реалистично [30] (см. илл. 20).

Такова же конфигурация суши и моря в Северном Причерноморье и на *картах Птолемея*, которые известны нам в греческих списках XIII—XIV вв., а в Западной Европе стали воспроизводиться начиная с XV в. [31] (см. илл. 21).

Соединение двух ветвей картографии — практической традиции западноевропейских портоланов и пто-

---

[28] О портоланах см. подробнее: The History of Cartography. Vol. I. P. 371—456.

[29] См.: *Kupčik I.* Münchner Portolankarten: «Kunstmann I—XIII» und zehn weitere Portolankarten. München; Berlin, 2000. S. 9—10.

[30] Из ранних портоланов ср., например, портоланы Джиованни да Кариквано начала XIV в., Пьетро Весконте 1311 г., Паулина Миноритьі 1320 г., Марино Санудо 1321 г., Анджелино де Далорто 1325 г., Опицина де Канистрис 1336 г. и многих других, см.: *Kamal Youssouf.* Monumenta. T. IV, fasc. 1. 1936. P. 1138, 1140, 1160, 1169, 1172, 1174; fasc. 2. 1937. P. 1197, 1205, 1216; fasc. 3. 1938. P. 1331, 1333, 1334, 1350, 1368 et al.; fasc. 4. 1939. P. 1396, 1417, 1457, 1463 et al.; T. V, fasc. 1. 1951. P. 1491, 1493—1496, 1498, 1503, 1506—1508, 1513 et al. См. также: *Димитров Б.* България в средновековната морска картография XIV—XVII век. София, 1984. Passim; *Kupcik I.* Munchner Portolankarten. Passim.

[31] См. карты Птолемея в: *Kamal Youssouf.* Monumenta. T. 2. 1928. P. 132, 148; ср. также: The History of Cartography. Vol. I. P. 266—274.

лемеевой традиции греческой теоретической картографии — привело к тому, что к XV в. Азовское море, Крым и Керченский пролив, соединяющий два моря, заняли свое прочное место в картографических изображениях Восточной Европы.

ОЧЕРК 4

Волга в геокартографии античности и Средневековья

Значение Волги как крупнейшей транспортной артерии Восточной Европы, сложные перипетии ее истории как реки, соединявшей многие этнические массивы на протяжении нескольких последних тысячелетий и служившей инструментом торгового и культурного обмена и взаимодействия, заслуживают большого внимания со стороны историков, археологов, лингвистов[1]. Удаленность Волги от письменных великих цивилизаций Древнего Востока и классической античной культуры на протяжении многих веков обрекала ее на почти полное выпадение из кругозора народов, имевших возможность фиксировать свои знания в письменности. Поэтому во многих случаях мы обладаем лишь косвенными — лингвистическими или археологическими — данными, позволяющими судить о значении волжского торгового пути в древней истории Восточной Европы. В настоящем очерке я позволю себе, привлекая письменные, кар-

---

[1] См. обобщающий труд по истории Волжского пути: *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л., 1989, а также материалы конференций: Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8—10 сентября 1998 г. Казань, 1999; Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28—29 августа 2000 г. Казань, 2001.

тографические, археологические и лингвистические свидетельства, а также исследования последних лет[2], поделиться некоторыми наблюдениями и соображениями об истории названий Волги в древневосточных и античных, а также раннесредневековых источниках.

Как известно, самым первым надежным источником, зафиксировавшим довольно точно расположение Волги и давшим ее название, является «Географическое руководство» греческого географа, астронома и математика середины II в. н. э. Клавдия Птолемея. Вот что он пишет о Волге (Geogr. V, 8, 12—13):

> 12. С востока [Азиатская Сарматия граничит начинающейся] отсюда частью Гирканского моря, в которой... [находится] устье реки Ра... 87°30' — 48°50', и Скифией, [простирающейся] вдоль реки Ра до поворота, находящегося под 85° — 54°, и вдоль [идущего] отсюда меридиана до неизвестной земли. 13. Есть еще другой поворот реки Ра, приближающийся к повороту реки Танаиса, положение которого таково: 74° — 56°. Выше этого [поворота] сливаются две реки, текущие от Гиперборейских гор; слияние их имеет такое положение: 79° — 58°30', истоки более западной из них лежат под 70° — 61°, а восточной — 90° — 61°[3].

---

[2] Я имею в виду, в частности, книгу И. В. Пьянкова «Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ» (М., 1997), где разбираются античные географические представления о северо-востоке ойкумены; перевод с немецкого книги Готтфрида Шрамма «Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках» (М., 1998), в которой известный германский историк и филолог прослеживает судьбу названий восточноевропейских рек в античности и раннем Средневековье в связи с этническими миграциями и историческими событиями этих веков, а также книгу В. Я. Петрухина и Д. С. Раевского «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье» (М., 1998).

[3] Греческий текст и русский перевод см.: SC. T. I. C. 238.

Итак, Птолемей дает название реки — *Ра* (Ῥᾶ), описывает ее течение и впадение с севера в Каспийское (Гирканское) море, упоминает левый приток Волги (очевидно, Каму), считая его восточным руслом самой Волги, существующим наряду с западным руслом, отмечает близость русел Дона (Танаиса) и Волги в их среднем течении[4]. Сообщение Птолемея, который аккумулировал в своей «Географии» сведения многих предшествующих авторов, информацию карт, дорожников, следует рассматривать как позднюю фиксацию данных, известных задолго до него, а значит, можно считать, что как минимум уже в начале нашей эры название и направление течения Волги-Ра были знакомы античному миру. Позже это название было воспринято ранней арабской картографией и географией (IX в.), которая во многом строилась на Птолемеевом наследии (см., например, реку Ра у ал-Хваризми[5]).

Исходя из зафиксированного Птолемеем названия Волги (*Ра*), представляется возможным с помощью исторической ретроспекции обнаружить и более ранние свидетельства знакомства с этой рекой в античности.

Результатом такого ретроспективного взгляда является обнаружение названия и описания Волги в той огласовке корня *ра-*, в которой он встречается в источнике, написанном за семь веков до Птолемея, а именно, в сочинении Геродота (V в. до н. э.) — отца европейской исторической науки. В своем знаменитом «Скифском логосе» Геродот повествует о походе персидского царя Дария против скифов. Перейдя вслед за отступавшими

---

[4] Ср.: *Ammian Marc.* XXII, 8, 28: «huic [sc. Tanai] Ra vicinus est amnis».

[5] См.: *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 8—10, 53—54, 89 и Главу II настоящего издания.

скифами через Танаис (Дон) и пройдя на восток или северо-восток через земли савроматов до страны будинов, за которой лежала пустыня протяженностью в семь дней пути, Дарий расположил свое войско у реки под названием *Оар* (Ὄαρος) (см.: *Herod.*, IV, 122—124). Вне зависимости от того, как расценивать достоверность Геродотова сообщения о столь дальнем походе Дария, а также от того, что, по Геродоту, Оар впадает не в Каспийское море, а в Азовское, большинство ученых не сомневается в том, что греческий историк зафиксировал тут скифское название Волги[6].

Прежде всего об этом говорит географическое расположение описываемых Геродотом народов. Савроматы во времена Геродота жили в междуречьи Дона и Волги, их памятники археологически прослеживаются вдоль правобережья Волги до Саратова, а на северо-востоке — до Челябинска[7]. Выше же савроматов по реке Оар располагаются будины, о которых историк пишет, что это «племя большое и многочисленное; все они светлоглазые и рыжие» и что «вся их страна густо поросла разнообразными лесами» (*Herod.*, IV, 108—109; ср. IV, 21—22). Это дало право многим исследователям помещать будинов на Средней Волге вплоть до Перми и даже за Волгой, у склонов Южного и Среднего Урала, и видеть в них древних финно-угров[8]. Английский исследователь

---

[6] См. *A. Hermann* in: RE. 17. 1937. Sp. 1680: «Danach kann es sich nur um die Wolga handeln»; обзор точек зрения см.: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 148—149; 377—379.

[7] См.: *Смирнов К. Ф.* Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 194 и сл.

[8] См. обзор точек зрения по проблеме будинов: *Доватур А. И. и др.* Народы. С. 352—362.

античного Северного Причерноморья Э. Х. Миннз даже считал, что главный город будинов Гелон следует искать на перекрестке торговых путей недалеко от слияния Камы и Волги[9]. В любом случае будины локализуются в лесной зоне Восточной Европы. Городецкая и ананьинская археологические культуры, занимавшие бассейн Оки и Средней Волги, а также более северные поволжские районы, признаются современными исследователями как принадлежавшие финно-угорским народам, в частности, предкам современной мордвы[10].

В этой связи трудно согласиться с Г. Шраммом, который отрицает возможность отождествления Геродотова Оара с Волгой. Соглашаясь, что *Оар* — это название реки, текущей восточнее Дона, а «информация о будинах больше всего подходила бы к одному из народов Среднего Поволжья»[11], Шрам, тем не менее, считает, что, поскольку Дарий не мог зайти так далеко на северо-восток Европы в своем походе против скифов, а сама река, по Геродоту, впадает не в Каспийское, а в Азовское море, «из списка потенциальных названий Волги *Oaros* надо вычеркнуть»[12]. В качестве подходящей реки Шрамм называет Днепр, одно из древних названий которого он восстанавливает как **Var-*, а Ὄαρος рассматривает как точную передачу исконного названия[13]. При этом историк считает, что сам Геродот не догадывался, что названием *Оар* передает скифское имя именно Днепра.

---

[9] *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 104 sqq.

[10] См., например: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 110—111.

[11] *Шрамм Г.* Реки. С. 73.

[12] Там же. С. 75.

[13] Там же. С. 65—66, 75.

Отдавая должное лингвистической стройности в соотнесении Геродотова имени *Оар* с более поздним гидронимом *Вар*, должен все же заметить, что и эта локализация далеко небезупречна. Во-первых, Днепр, как и Волга, не впадает в Азовское море, так что этот аргумент против Оара-Волги можно спокойно опустить (если не обратить его против самого Шрамма). Во-вторых, трудно себе представить, что Геродот, из всех северочерноморских городов посетивший, вероятно, только Ольвию — город, расположенный в днепровско-бугском лимане, не знал, что название *Оар* принадлежит тому же Борисфену-Днепру, на берегу которого он находился и который так подробно описывал (см. его описание выше в конце Очерка 1). В-третьих, как объяснить, что Геродот, посвятивший большую часть своего труда именно скифскому походу Дария, ради этого прибывший на далекую окраину античного мира, в Ольвию, так и не смог здесь узнать, что как раз до этого места дошел Дарий, а неподалеку на Днепре стоят развалины восьми больших крепостей, построенных Дарием у реки Оар и сохранившихся до времени Геродота (IV, 124)? Наконец, сам Шрамм в другом месте противоречиво отмечает, что, описывая маршрут от Танаиса через земли савроматов и будинов вверх по Волге, Геродот «располагал подробными сведениями о караванном пути» вдоль Волги к Уралу, но при этом будто бы сам ничего не знал об этой реке [14]. Думается, что все эти соображения не позволяют нам принять название *Оар* за имя Днепра и побуждают видеть в нем наименование Волги.

Возвращаясь к названию Волги в античный период, следует признать, что район Волги для греческих и римских авторов на протяжении почти всей античности и

[14] Там же. С. 80.

раннего Средневековья оставался практически *terra incognita*. Так далеко на северо-восток Европы сами греческие купцы едва ли доходили, а сведения, которыми они располагали, они получали от посредников — скифо-сарматских племен, с которыми у них были тесные отношения в районе Северного Причерноморья и которые населяли низовья Волги вплоть до ее среднего течения.

Кроме того, на протяжении почти всей античности Волги как бы и не существовало еще и потому, что уже рано в античной геокартографии возобладала чисто умозрительная теория, согласно которой Каспийское море — это залив Северного океана (ее придерживались такие крупные географы, как Эратосфен, Посидоний, Страбон). Волга, таким образом, оказывалась проливом, соединяющим океан с Каспийским морем. Этот пролив мог рассматриваться как короткий (и тогда он не воспринимался как река) или как длинный (и тогда его ассоциация с какой-то рекой могла иметь место[15]). Но сам факт, что на месте реки, впадающей в Каспий, предполагался пролив, несомненно, препятствовал поискам и идентификации реки и ее названия. Недаром, вероятно, непосредственные описания Волги мы находим лишь у двух античных авторов — Геродота (I, 202 и 203) и Птолемея (VII, 5, 9), т. е. как раз у тех, кто явно придерживался представления о Каспии как замкнутом бассейне[16].

---

[15] Например, римский географ середины I в. н. э. Помпоний Мела указывает, что Каспийское море соединяется с Северным океаном «узким и длинным проливом» (*ut angusto ita longo freto*) «наподобие реки» (*quasi fluvius*) (*Mela*, III, 38; ср.: *Plin.* NH, VI, 37: *inrumpit autem artis faucibus et in longitudinem spatiosis*); Страбон говорит о «довольно узком» проливе (XI, 6, 1: ἱκανῶς στενός).

[16] И. В. Пьянков, правда, считает, что уже в картографической традиции, идущей от Гиппарха через Посидония и Агриппу к

В поисках упоминаний Волги в античных источниках мы не можем пройти и мимо названия реки *Аракс*, в котором, возможно, звучит тот же корень *ра-*. Относительно локализации этой реки в античности существовал значительный разнобой мнений [17]. Кроме обычной ее локализации в Закавказье, где до сих пор есть река с таким названием, а также отождествления ее с Амударьей, некоторые источники помещают Аракс явно на севере (или северо-востоке) от Каспия и показывают его впадающим в это море. Так, тот же Геродот, говоря о миграции скифов из Азии в Северное Причерноморье, пишет, что «скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами (закаспийским ираноязычным народом. — *А. П.*), ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю (т. е. в Северное Причерноморье. — *А. П.*)» (IV, 11). В другом месте (I, 201—202), описывая дельту Аракса, впадающего в Каспий сорока устьями, Геродот «заселяет» ее людьми, которые «питаются сырой рыбой и пользуются шкурами тюленей как одеждой»; этот текст (особенно упоминание тюленей) приводит некоторых исследователей к заключению, что здесь описана именно дельта Волги, где только и водились тюлени [18]. Так же, как и Геродот, от Аракса на-

---

Птолемею, Каспий изображался замкнутым бассейном с впадающей в него с севера крупной рекой (*Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 170—171, 177; ср. то же о Скилаке — с. 17, Ктесии, Эвдоксе, Клитархе и Курции — с. 27). Надо отметить, что, хотя это мнение зиждется на очень гипотетических источниковых основаниях, весьма вероятно, что сведения о великой реке, впадающей с севера в Каспий, все же проникали к грекам, хотя и в неясной форме, с весьма древних времен.

[17] Подробнее обзор точек зрения см.: *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 114—126; см. также: *Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 184—186.

[18] См. подробнее: *Доватур А. И. и др.* Народы. С. 185.

чинает продвижение скифов на запад до Фракии и греческий автор I в. н. э. Диодор Сицилийский (II, 43).

Интересно, что Аристотель воспринимал Танаис (т. е. Дон), впадающий в Меотийское озеро (т. е. Азовское море), как рукав Аракса, от которого отделяется Дон (Meteor. I, 13, 15—16). Поскольку же Аристотель помещал истоки Аракса на горе Парнасс в Центральной Азии, то можно сделать вывод, что и Стагирит представлял себе Каспийское море как замкнутый бассейн, тем более, что у него есть несколько смутных упоминаний о больших озерах среди Кавказских гор [19].

В связи с такой локализацией Аракса ученые уже давно предположили, что в названии Аракса, рукавом которого воспринимался Дон, действительно близко подходящий к Волге в районе современного Волго-Донского канала, живет знакомое нам по Геродоту и Птолемею название Волги, фонетически близкое к Геродотову *Оару* и Птолемееву *Ра* [20]. Очевидно, Волгу имел в виду и Диодор Сицилийский (IV, 56, 3), когда без упоминания названия реки рассказывал о том, как Ясон с аргонавтами при возвращении из Колхиды плыли сначала вверх по Танаису-Дону, а затем перетащили свои корабли волоком в какую-то другую реку; поскольку среди своих источников Диодор называет Тимея, жившего ок. 300 г. до н. э., следует, соответственно, удревнить и данную информацию [21].

---

[19] См.: *Aristot.* Meteor. I, 13, 18 и 29; II, 1, 10; ср.: *Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 199—204 (сведения Аристотеля о Танаисе как рукаве Аракса возводятся к Гекатею Абдерскому, Фр. 13; ср. также: *Avien.* 29—32 о Танаисе, который, «будучи разорван сначала водой Аракса», впадает затем в Меотиду).

[20] См. историографию проблемы: *Куклина И. В.* Этногеография. С. 119; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 79; *Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 284.

[21] Подробнее см.: *Шрамм Г.* Реки. С. 80—81.

Кроме приведенных фактов, можно указать еще на упоминание Волги в качестве *Рос* (Ῥῶς) в одном греческом географическом трактате III или IV в. н. э., авторство которого приписывается Агафемеру[22]. Возможно, сюда же относится имя одного из скифских вождей у Валерия Флакка *Rhadalus* (VI, 69), которое И. В. Пьянков читает как *Rhadanus* и сближает с Птолемеевым Ῥᾶ, древнеиранским *Raha-danu* и авестийским *Raŋha* (*Рангха*)[23].

Упомянув древнеиранские параллели, мы подходим к еще более древней экстраполяции названия Волги, сохраненного для нас Птолемеем в виде *Ра*.

Весьма вероятно, что самое древнее свидетельство о Волге и ее названии содержится в древнеиранской «Авесте» — памятнике зороастризма, создание которого относят к разным датам. Самой распространенной и почти общепринятой датировкой является конец II — первая половина I тыс. до н. э.[24], хотя письменная фиксация произошла значительно позже. Внутри этого памятника существуют разновременные слои и произведения; авторство некоторых «Гат» из сборника «Ясна» приписывают самому Заратустре (жил, вероятно, в первые столетия I тыс. до н. э., возможно в VII в.[25], хотя некоторые иранисты удревняют дату его жизни до 1200 г.

---

[22] Geographi Graeci minores. Vol. II / Ed. C. Muller. Paris, 1861. P. 502. 6; лингвистический анализ этого гидронима см.: *Шрамм Г.* Реки. С. 76.

[23] *Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 55 и 284.

[24] См.: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. М., 1983. С. 167.

[25] См., например: *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971. С. 142.

до н. э.[26]). В «Видевдате» и «Яштах», которые были созданы, вероятно, в VI—IV вв. до н. э., а некоторые части которых восходят к доахеменидскому периоду (XI—VI вв. до н. э.)[27], и упоминается некая река под названием *Raŋha* (*Рангха*, *Ранха*), в которой многие иранисты — историки и лингвисты — считают возможным видеть именно Волгу.

Вот несколько примеров упоминания Ранхи в «Авесте».

В «Видевдате», которая по праву называется «Географической поэмой», так как в ней дана география Хванираты — центрального, населенного людьми каршвара, в первом фрагарде рассказывается, как Ахура-Мазда сотворил 16 «лучших стран и мест обитаний». Злой Анхра-Манью в ответ создает свои творения, исполненные бед и зла. В качестве последней, шестнадцатой, страны упоминается «страна у истоков Ранхи, которая управляется без правителей», ей «в противовес состряпал Анхра-Манью многопагубный зиму, дэвовское творение» (I, 19)[28]. Следует отметить, что зима, которую создал Анхра-Манью для страны у истоков реки Ранхи, указывает на северное расположение истоков этой реки. Во всех шестнадцати творениях Ахура-Мазды и Анхра-Манью зима выступает, кроме нашего случая, еще только раз при творении Арианам-Вайджи с рекой Вахви-Датией (I, 2) — области, которая связывается с северной

---

[26] См. обзор точек зрения в: *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи / Пер. с англ. 3-е изд., полностью переработанное. СПб., 1994. С. 12.

[27] См. подробнее о составе и особенностях «Авесты»: *Брагинский И. С.* Авеста // Авеста в русских переводах (1861—1996). СПб., 1997. С. 22—66; подробнее о хронологии частей «Авесты» см.: Там же. С. 44.

[28] Авеста в русских переводах. С. 73.

прародиной иранцев (река отождествляется с Амударьей или Араксом).

Следующие упоминания реки Ранхи находятся в «Яштах» — гимнах, посвященных отдельным богам иранского пантеона. Так, в «Яште» 5, XVI, 63 Паурва, герой древнеиранского эпоса, переживший в своих путешествиях множество приключений, молится богине Ардви-Суре, которая сама воспринималась как божественный исток Амударьи, Ранхи и других мировых рек, чтобы «живым достичь земли, Ахурой данной, воды широкой Ранхи и дома своего»[29]. В «Яште» 5, XX, 81 этой же богине приносит в жертву сто жеребцов, тысячу коров и мириад овец тур Йойшта, сын Фрияны, выходец из скифского племени саков, и происходит это «на острове в стремнине реки широкой Ранхи»[30]. В «Яште» 10, посвященном богу Митре, рассказывается, что обманщик будет наказан Митрой в любом месте на земле: на востоке, на западе, в истоке Ранхи, или посреди земли (10, XXVII, 104)[31]. Поскольку предполагается, что середина земли (сам Иран) находится на благоприятном юге, можно предположить, что Ранха указывает здесь на северную часть земли. И, наконец, в «Яште» 14, XI, 29 упоминается рыба, живущая в водах широкой и глубокой реки Ранхи[32].

В пехлевийских источниках название этой реки звучит как *Рах*, *Араг*, *Аренг* и др., при этом исследователи предполагают связь этого названия именно с Волгой, которая воспринималась в зороастрийской мифологии как мировая река, протекающая «на краю света»[33]. Ин-

[29] Там же. С. 185.
[30] Там же. С. 188.
[31] Там же. С. 298.
[32] Там же. С. 347.
[33] Там же. С. 456—457.

тересно, что и в гимнах древнеиндийской «Ригведы» упоминается некая северная река *Rasā*, которую отождествляют с авестийской *Raŋha*[34].

Если говорить об этимологии древнеиранского названия Волги, то лингвисты считают вполне закономерным выведение греческого ʻPâ и авестийского *Raŋha* из авестийского же *ravan-* 'река', при этом «очевидно, -v- было передано греками через дигамму, которая впоследствии, как известно, исчезла — признак большой древности заимствования в греческий»[35].

Таким образом, можно говорить о скифском (т. е. иранском) происхождении древнейшего названия Волги, зафиксированного в «Авесте», у Геродота и у Птолемея. Это название *Ранха* или *Ра*.

Тот факт, что именно иранские племена дали Волге ее первое название, хорошо согласуется с этногеографической и археологической историей ранних иранцев и расселением их северных ответвлений — скифо-сакских и сарматских племен, кочевавших между Алтаем и Северным Причерноморьем. Их путь в любом случае проходил через Нижнюю Волгу, ее величина и значение должны были отложиться в их памяти на долгие века, и именно от скифов должны были узнать ее имя греки[36].

А теперь я напомню интереснейшее обстоятельство. Как известно, в языке финно-угорских народов Среднего Поволжья сохранилось до сих пор это же название Вол-

---

[34] См., например: *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. 3. С. 120; сам автор придерживается точки зрения, что здесь имеется в виду Амударья.

[35] *Шрамм Г.* Реки. С. 75.

[36] Известно, что те же скифы дали название также реке Дон: греческое название Дона *Танаис* восходит к иранскому (авестийскому) *Danu* (см.: *Gershevitch I.* The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959. P. 189).

ги. Так, в эрзя-мордовском языке оно звучит как *Rav(o)*, в мокша-мордовском — как *Rava*, в определенной форме — *Ravs*[37]. Г. Шрамм полагает, что это древнее заимствование из североиранского, проще говоря, — из языка скифов и сарматов, доминировавших в нижневолжских степях, в язык древних финно-угров, живших в области Средней Волги, в лесостепи и в зоне смешанных лесов[38]. Уже заимствованием из финно-угорского видит Шрамм племенное название *робаски* (‘Ροβασκοί) у Птолемея (IV, 14; ср.: *Orosius,* I, 2, 2: *Rhobasci*); это племя Птолемей размещает вдоль берегов Восточной Ра (т. е. Камы); этноним мог означать «обитатели Волги»[39]. Любопытно, что в перечне народов, входивших в состав державы готского царя Германариха (ок. 370 г.), Иордан (Get. XXIII, 116) в VI в. упоминает после названий несомненно финно-угорских народов мери, мордвы и мещеры этнонимы *Rogas Tadzans*, которые некоторыми лингвистами восстанавливаются как одно имя **Rauastadjans* со значением «обитатели берегов Волги»[40], что может являться переводом финно-угорского *робаски*. Этот факт свидетельствует, что и в IV в. н. э. поволжские

---

[37] *Шрамм Г.* Реки. С. 75—76.

[38] Там же. С. 76, 79—82. Напротив, заимствованием из финнского в греческий считал В. В. Бартольд Птолемеево название *Ра* (см.: *Бартольд В. В.* Арабские известия о русах // *Он же.* Сочинения. Т. II (1). М., 1963. С. 814). Сходную позицию см.: *Kiessling M.* Ra // RE. 2. Reihe, 1. Hlbd. 1914. Sp. 1—8.

[39] *Шрамм Г.* Реки. С. 76.

[40] См.: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940). Leipzig, 1903. S. 378—379, Anm. 4; *Шрамм Г.* Реки. С. 77; ср. о неоднозначности «финно-угорских» этнонимов в перечне Иордана: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 135—136.

финно-угры сохраняли перенятое у южных иранцев название *Ра*, или *Рава*.

Лингвистика и археология подтверждают, что контакты между скифским и финно-угорским мирами по Волге были достаточно интенсивными уже в очень древние времена. Пушнина, доставляемая из северных лесов и из Сибири, а также золото и другие металлы, добывавшиеся с древнейших времен на Урале, весьма благоприятствовали развитию торговых коммуникаций по Волге. Языковое влияние на финно-угорские языки со стороны древнеиранского хорошо прослежено лингвистами, в том числе и в торговой лексике (например, слова, означающие «золото», «выдра», «пчела», «рог», числительное «сто», некоторые обозначения транспортных средств, военного снаряжения, инструментов и т. д. были заимствованы в финно-угорских языках из иранского)[41]. Не лишним будет отметить, что сами названия некоторых финно-угорских народов Среднего Поволжья — мордвы, мари (летописной мери), муромы, удмуртов — восходят, как считают лингвисты, к древним иранским заимствованиям[42].

Абашевская культура бронзы, распространенная на Средней Волге и Каме, уже во второй половине II тыс. до н. э. заметно выделяется среди окружающих ее охотничьих культур[43], что позволяет предположить возможность торгового обмена с южноволжскими соседями. Исследователи также отмечают, что «в ряде ананьинских могильников, расположенных по течению Волги между местами впадения в нее Камы и Ветлуги, часто попадаются скифские предметы VII—VI вв. до

---

[41] Подробнее см.: *Шрамм Г.* Реки. С. 81—82.

[42] См.: *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973. С. 102 и сл.; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 321—324.

[43] *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 79.

н. э.»[44]. Товары из Ольвии, судя по археологическим данным, попадали по Волге в Прикамье и на Урал[45]. Южное влияние заметно и в пьяноборской археологической культуре в сарматское время (после 200 г. до н. э.)[46].

Примечательно, что и сам Геродот из всей континентальной Восточной Европы дает описание пути на север только вдоль Волги (не называя ее). При этом он ссылается на некоторых эллинов и на скифов, которые ведут там торговлю: «до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также у эллинов, как из гавани Борисфена (Ольвии. — *А. П.*), так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках» (*Herod.* IV, 24). На мой взгляд, такая избирательность Геродота свидетельствует о том большом значении, которое уже в середине V в. до н. э. имела волжская речная артерия, связывавшая Причерноморье с континентальными глубинными регионами[47].

Возможно, именно Волга имелась в виду Диодором, когда он описывал следующим образом возвратный путь аргонавтов (IV, 56, 3): «Они проплыли вверх по Танаису до его истоков, в определенном месте они протащили корабль волоком и, проплыв по другой реке, впадающей в океан, спустились к (Северному. — *А. П.*) морю»[48].

---

[44] Там же. С. 111; см. также о скифо-сарматском влиянии на культуру мордвы: *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952 (МИА. 28). С. 55—61.

[45] *Граков Б. Н.* Чи мала Ольвія торговельни зносини з Поволжьям і Пріуральям в архаічну і класічну епоху? // Архелогія. Т. 1. Киев, 1947. С. 23—38.

[46] *Шрамм Г.* Реки. С. 79.

[47] Ср. также: *Шрамм Г.* Реки. С. 80, 82—87.

[48] См. об этом месте Диодора выше в Очерке 2. Г. Шрамм твердо убежден, что речь здесь идет о Волге (см.: *Шрамм Г.* Ре-

В раннесредневековых латинских источниках (например, в «Космографии» Равеннского Анонима или на Певтингеровой карте) имя Волги в каком-либо звучании не встречается, ибо здесь повторяются по большей части старые античные схемы, в которых Каспий выступает как залив Северного океана.

В то же время у византийских авторов, начиная с VI в., а позже (с X в.) в арабских и западноевропейских источниках, Волга уже выступает под новым именем *Итил* (*Аттила* — Ἄττιλα, *Атил* — Ἄτηλ, *Ател* — Ἄτελ, *Этел* — Ἐτέλ, *Эдил* — *Edil*, *Исил* и др.). Это новое имя отражает глубокие этнические изменения, произошедшие в Северном Причерноморье и на Нижней Волге в период Великого переселения народов, а именно вторжение сюда масс тюркоязычного населения из Азии, которым и принадлежало название *Итил* (возможно, это были гунны, пришедшие в низовья Волги в конце III в.)[49]. Это название сохранилось до сих пор в чувашском *ADə̂l*, в казанско-татарском *Idil*, башкирском *Idĭl*, монгольском *Idʒil*, калмыцком *Idʒl̥*[50].

Ко времени гуннского нашествия можно, кажется, относить и первое проникновение в район Средней Волги южных кочевников — оногуров. Позже, уже в VII в., в том же районе появились теснимые хазарами болга-

---

ки. С. 80: «Этот рассказ Диодора является первым, еще без упоминания названия, свидетельством того, что Волга вошла в географический кругозор греков»).

[49] См.: Там же. С. 77. В. В. Бартольд (Арабские известия. С. 815) считает, что река получила название *Итил* не позже IV в. н. э.; об арабских источниках, в которых запечатлелось имя *Итил*, см.: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I—II. М., 1962—1967.

[50] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Т. I. М., 1986. С. 337.

ры/булгары, образовавшие в IX—X вв. государство Волжско-Камская Булгария, а вскоре все Среднее и Нижнее Поволжье оказалось под властью хазар, получавших дань с подвластных волжских народов, поэтому тюркское название Волги закрепилось на всем этом протяжении. Даже Кама со своим притоком рекой Белой стала именоваться *Белым* или *Малым Итилом* (см. казанско-татарский *Ak Idil* и чувашский *Sur ADə̂l*) в отличие от *Черного* или *Большого Итила* (казанско-татарский *Qara* или *Ulu Idil*) — собственно Волги[51]. Характерно, что один из важнейших городов Хазарии на Нижней Волге назывался ее именем — *Итил*; это была столица каганата и зимовище кагана, откуда он правил подвластными народами. С VI—VII вв. налаживаются торговые связи с Согдом, Хорезмом и Ираном (Закавказьем), а также Византией, которые становятся возможными благодаря Волжскому торговому пути через Волжскую Булгарию и Хазарию[52].

И, наконец, русское название реки *Волга* появляется в самых первых письменных источниках восточного славянства. В географическом введении к «Повести временных лет» упоминаются с запада на восток реки Дунай, Днестр, Днепр, Десна, Припять, Двина, Волхов и последней в этом перечне названа «Волъга, яже идеть на востокъ, в часть Симову»[53]. Название *Волга* этимологи выводят и из славянских языков (**Vьlga* — «волгкий,

---

[51] *Шрамм Г.* Реки. С. 77—78.

[52] *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 326.

[53] Повесть временных лет. 2-е изд., исправл. и дополн. СПб., 1996. С. 7. Ср. также несколько ниже (с. 9): «Ис того же лѣса [Оковськаго] потече Волга на въсток, и вътечеть ссмьюдссят жерелъ в море Хвалисьское [Каспийское]. Тѣм же и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы [Хорезм], и на въсток доити въ жребий Симовъ...».

волглый» «влажный», ср. чешский гидроним *Vlha* и польский *Wilga*), и из балтских, и из финно-угорских[54]. Ясно только, что его распространение на Волгу началось с севера, с Верхней Волги, в отличие от двух предшествующих — иранского *Ра* и тюркского *Итил*, отразивших оживленные торговые коммуникации финно-угорских народов Среднего Поволжья с нижневолжскими степняками — иранцами и тюрками — и тюркские миграции на север.

Очевидно, такие же связи были установлены между русами и народами Среднего и Нижнего Поволжья. Арабский автор X в. Ибн Хаукал так писал о торговле хазар и о северных мехах: «Большая часть этих мехов, даже лучшие из них, добываются в стране русов..., и они продавали их (меха) в Болгаре, пока не разорили его в 358 г. (= 968/969 г. н. э.). Часть этих товаров доходила до Хорезма... Таким образом, не прекращался приток товаров русов к городу Хазарану (Итилу)»[55]. Ибн Хордадбех рассказывал о торговле русов мехами до Багдада и далее до Китая[56].

В скандинавских источниках встречается название восточно-европейской реки Олкога (*Olkoga*), в котором исследователи видят имя Волги (иногда Волхова)[57]. На Эбсторфской карте, выполненной в XIII в. в Нижней Саксонии, в Восточной Европе указана река, надпись к которой гласит: «*Olchis fl(uvius) qui et Wolkans*» («река

---

[54] *Фасмер М.* Этимологический словарь. Т. I. С. 336—337.

[55] Текст см.: *Бартольд В. В.* Арабские известия. С. 848- -849; ср.: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Т. I. С. 168.

[56] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Т. II. С. 84—85.

[57] Встречается в древнеисландской «Книге Хаука» (*Hauksbók*) второй половины XIV в. (подробнее см.: *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 154—156).

Олхис, называемая также Волканс»)[58]. И хотя представления картографа о Восточной Европе были весьма путанны (так, он заставляет эту реку впадать в Северный океан, а на ней размещает города Новгород и Киев: Novgardus *c*[*ivitas*], *Kiwen c*[*ivitas*]), есть основания видеть здесь контаминацию знаний о двух реках Восточной Европы — Волхове и Волге, которые были важным участком Великого Волжского пути (см. илл. 7). В этих западно- и североевропейских упоминаниях Волги позволительно усматривать участие скандинавов — варягов-руси — в торговых и военных контактах восточных славян с поволжскими народами.

О знакомстве славян с Волгой первоначально в ее верхнем течении говорит и упоминание Волги в ПВЛ не после Дона, который вообще не упомянут, поскольку там господствовали тюркские степняки, и не после хотя бы Днепра, а после северных рек Двины и Волхова, истоки которых находятся недалеко от Верхней Волги. Да и ремарка летописца, что Волга «течет на восток», выдает, вероятно, знание Волги лишь в ее верхнем течении до великой излучины, после которой она течет на юг. С другой стороны, указание, что она течет в «часть Симову», т. е. в Азию и по ней из Руси можно попасть «в Болгары и въ Хвалисы (Хорезм)», несомненно, связано с представлением о Волге как о начале пути через Каспий в страны Азии и Кавказа[59].

В письме хазарского кагана Иосифа (60-е гг. X в.) сообщается: «Я охраняю устье реки [Итил] и не пускаю

---

[58] См.: *Miller K.* Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. Bd. V. Die Ebstorfkarte. Stuttgart, 1896; *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья VIII—XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. Илл. 48 и 51.

[59] См. подробнее: *Мельникова Е. А.* «Этнографическое введение» Повести временных лет: Пространственная ориентация и принципы землеописания // Живая старина. 4(8). 1995. С. 45—48.

русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на измаильтян... Я веду с ними войну. Если бы я их оставил (в покое) на один час, они уничтожили бы всю страну измаильтян до Багдада...»[60]. Иосиф имел в виду, очевидно, пиратские набеги русов, спускавшихся по Волге или из Черного моря через Дон и Нижнюю Волгу на побережья Каспийского моря, населенные мусульманами, которые действительно имели место в X в.[61]

По иронии судьбы буквально через несколько лет после составления этого письма (в 965—968 гг.) русский князь Святослав разгромил Хазарию и разрушил ее столицу Итил, совершив путь через Оку и Среднее Поволжье[62]. Разгром Хазарии и ее вассалов (в том числе Булгарии) не привел к политическому закреплению Руси на берегах Средней и Нижней Волги, но в 985 г. между Волжской Булгарией и Древней Русью (в лице князя Владимира) был заключен мирный договор, который стал основой развития прочных торговых и культурных связей между Русью и Средним Поволжьем.

Думается, что краткий обзор истории волжской гидронимии, данный в настоящем разделе, будет небеспо-

---

[60] Текст и перевод см.: *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 100—102.

[61] Об одном из них, произошедшем между 909 и 914 гг. и окончившемся полным избиением русов на обратном пути хазарами, буртасами и булгарами, сохранились свидетельства арабских источников, в частности, ал-Мас'уди (см. текст: *Бартольд В. В.* Арабские известия. С. 829—831; ср. также: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 281).

[62] «Иде [Святославъ] на Оку рѣку и на Волгу... Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганом... Одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ (и) Бѣлу Вежю взя. И ясы побѣди и касогы» (Повесть временных лет. С. 31; ср. о том же событии известие Ибн Хаукала: *Бартольд В. В.* Арабские известия. С. 850).

лезным для понимания роли Волги как важнейшей торговой магистрали Восточной Европы, на протяжении тысячелетий способствовавшей интеграционным процессам различных этносов и государств в этом регионе.

* * *

Теперь я хотел бы проследить, как и когда появляется Волга в европейской античной и средневековой картографии, какие следы она оставила и оставила ли вообще на древних картах, а также в геокартографических представлениях европейцев о Восточной Европе в период до Великих географических открытий. Заняться этой темой становится возможным после опубликования в последние годы нескольких фундаментальных трудов по истории картографии[63].

Говоря об античной картографии, надо отдавать себе отчет в том, что до нас практически не дошло никаких аутентичных античных памятников, которые могли бы свидетельствовать о том, как выглядели карты[64]. Кроме небольшого фрагмента карты из Дура-Европос середины III в. н. э., нарисованной на кожаной обшивке щита и представляющей участок западного и северного побережья Черного моря[65], источником по античной картографии могут служить для нас Певтингерова карта (список XII—XIII вв., но восходящая к первым векам нашей

---

[63] Я имею в виду книги: The History of Cartography / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago and London. Vol. I—II. 1987—1998; *Чекин Л. С.* Картография.

[64] См. подробнее: *Подосинов А. В.* Античная картография (факты и проблемы) // Вопросы истории. 1998. 8. С. 61—70.

[65] См. о ней: *Подосинов А. В.* Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // ДГ, 1996—1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 237—252.

эры[66]), а также карты Птолемея, которые сохранились лишь в поздних копиях начиная с XII в., но описаны в произведении самого Птолемея.

Об изображении Волги у Птолемея речь уже шла выше. Сведения Птолемея о реке Ра-Волге оказались практически утраченными для последующей картографии, которая на греческой почве как будто не имела какого-либо отчетливого развития[67], а в латинской культуре продолжала придерживаться доптолемеева представления о Каспии как заливе Северного океана.

Таким образом, римская геокартография, как кажется, никогда не воспользовалась достижениями Птолемея и наследовавшая ей западноевропейская средневековая картография традиционно вплоть до картографической «революции» Возрождения не замечала большой реки, впадающей с севера в Каспийское море[68]. Впервые Ев-

---

[66] *Подосинов А. В.* Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I—VI вв.). 2-е изд., испр. М., 1994. С. 63—80.

[67] См.: The History of Cartography. I. P. 258, 279. Византийская литература, в отличие от западноевропейской, уже с VI в. знала о Волге под именем Атил (Аттила, Ател, Этел), что было вызвано оживленными политическими и экономическими контактами с восточноевропейскими народами (см., например: *Чичуров И. С.* Экскурс Феофана о протоболгарах // ДГ, 1975 г. М., 1976. С. 65—80).

[68] Арабская геокартография, напротив, с самого своего зарождения в IX в., благодаря оживленным торговым связям по Волжскому торговому пути (достаточно вспомнить посольство багдадского халифа в Волжскую Булгарию в 921—922 гг., описанное его секретарем Ибн Фадланом), и используя наследие Птолемея, никогда не теряла Волгу из виду, называя ее то Ра, то Атилом, локализуя на ней Волжскую Булгарию, хазар и другие реальные народы раннего Средневековья (подробнее о Волге в арабской картографии см.: *Коновалова И. Г.* Восточные источники // ДР. С. 191—193, 213—215).

ропа узнала о том, что Каспийское море — не залив Северного океана от Вильгельма де Рубрука, путешествовавшего в эти края в 1253—1256 гг. и назвавшего реку Этилию (Волгу)[69].

Карта Юлия Гонория, Певтингерова карта, картографическая основа «Космографии» Равеннского Анонима (Cosm. II, 8—11), картина мира Иордана (Get. 30), Эбсторфская карта, Херефордская и другие средневековые карты повторяют представления о Каспии как заливе Северного океана, игнорируя существование Волги и не называя ее имени (Pa).

Почти единственное, что осталось от этого района — это *робаски*, которые, очевидно, через посредство Оросия попали на некоторые западноевропейские средневековые карты. Рассмотрим их расположение на картах и географическое окружение.

Так, на карте из рукописи XII в. (London, BL, Add. 10049, f. 64)[70], содержавшей сочинения св. Иеронима, первыми в Северном Причерноморье начиная с востока названы [*R*]*obasci Scite* (робаски-скифы) (см. илл. 22). Следующее название — река *Cliteron fl*[*uvius*], а затем следует *Fasis fl*[*uvius*], потом гиперборей и аримаспы. Фасис (совр. Риони) впадает, как ему и положено, в Черное море, а робаски, река Клитерон и гиперборей с

---

[69] *Rubr.* XIV, XVI, XX: «Начинается Этилия из Великой Булгарии, лежащей к северу, направляется к югу и впадает в некое озеро, или в некое море, которое ныне называется море Сиркан... А Исидор называет его Каспийским морем... Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это залив, выходящий из океана, ибо он нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружен землей»; ср.: *Матузова В. И.* Английские средневековые источники. IX—XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 196—197, 201, 210, 215.

[70] См. ее публикацию в: *Чекин Л. С.* Картография. С. 123—125, илл. № 39.

аримаспами находятся на северо-востоке от Фасиса, при этом река Клитерон не впадает в Черное море. Не могло ли соседство робасков и не впадающей в Черное море реки в Северном Причерноморье свидетельствовать о Волге, которая могла подразумеваться под Клитероном? Думается, что при неясности географической ситуации в Восточной Европе это возможно, даже если принять во внимание, что Клитерон, начинаясь на Крайнем Севере рядом с робасками, течет далее на запад мимо Боспора, Александровых алтарей, гелонов и, по-видимому, впадает в Танаис (ср., однако, восприятие Нижнего Дона как рукава Волги [71]).

Несколько выше на этой же карте (т. е. восточнее при ее восточной ориентации) мы видим и Каспийское море, представленное как залив Северного океана. Интересно, что с западной стороны в море впадают две реки. Одна, расположенная южнее (правее), несет название Аракс и, по всей видимости, идентична современному Араксу, другая, впадающая с северо-запада в самый пролив, соединяющий Каспийское море с океаном, называется «Ахеронт, адская река» (*Acheron fluvius infernalis*). Истоки этой реки показаны на горах, расположенных на Крайнем Севере с надписью рядом с ними — «Наиверхняя Скифия» (*Scitia Suprema*). Все географическое окружение Ахеронта и впадение ее в устье Каспия наводят на мысль, что под Ахеронтом также может скрываться Волга.

В рамках одной карты я указал на возможность идентификации с Волгой двух рек (Клитерон и Ахеронт), что может показаться нелогичным и избыточным. Но, во-первых, всякий, кто занимался средневековыми картами,

[71] Особенно часто это представление встречается в арабской картографии (*Коновалова И. Г.* Восточные источники. С. 192). Подробнее об этом см. ниже в Главе II.

знает, сколь много нелогичностей и этнотопонимических дублетов встречается в их легендах[72]. Во-вторых, название реки Клитерон, как считается, восходит к гидрониму *Gesclithron*, упомянутому Плинием Старшим (VII, 10) и Солином (15, 20). Это имя объясняется из греческого словосочетания γῆς κλεῖθρον, которое означает «запор земли», т. е. дверь в подземный мир[73]. Таким образом, река Клитерон, как и Ахеронт, оказывается связанной с подземным миром, к ней приложимы те же характеристики, и поэтому под двумя названиями вполне могла выступать одна река.

Робаски упоминаются на Эбсторфской карте XIII в. (см. илл. 7), где на самом севере около изображения трех столпов с пламенеющим огнем стоит надпись «*are Alexandri Magni in finibus Robascorum...*» («алтари Александра Великого в пределах робасков...»)[74].

Также и на Херефордской карте ок. 1290 г. присутствуют робаски и опять в непосредственной близости от реки Ахеронт (см. илл. 16). Легенды на карте располагаются следующим образом: «Каспийское море. Река Ахеронт. Считается, что это река ада, так как она кипит, впадая в море. Течет от Тенистых гор и, как говорят, тут вход в геенну. Здесь я нашел зверей, похожих на Минотавра, пригодных для войны. У албанов голубые зрачки, и они лучше видят ночью. Савроматы-скифы. Робаски-скифы (*Robasci Sithe*). Массагеты. Эвнохи-скифы. Аримаспы. Враждуют с грифами за жемчуг. У грифов головы и крылья, как у орла, а тело, как у льва. Могут пронести быка по воздуху. Река Клитерон. Гиперборей...»[75].

---

[72] См., например о дублетах в названиях народов на Певтингеровой карте: *Подосинов А. В.* Певтингерова карта. С. 73—75.

[73] *Miller C.* Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. Ht. 3. Stuttgart, 1895. S. 5—6; *Чекин Л. С.* Картография. С. 199.

[74] *Чекин Л. С.* Картография. С. 143, 149 и илл. 51.

[75] Там же. С. 154, 156, илл. 57.

Л. С. Чекин в своем комментарии к Эбсторфской и Херефордской картам высказал мнение, что робаски здесь — «народ у берегов Танаиса (т. е. Дона. — *А. П.*)»[76], но, судя по их расположению среди савроматов, массагетов, аримаспов, грифов и гиперборeев, это скорее северо-восток Европы с его Рипейскими (Уральскими) горами. Если учесть их локализацию у Камы (Восточный Ра) Птолемеем, то можно предположить, что река Ахеронт здесь, впадающая в Каспийское море, является субститутом Волги, вытекавшей с севера, с Рифейских гор, где жили полумифические геродотовы племена, протекавшей через владения робасков и впадавшей с севера в Каспийское море.

Отметим и здесь наличие в непосредственной близости друг от друга рек Ахеронт и Клитерон.

Загадочная река Ахеронт, которая, по мифологическим представлениям древних, протекала в подземном царстве Аида, впервые появляется в реальном географическом пространстве около Каспия еще в «Космографии» Этика[77] (VIII в. н. э.). Она встречается и на так называемой «Карте Генриха Майнцского» (конец XII — начало XIII в.)[78], где изображена, правда, восточнее Каспийского моря (см. илл. 6), и на Эбсторфской карте, на которой Ахеронт впадает, как и на Иеронимовой карте (см. о ней выше), с запада в самое устье Каспийского моря[79] (см. илл. 7). Здесь также рассказывается, что это «адская река» (*fluvius infernalis*) и что «она, впадая в море, кипит» (*fervens mare ingreditur*), хотя на полях карты и дается пространный экскурс, основанный на Этике, о

[76] Там же. С. 216.

[77] *Aeth.* Cosm. 155, 4.

[78] *Чекин Л. С.* Картография. С. 128—129, илл. 49.

[79] Там же. С. 141, 148, илл. 49.

том, что Ахеронт у Каспийского моря на самом севере впадает в Океан (*Acharon fluvius recipitur ab occeano*)[80].

Таким образом, хотя общая картина Восточной Европы с Каспием как заливом Северного океана и не предполагала изображения Волги, все же Волга присутствует, хотя и неявно, в допущении существования какой-то большой реки (рек) в Восточной Европе, кроме Танаиса. Можно поэтому предположить, что и река *Olchis fl(uvius) qui et Wolkans* Эбсторфской карты несет в себе контаминированную информацию о двух реках Восточной Европы, по которым шли торговые пути через Восточную Европу[81], — о Волхове, на котором расположен Новгород, упомянутый на карте при этой реке, и о Волге, чье название лингвистически более точно соответствует имени *Wolkans*. Такое же предположение можно сделать и относительно названия восточноевропейской реки *Olkoga* (Волга или Волхов?) в древнескандинавских источниках[82], которое может свидетельствовать о том, что именно со скандинавами, активно осваивавшими торговые пути по Волге, пришли в Западную Европу сведения о величайшей реке Восточной Европы, остававшейся до тех пор никому не известной.

---

[80] Там же. С. 140, 147—148.

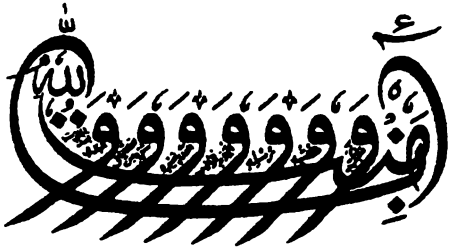
[81] Там же. С. 213.

[82] См. подробнее: *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 154—157 и Главу III настоящего издания.

Глава II

Реки Восточной Европы по данным арабо-персидской географической литературы

(*Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова*)



Часть I

Т. М. Калинина

Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо-персидских авторов IX—X вв.

Очерк 1

Водная связь между Севером и Югом Восточной Европы

В 30—40-х гг. VII в. пространства от Африки до Азии, принадлежавшие ранее Византии и Сасанидскому Ирану, завоевали арабы. Арабский флот, построенный при халифе Му'авии I (ок. 605—680), вышел на просторы Средиземного моря, Гибралтара и Атлантики. В 711—714 гг. арабские войска завоевали южные области Пиренейского полуострова, а войны с Византией стали неотъемлемой частью политики Арабского халифата на протяжении нескольких столетий. В начале VIII в. арабы завоевали Закавказье, к 715 г. ими были захвачены земли Средней Азии. В течение всего VIII в. арабские правители были заняты усмирением населения захваченных территорий и борьбой за власть, что в конечном счете привело к падению правящей династии Омейядов и воцарению Аббасидских халифов. Именно при Аббасидах возникла арабская астрономия, география, история как летопись побед и поражений. Развитие наук определялось возросшей потребностью фискального аппа-

рата, торговцев, военных и прочих государственных чиновников в информации обо всех территориях, занятых Халифатом, о соседних и отдаленных областях.

О Европе и окрестных территориях, о населявших эти земли народах ученые Арабского халифата получали сведения от торговцев, мореплавателей, путешественников. О народе *сакалиба* (в большинстве случаев имеются в виду славяне) и их областях арабы узнали от побывавших в византийском плену арабов Харуна ибн Йахьи и Муслима ал-Джарми, которые оставили заметки о Византии, славянах, аварах, болгарах и других европейских народах. Книги эти не сохранились, но информацию из них пересказывали другие арабские и персидские писатели. Данные о народах и областях Европы арабы получали и от самих европейцев, служивших в арабских войсках и населявших гарнизоны в пограничных городах. Русы стали известны после их походов в Прикаспийские области, куда они проникли по речным путям Восточной Европы. С хазарами арабы встретились, покорив Иран и выйдя в Закавказье.

При дворе Аббасидских халифов шла интенсивная работа по освоению культурного наследия народов, переводились книги античных, сирийских, византийских, иранских, индийских ученых. Из этих трудов арабы также узнавали о народах Европы. При описании Земли и ее водных пространств арабские ученые упоминали крупные восточноевропейские реки. Но поскольку эти географы не бывали на территории Восточной Европы (за редким исключением), то опирались они главным образом на книжные данные.

Особенность арабо-персидской литературы (многие ученые, по происхождению персы, писали по-арабски) заключается в том, что все авторы обязательно опирались в своих рассказах на предшественников. Использо-

вать их сведения было и необходимо, и почетно, но ссылаться на них, по представлениям восточных писателей, было не обязательно. В тех случаях, когда первоисточник был назван, сообщения его могли быть искажены или переделаны. В большинстве же случаев оригиналы не сохранились, поэтому материалы арабо-персидских писателей зачастую относятся не ко времени жизни и работы сочинителя, а восходят к гораздо более ранней эпохе или к совсем иному, чем у арабов, кругу источников.

В соответствии с определенной античной традицией (см. о ней в главе I), Европа представлялась арабским географам похожей на остров. Он был ограничен рекой Танаис, соединявшейся с озером Меотис (в арабской передаче — *Майутис* или *Майтас*, иногда с искаженной диакритикой — *Манитас* или *Маниташ*) и морем Понт (в арабском варианте — *Бунтус*, с искаженной диакритикой — *Нитас* или *Ниташ*). Понт соединялся водной цепью со Средиземным морем, последнее — с Атлантикой, вплоть до ее северной части, которая воплощала собой Северный Ледовитый океан. Ал-Баттани писал: «Земля делится на три части. Первая — от Зеленого моря со стороны севера и пролива (Босфора. — *Т. К.*), который выходит из Понта в Великое море (Средиземное. — *Т. К.*), и [областей], что [лежат] между озером Меотис и Понтом. Описывают границы этой области: с запада и севера — Западное море, оно же Океан (Атлантика от Эфиопии до Британии. — *Т. К.*), со стороны юга — море Египта и Рума (Средиземное. — *Т. К.*) , со стороны востока — Танаис и озеро Меотис. Эта земля похожа на остров, название ее — Европа»[1]. Такие воззрения свой-

[1] Al-Battani sive Albatenii Opus Astronomicum. Mediolani, 1899. Pt. 1. P. 27; *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И. Ю.* Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 99;

ственны ученым IX—X вв. Ибн Русте, ал-Мас'уди, очевидны из географического раздела «Всеобщей истории» Агапия Манбиджского и других сочинений. Западным морем (*бахр ал-Магриб*) назывались воды западной оконечности «населенной части» Земли, омывающие северное и западное побережья известного мира. В IX в. астроном Мухаммад ибн Касир ал-Фергани, в описании семи широтных зон («климатов»), западной границей называл именно Западное море[2]. Это описание семи климатов повторили многие более поздние ученые (Ибн Русте, ал-Мукаддаси, ал-Марвази, ал-Казвини и др.). Представление о Западном море как северо-западной границе Европы стало традиционным.

По традиции, тоже восходящей к античности, все моря, за исключением Каспия, рассматривались большинством арабских ученых ответвлениями единого Окружающего океана (*'Укийанус*), который омывал Землю.

«Книга картины Земли» математика, астронома и географа Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (первая треть IX в.) содержала координатные данные для описания береговой линии морей, течений рек, очертаний гор, местонахождений городов или «центров» стран. В основу труда ал-Хорезми было положено «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, ученого II в. н. э., хотя его координатные данные были иными. Названия земель, далеких от Халифата, были приведены те же, что и в сочинении Птолемея, хотя и в очень искаженном виде, в

Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 145.

[2] Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis qui vulgo *Al-Fraganus* dicitur, Elementa Astronomica, arabice et latine. Amstelodami, 1669. S. 130; *Розенфельд Б. А., Добровольский И. Г., Сергеева Н. Д.* Об астрономических трактатах ал-Фергани // Историко-астрономические исследования. М., 1972. Вып. XI. С. 198; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 129—130.

то время как известные восточному ученому местности и города были переданы в привычных арабам вариантах [3].

Очертания Восточной Европы в труде ал-Хорезми имели вид, в основном аналогичный материалам книги Птолемея. Однако были и весьма существенные отличия. Омывающие север Европы воды у Птолемея назывались Сарматским океаном; ал-Хорезми именовал их Северным Внешним морем [4]. На юге Восточной Европы ал-Хорезми называл координатные данные для Черного и Азовского морей, однако эти материалы во многом отличаются от данных Птолемея. Ал-Хорезми не оперировал хорошо известными арабам античными наименованиями Черного и Азовского морей — Понт и Меотис. Сведения о Черном море по большей части не совпадали с представлениями античных авторов о Понте Эвксинском. В сочинении ал-Хорезми раздел, посвященный береговой линии одного из крупнейших водных массивов, называется: «море *Танджа*, море *Мартаба*, море *Ифрикийи*, море *Барки*, море *Мисра и аш-Шама*, море *Барики и Лазики*. Часть каждого из них соединяется с частью другого» [5]. Эти названия соответствовали прибрежным территориям: Танжера в Марокко, Мавритании (?) или какой-то области в Северной Африке, Ифрикийе в Тунисе, Барки — плато в Киренаике, Египта и Сирии. Очевидно, что здесь подразумеваются Гибралтарский пролив и Средиземное море. Последним в этой цепи значи-

---

[3] Das Kitab Surat al-ard des Abu Ǧa'far Muhammed ibn Musa al-Huwarizmi / H. v. Mžik. Leipzig, 1926 (далее — *al-Huwarizmi*); *Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми*. Избр. произведения. Ташкент, 1983 (на узб. яз.); *Калинина Т. М.* Сведения. С. 11—107.

[4] *Калинина Т. М.* Сведения. С.46, 86; *Mžik H.* Osteuropa nach der arabischen Bearbeitung des Γεωγραφική ὑφήγεσις des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1936. Bd. 43, H. 3—4. S. 174.

[5] *al-Huwarizmi*. S. 72; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 46.

лось море *Барики и Лазики*. Издатель и исследователь текста ал-Хорезми Х. Мжик предположил, что наименование *Барика* (у Мжика — *Барка*) являлось искажением птолемеевского топонима *Фракия*, а *Лазика* — птолемеевской *Ликии*[6]. В таком случае наименование этой части моря относилось бы, по данным ал-Хорезми, к Эгейскому морю. Однако координатные данные не показывают очертаний береговой линии этого моря, зато есть указания на береговую линию Черного моря: от Константинополя, мимо Истра к городам, соответствующим птолемеевским Ольвии, Евпатории, Феодосии, Ойнантее, Диоскурии (Севастополису Колхидскому), «где разбивается гора Кавказ»[7]. Эта часть моря, по данным ал-Хорезми, принимала реки, аналогичные тем, что впадают в Понт Эвксинский по сведениям Птолемея: Аксиак и Данубий (т. е. Дунай) с его сильно разветвленным устьем. Топоним *Барика* встречается в трудах Сухраба, Ибн Хордадбеха и Кудамы ибн Джа'фара в отношении некоей местности на Кавказе, исследователями не определенной. Наименование *Лазика* встречается у целого ряда арабских географов X в. и относится к царству лазов — Эгриси на восточном побережье Черного моря[8], хотя и является архаичным, взятым, возможно, из сасанидских источников, однако он был хорошо известен и арабам. Не исключено, что изначально формы *Барика* и *Лазика* и произошли, действительно, от искаженных античных названий Фракии и Ликии, но были переосмыслены арабскими учеными, начиная с ал-Хорезми, на основе их собственных представлений о берегах Черного моря. Итак, судя по очертаниям береговой линии, ал-Хо-

---

[6] *Mžik H.* Osteuropa. S. 165.

[7] *Калинина Т. М.* Сведения. С. 46.

[8] *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 98.

резми передавал сведения о Черном море, в основном совпадавшие с материалами Птолемея, хотя очертания Черного моря были искажены, по сравнению с птолемеевскими, на 10 градусов (как, впрочем, и Средиземного моря).

Самым разительным отличием сведений ал-Хорезми о Черном море как от материалов Птолемея, так и от действительности, является отделение Черного моря от Азовского: по данным ал-Хорезми, эти два моря являются отдельными, не соединенными друг с другом бассейнами. Меотис назван *ал-Батихой*, т. е. «озером». Это озеро представлено в книге ал-Хорезми отдельным водным бассейном, не связанным с Черным морем. Керченский пролив показан как замкнутый на севере рукав. Это не соединенное с Понтом озеро, отстоявшее гораздо далее, чем Меотис Птолемея, на север, оказывается связанным двумя широкими водными потоками с Северным Внешним морем. У Птолемея нет данных о соединении Меотиса с Сарматским океаном. По его данным, реки Лик и Порит начинаются с гор Бодин и впадают в Меотис. Имеются также данные о реках Турунт и Хесин, которые начинаются в горах Рипеи и впадают в Сарматский океан. На реконструируемой, по данным координат, карте ал-Хорезми эти четыре реки Птолемея сливаются в два почти параллельных потока, соединяющих *ал-Батиху* и Северное Внешнее море[9]. Эти сведения отражены на сохранившейся в рукописи ал-Хорезми карте *ал-Батихи* (см. илл. 13[10]).

---

[9] *Mžik H.* Osteuropa. S. 164—165, 183, 187, 189; *Калинина.* Сведения. С. 86, 87—88, 104—105.

[10] The History of Cartography / Ed. J. B. Harley and D. Woodward. Vol. 2. Plate 5. В легенде к карте, однако, редакторами сделана ошибка: в левом верхнем углу изображено не Черное море, а Северное Внешнее, связанное с Меотидой двумя большими водными потоками.

Возможно, на подобные воззрения арабского автора, занимавшегося теоретическими изысканиями, оказала влияние информация о начавшейся в IX в. активной торговле между севером и югом Восточной Европы, что находит подтверждение в данных нумизматики. Клады восточных монет, относящиеся к концу VIII — IX в., были найдены в скандинавских странах, в Польше, Германии, на севере Руси, на юге — в восточнославянских областях и в Хазарии. С образованием Древнерусского государства торговля интенсифицировалась, активно действовали пути от Прибалтики в Восточную Европу, Волжский путь и пути по Дону через переволоки на Волгу и Каспий [11].

Однако не исключено, что изменение данных Птолемея могло произойти под влиянием античной и, возможно, византийской картографий, где существовали подобные представления (см. Глава I, Очерк 2).

В некоторых случаях на античных и средневековых латинских картах роль водного потока, соединяющего южные и северные моря Восточной Европы, играла река Танаис (см. Часть I, Очерк 2).

Однако ал-Хорезми реку Танаис изобразил почти так же, как Птолемей. Назвав реку *Танис* (или, поскольку огласовки не указаны, *Танаис*, хотя в этом случае, строго

---

[11] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1956. С. 71—80; *Кропоткин В. В.* Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 226—230; *Фомин А. В.* Источниковедение кладов с куфическими монетами IX—X вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 10—13; *Noonan Th. S.* Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arabic-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. T. 4. P. 151—282; *Idem.* Why the Vikings First Came to Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. Bd. 34. S. 340—346.

говоря, должен был бы стоять *алиф* после *нун*), ал-Хорезми, как и Птолемей, указал исток реки в некоем «источнике» (*айн*), ее поворот близ города Наварис (у ал-Хорезми искаженно — *Сурис*) и впадение в Меотиду, которая у ал-Хорезми названа *ал-Батиха*[12] (см. выше). На грубоватом изображении Меотиды, сохранившемся в рукописи труда ал-Хорезми, где имеется изображение Танаиса (см. илл. 13), эта река тоже имеет истоком небольшое озерцо, хотя у Птолемея таких данных нет. Впадает река в Меотис = *ал-Батиху*. В целом изображение соответствует данным Птолемея и не несет новой информации об этой реке.

Кроме сведений об Азовском море (*ал-Батихе*), ал-Хорезми приводит данные о некоем озере *Барастанис*. Название и координатные данные этого очень небольшого озера показывают, что ал-Хорезми взял здесь за основу сообщение Птолемея об истоках реки Борисфен (т. е. Днепра) в озере. Однако это озеро у ал-Хорезми соединено не с Понтом, как у Птолемея, а опять-таки с Северным Внешним морем, и еще принимает две реки без названия, аналогий которым у Птолемея нет. Таким образом, очевидно стремление арабского автора показать некие известные ему водные связи на северо-востоке Европы, положив, однако, в основу старые материалы Птолемея (см. илл. 14).

В книге ал-Хорезми имеется ряд координат для населенных пунктов вокруг Понта (моря *Лазики* и *Барики*). Так, на южном побережье перечислены города в следующем порядке (часть названий искажена и приводится в восстановленном виде, часть имеет современный арабскому автору облик): Константинополь, Амасея, Халкедон, Гераклея, Герма (или Терма), Зефирион, Ласкориа, Комана Понтийская, Анкира, Зела, Анкон (или

---

[12] *al-Huwarizmi*. S. 156; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 53, 103.

Темискюра), Полемонион, Керасус, далее назван пункт на восточном побережье моря — Диоскурия, она же Себастополис Колхидский. Указаны также города западного и северного побережья: Истрос, Борисфен (Ольвия), Евпатория, далее автор почему-то приводит координаты и название Синопы, города на южном побережье Понта, за ним снова переходит на северное побережье, назвав Феодосию. Также даны координаты для городов на побережье *ал-Батихи* (Меотиса), соответствующие материалам Птолемея и имеющие искаженные названия в книге ал-Хорезми: Гермонасса, Ойнантея, Танаис, Наварис, Эксополис, Тирамба [13]. В перечне городов по климатам отсутствуют названия таких крупных центров черноморской торговли, как Трапезунд, Херсонес Таврический. Однако последний все же назван среди «центров» в соответствующей главе; а задействованными в торговле IX в. городами были как минимум: Константинополь, Амасея, Халкедон, Гераклея, Комана Понтийская, Анкира, Диоскурия, Истрос, Синопа, Феодосия, Гермонасса, Танаис. Часть бывших античных городов в IX в. имела уже совсем другие имена, как, например, Феодосия — Кафа, Гермонасса — Матраха или Таматарха, что никак не отразилось в материалах ал-Хорезми.

Возможно, непоследовательность перечисления причерноморских прибрежных городов объясняется попыткой привести в систему современные автору знания о торговом пути, идущем от Константинополя, по прибрежным городам Понта до Синопы, далее кратчайшим путем по морю к Херсонесу и портам на побережье Северного Причерноморья, а далее до Приазовья [14], с тео-

---

[13] *Mžik H.* Osteuropa. S. 168–170; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 78—82.

[14] *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Kraków, 1956. T. I. S.102—104; *Ahrweiler H.* Les relations entre

ретическими материалами из труда Птолемея, лежавшими в основе «Книги картины Земли» ал-Хорезми.

Это тем более вероятно, что, например, иранские и среднеазиатские населенные пункты совпадают с хорошо известными арабам торговыми маршрутами в этих областях. Так, ал-Хорезми перечислял области и города южного побережья Каспия и Средней Азии: Дейлем, Казвин, Демавенд, Шалус (порт на Каспии), Руйан, Амуль, Сари; область Кумис, города Тамис, Астрабад, Гурган, Нишапур, Тус, Серахс, Мерв, Мерверруд, Амуйе (Амуль) на Амударье, Бухару, Балх, Самарканд, область Усрушану (город Хаджанда?), Ахсикет, Тарбенд, Исфиджаб, Тараз; указаны также Хорезм (город Кят?), некий пункт Хазар, расположенный, по координатам, несколько восточнее Хорезма, Невакет. Далее климаты уходят далеко на восток — указаны Тибет, Китай, Гог и Магог (*Йаджудж и Маджудж*)[15]. Заметны и здесь пропуски названий некоторых крупных торговых центров, однако остальные являются вполне действующими городами во времена ал-Хорезми, хотя часть из них (как, например, Бухара, Самарканд и др.) были очень древними и существовали не только во времена Птолемея, но и ранее. То же касается земель Закавказья: упомянуты в пятом климате — Азербайджан, в шестом — Андзевацик, Картли, Сюник, Нашава (так арабы именовали Нахичевань), некий пункт между «двух ворот» (т. е. между Дербентом и Дарьялом), Барда'а, Кабала[16]. Через эти

---

les Byzantine et les Russes au IX-e siècles // Bulletin d'information et coordination. Paris, 1971. Vol. 5. P. 44—70; *Романчук А. И.* Торговля Херсонеса в VII—XII вв. // Byzantinobulgarica. Sofia, 1981. T. 7.

[15] *Daunicht H.* Der Osten nach der Erdkarte al-Huwarizmi's. Bonn. 1974. T. I. S. 294.

[16] *Mžik H.* Osteuropa. S. 166; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 68—73.

территории и города проходили издавна известные международные торговые пути[17].

Справедливости ради следует отметить, что координаты для упомянутых населенных пунктов в книге ал-Хорезми приведены не по порядку их местонахождения на торговом пути, а только в соответствии с таблицей координат в том или ином из семи климатов. Порядок городов редко соответствует их перечислению внутри климата, названы города и в разных климатах. Однако, выстроенные по данным в книге ал-Хорезми координатам, города и местности более или менее «ложатся» на карту торговых маршрутов, хотя и не всегда точно. Не эти сведения были для ал-Хорезми главными: для него решающее значение имели данные Птолемея о самых длинных днях, о долготах и широтах, поскольку именно такими параметрами определялось положение того или иного климата. Этим объясняется в значительной мере и сам отбор населенных пунктов, что особенно заметно, например, в перечислении городов вокруг *ал-Батихи*, т. е. Меотиса. Некоторые пункты выбраны ал-Хорезми как точка для построения береговой линии или как совпадение с устьем какой-либо реки (как, например, Диоскурия — восточная оконечность Черного моря, Борисфен — северо-западная его оконечность, Истрос — восточная; Тирамба — при впадении реки, соответствующей Псатису Птолемея, и т. д.). И тем не менее следует учитывать возможность реальной информации о торговых путях, которой мог руководствоваться ал-Хорезми; можно предполагать некие, пусть не явные, знания о них первого арабского географа и картографа (см. илл. 14).

В IX в. в арабской географии появились дорожники. В них подробно описывались торговые и почтовые связи

---

[17] *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954. С. 194—198.

внутри Халифата; далекие, но давно известные пути из Багдада через Среднюю Азию в Китай и Индию; а также упоминались дороги в мало известные области, такие, как Восточная Европа.

Первым сохранившимся сочинением этого жанра явилась «Книга путей и государств» Ибн Хордадбеха, начальника почтового ведомства в Табаристане, знавшего многое о почтовых и торговых дорогах, которые связывали земли Халифата с дальними странами. Сохранился неполный вариант его труда, редакция которого относится к 40-м или 80-м гг. IX в. [18] По дошедшим материалам можно судить, что автор не был связан с кругом теоретиков типа ал-Хорезми, хотя писал и о форме Земли, и о ее делении на обитаемую и непригодную для жизни части, и о семи климатах в обитаемой четверти, и о великом море, покрывающем всю необитаемую часть Земли, ссылаясь на Птолемея. Он имел ясное представление об Атлантике, называя ее морем *ал-Гарбий* (т. е. Запада), Средиземном — море *ар-Рума* (т. е. Византии) или море *аш-Шама* (т. е. Сирии), о Пропонтиде — *Бунтусе* («Понте») и о Черном море — море *ал-Хазар*. Этим названием для Черного моря он пользовался при описании византийских фем — Македонии, Фракии и других, получив сведения от бывшего византийского пленника Муслима ал-Джарми (Ибн ал-Факих и Кудама ибн Джа'фар пользовались этими материалами книги Ибн Хордадбеха). Прочие географы именовали морем *ал-Хазар* только Каспий. Ибн Хордадбех же име-

---

[18] Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kasim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordadhbeh... / de Goeje M. J. Lugduni Batavorum, 1889 (далее — *Ибн Хордадбех* / Де Гуе); *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исслед., указ. и карты Наили Велихановой. Баку, 1986. С. 18—29 (далее — *Ибн Хордадбех* / Велиханова).

новал последнее морем *Джурджана*, т. е. Гиркании — области южного побережья Каспия. Впрочем, пользуясь данными какого-то другого информатора, в одном случае Ибн Хордадбех все же назвал морем *ал-Хазар* Каспий, упомянув, что на его побережье расположен Дербент (*Баб ал-Абваб*)[19]. Такая же информация содержится в географическом сочинении ал-Йа'куби (подробнее см. ниже).

Упоминается в книге Ибн Хордадбеха и некое несудоходное море: «Что же касается моря, которое позади славян, и на нем — город Туле, то не плавают по нему ни корабли, ни лодки и не вывозят оттуда ничего, и не выходит из него никто, и также это море, в котором Острова Счастливых, не плавают по нему и не вывозят оттуда ничего, и это [море] тоже Западное (*Гарбийу*)»[20].

Острова Счастливых — это Канарские острова в Атлантике. Представление же о крайнем обитаемом острове Туле на севере пришло к арабам из античной традиции; упоминание города Туле Ибн Хордадбехом, кажется, имеет ту же основу, поскольку описывается в целом Атлантика. (Впрочем, есть предположение, ничем, однако, не подтвержденное, что именем Туле в данном случае назван Тулон[21].) В то же время некоторые ученые полагают, что «морем позади славян» названа Балтика[22].

---

[19] *Ибн Хордадбех* / Де Гуе. P. 178; *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 135.

[20] *Ибн Хордадбех* / Де Гуе. P. 93; Здесь, как и далее, перевод выполнен Т. М. Калининой, с учетом перевода Н. Велихановой (*Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 91).

[21] *Ashtor E.* Che cosa sapevano i geografi arabi dell'Europa occidentali // Rivista storica italiana LXXXI (1969). Torino. T. 81, fasc. 3, P. 463; *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 91, 268.

[22] *Lewicki T.* Bałtik w opisach autorów arabskich IX—X w. // Przegląd Orientalistyszczny. Wrocław, 1949. Zesz. I. S. 56.

Упоминая известные ему водные массивы, Ибн Хордадбех рассказывал и о морских торговых маршрутах. Так, в его книге находится ставший хрестоматийным текст о торговых дорогах еврейских купцов *ар-разанийа* и торговцев-русов:

«Путь еврейских купцов *ар-разанийа*, которые говорят по-арабски, по-персидски, по-гречески, по-французски, по-испански, по-славянски, так вот, что касается их, то они путешествуют с востока на запад и с запада на восток сушей и морем. Вывозят с запада слуг, девушек и юношей, парчу, шкурки бобра[23], пушнину, соболей, мечи. Плывут из Фиранджи (земель франков. — *Т. К.*) в Западное море, выходят в Фараме и доставляют свои товары по суше в Кулзум, а между ними 25 фарсахов. Затем плывут по Восточному (Красному. — *Т. К.*) морю из Кулзума в Джарр и Джудду. Затем отправляются в Синд, Хинд, Син. Вывозят из Сина мускус, алоэ, камфару, корицу и другие товары, из тех, что традиционны для этих краев, пока не вернутся к Кулзуму. Затем везут это к Фараме. Затем плывут в Западное море. А иногда поворачивают со своими товарами к Константинополю и продают их в Руме. Иногда идут с ними к царству франков и продают их там. А если хотят, отправляются со своими товарами от франков в Западное море и выходят в Антиохии, проходят по суше три дневных перехода до ал-Джабии, затем плывут по Евфрату к Багдаду, затем

---

[23] Н. Велиханова выбирает для слова *ал-хазз* значение «заяц»; я следую переводам большинства других исследователей (*Ибн Хордадбех* / Де Гуе. P. 114, 115; *Куник А. А., Розен В. Р.* Известия аль-Бекри и других арабских авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. II. С. 129, 143; *Бартольд В. В.* Арабские известия о русах // *Бартольд В. В.* Соч. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 825; *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. T. I. Cz. 1. S. 58. Ods. 61. Note 3).

плывут по Тигру к Оболле, а от Оболлы к Оману, Синду, Хинду, Сину — все это связано друг с другом.

Что касается купцов русов, а они — вид славян, то они везут меха бобра, меха черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славян к морю Румийскому, и берет с них десятину властитель Рума. А то идут по [Та?]нису, реке славян, входят в Хамлидж, город хазар, и берет с них десятину их властитель. Затем отправляются к морю Гиркании и выходят на каком-либо облюбованном его берегу, а окружность этого моря — 500 фарсахов. Иногда везут свои товары из Гиркании на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские слуги, и говорят они, что они — христиане, и платят джизью.

Что касается их (купцов-*разанийа*. — *Т. К.*) пути по суше, то выходят они из Андалусии или от [царства] франков и идут сушей к Сусу ал-Акса, отправляются к Танжеру, затем к Тунису, затем к Египту, затем к Рамле, затем к Дамаску, затем к Куфе, затем к Багдаду, затем к Басре, затем к Ахвазу, затем к Фарсу, затем к Кирману, затем к Синду, затем к Хинду, затем к Сину. Иногда следуют позади Румийи (по рукописи В: "*позади Армиинии*". — *Т. К.*) к стране славян, затем к Хамлиджу, городу хазар, затем в море Гиркании, затем к Балху, Мавераннахру, затем к Вурту тогузгузов, затем к Китаю»[24].

Итак, пути еврейских купцов проходили от Африки, Испании и Франции через Суэц и Красное море или Антиохию на Евфрате до Индии и Дальнего Востока. Заходили они и в восточноевропейские земли: «позади *Румийи*» (т. е. Византии или Италии) или, по другой рукописи, — «позади *Армении*» в страну славян, затем в Хамлидж, т. е. город в Нижнем Поволжье, далее по Каспию, затем в Балх и Мавераннахр и через земли токуз-

[24] *Ибн Хордадбех* / Де Гуе. Р. 153—155. *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 123—124.

огузов в Китай. Путь в страну славян очерчен, как видно, весьма приблизительно; нельзя даже с уверенностью утверждать, мимо Византии, Италии или Армении он шел: *Румийа* в тексте Ибн Хордадбеха означает в одних случаях Италию или Рим, в других — византийцев; впрочем, то же слово обозначает еще и Римскую империю, а также является просто прилагательным от слова *Рум*, т. е. означает «византийский»[25].

Фрагмент о сухопутном пути купцов *ар-разанийа* (здесь не разбирается вопрос о морских дорогах этих торговцев, ведших «с запада на восток и с востока на запад») переведен разными исследователями тоже по-разному: А. Я. Гаркави, пользуясь еще только одной рукописью, привел ее вариант («за Арменией»); М. Де Гуе и Т. Левицкий переводили «позади Италии»; Н. Велиханова оставила текст без объяснения (*Румийи*); Б. Н. Заходер подразумевал Византию (*Рум*), ошибочно полагая, правда, что текст относится к пути купцов-русов, а не евреев-*разаниев*[26].

Общеисторические соображения в разрешении этого вопроса едва ли могут помочь, поскольку можно выдвинуть более или менее веские аргументы в пользу описания любого отрезка пути. С одной стороны, нумизматические данные подтверждают существование пути из стран Магриба через Сирию и области Закавказья в Восточную Европу, земли восточных славян и хазар на Северский Донец и Дон в конце VIII — первой трети

---

[25] *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 87, 91, 97, 102, 103, 104, 105, 106; 279 — прим.

[26] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских... СПб., 1870. С. 49; *Ибн Хордадбех* / Де Гуе с. 116; *Lewicki T.* Źródła arabskie. T. I. S. 138; *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С.124; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Ч. II. С. 85.

IX в.[27] Думается, что дорога «позади *Армении*»[28], если выбрать чтение Оксфордской рукописи Ибн Хордадбеха, может означать путь через Партав и Дербентский проход в Хазарию в конце VIII — начале IX в. (именно этому периоду соответствует поток монет африканской чеканки[29]), хотя нестабильность политического положения на Кавказе[30] могла и помешать регулярной торговле. Ибн Хордадбех упоминает о кавказских дорогах — от города Варсан, через Барда'а до Дербента (*Баб ал-Абваба*), за которым находился Семендер (все территории за Семендером, по сведениям Ибн Хордадбеха, были под властью хазар)[31], но путь от Семендера до Хамлиджа им не указан.

---

[27] *Калинина Т. М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха) // История СССР. 1986. № 4. С. 79.

[28] Замечание А. В. Назаренко о том, что выражение «по ту сторону» (точнее, «позади») Армении должно означать «севернее» или «западнее» (*Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. С. 28), не вполне корректно: наш автор мог ориентироваться отнюдь не на реалии и «рассматривать» Армению не относительно места своего пребывания в Табаристане, а опираясь на совершенно иные параметры, такие, как южная ориентация карты, ориентационная информация первоисточника, давшего сведения о путях еврейских купцов, и т. д. (См. по этому вопросу: *Подосинов А. В.* Ex Oriente Lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 319—329.)

[29] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского Средневековья. М., 1956. С. 101—103; *Нахапетян В. Е., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. С. 141—142, 145.

[30] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 191—200.

[31] *Ибн Хордадбех* / Де Гуе. P. 122—124; *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 108—109.

С другой стороны, можно рассматривать информацию Ибн Хордадбеха как указание на трансевропейский широтный путь от Пиренейского полуострова, через Венецию и Австрийские Альпы или через южнонемецкие земли в Баварскую восточную марку, Прагу, Краков, Киев в Хазарию[32]. Хотя этот путь для IX в. нумизматических подтверждений не имеет, однако договоры между Венецией и королями Италии по поводу работорговли могут подтверждать версию о существовании пути, проходившего «позади Италии», для подвоза рабов[33]. Наконец, путем «позади Византии» мог быть обозначен и морской маршрут от Константинополя до портов Причерноморья и Приазовья (хотя этому противоречит общее указание Ибн Хордадбеха на сухопутный отрезок), или дорога от берегов Средиземного моря через страну дунайских болгар в Восточную Европу, хотя и этот путь, если судить по нумизматическим данным, стал активно функционировать лишь в X в.[34] и едва ли мог использоваться еврейскими купцами. Таким образом, часть пути по восточноевропейским землям осталась недостаточно известной Ибн Хордадбеху.

Фрагмент о путях купцов-русов, который выглядит как «странная вставка»[35] в текст о маршрутах еврейских

---

[32] *Назаренко А. В.* Русь и Германия. С. 25—29.

[33] *Бартольд В. В.* Харун ар-Рашид и Карл Великий // *Бартольд В. В.* Соч. Т. 6. М., 1966. С. 346; *Lewicki T.* Źródła arabskie. T. I. S. 140. Ods. 176; *Назаренко А. В.* Русь и Германия. С. 26.

[34] *Верлинден Ш.* Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1577 г. М., 1970.

[35] *Бартольд В. В.* Арабские известия о русах // *Бартольд В. В.* Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 826. Я присоединяюсь к мнениям Б. Н. Заходера и Н. М. Велихановой о том, что фрагмент принадлежит самому Ибн Хордадбеху и был вставлен им при получении

купцов, вероятно, отражает тот факт, что внутри восточноевропейских земель торговля осуществлялась не торговцами-*разанийа*, а купцами-русами, занимавшимися международной торговлей.

Маршрут купцов-русов, по данным Ибн Хордадбеха, шел из отдаленных земель славян до Румийского моря, где вблизи Константинополя с них брал десятину византийский чиновник. Иногда в литературе указывается, что имеется в виду таможенный пост на черноморском побережье. Однако автор ясно указывает, что десятину взимал чиновник из Византии, и шли купцы к Румийскому, т. е. Средиземному, морю, тогда как Черное море именуется в книге Ибн Хордадбеха морем *ал-Хазар*. Отметим в качестве доказательства, что еще в одном фрагменте текста употреблено выражение море Румийское по отношению именно к Средиземному[36]. Место сбора пошлины в этом случае может быть таможней на берегу Босфора близ Константинополя или в Амастриде на южном побережье Понта[37]. Подробностей в описании этого маршрута нет; нельзя исключать, что он проходил через болгарские земли, хотя нумизматических свидетельств не имеется.

Другим путем русов был водный. По Ибн Хордадбеху, этот путь шел по «реке славян». Название ее в сохранившемся варианте книги искажено и не может быть восстановлено (см. ниже). Однако конечным пунктом этого пути назван Хамлидж — город хазар, где платилась обязательная десятина хазарскому властителю.

новой информации (*Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Т. 2. С. 90; *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 39).

[36] *Ибн Хордадбех* / Де Гуе. P. 176; *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 137.

[37] *Ahrweiler H.* Les relations. P. 44—70; *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000. С. 105—130, 142—143.

Хамлидж описан в другом фрагменте как город, находившийся при впадении реки, текущей из страны славян, в Каспий. Этот город считается первой прикаспийской столицей Хазарии, расположенной в устье Волги и ставшей впоследствии частью города Итиль[38].

Название реки (сохранилось лишь сочетание букв, читающееся как *нис*) в книге Ибн Хордадбеха интерпретировалось исследователями как Танаис или Итиль[39]. Итилем—Волгой эту реку невозможно считать хотя бы потому, что в IX в. ее никак нельзя было назвать «рекой славян». Более предпочтительным представляется античное наименование реки — Танаис, известное многим арабским авторам, в котором не следует в данном случае видеть реальный Дон, как у античных авторов, а скорее надо усматривать некое общее представление о водном пути из северных областей Восточной Европы к южным, к хазарскому городу Хамлидж на Каспии — по весенним разливам или переволокам. Путь этот в источнике тоже не детализирован. Там купцы платили десятину хазарскому чиновнику и отправлялись по Каспию, торгуя в прибрежных городах, иной раз купцы везли товары и далее, на верблюдах в Багдад. Путь от Багдада по Хорасанскому тракту через Джибал, Азербайджан, Армению до Дербента достаточно подробно описан Ибн Хордадбехом[40].

В «Книге стран» Ибн ал-Факиха ал-Хамазани (903 г.), основанной на труде Ибн Хордадбеха, встречаются весьма схожие фрагменты, в частности, известие о торговых путях: «Один из [ученых] передает, что в Торе

---

[38] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство. С. 129—130.

[39] Обзор литературы см.: *Калинина Т. М.* Торговые пути. С. 79—80.

[40] *Ибн Хордадбех* / Де Гуе. Р. 19, 119; *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 62, 107.

написано: Рей — ворота ворот Земли, туда [стекается] торговля мира. А Мухаммад ибн Исхак сказал: "В Рее — прекрасный климат, чудесные здания; [он] — ворота купцов и убежище лжецов; он — украшение Земли, станция [всего] мира и центр Хорасана, Гиркании, Ирака, Табаристана. Он — лучшее на Земле для всего сущего. Ему принадлежат пригороды и акведуки. К нему прибывают товары Арминии, Азербайджана, Хорасана, хазар, страны бурджан. Чтобы вести торговлю морем, плывут с востока на запад и с запада на восток... А эти купцы — иудеи, которых называют рахданийа. Они разговаривают по-персидски, по-гречески, по-арабски, по-французски...

Что же касается купцов славян, то они везут шкурки лисиц и бобров из окраин [земель] славян и приходят к морю Румийскому, и взимает с них десятину владетель Византии. Затем прибывают по морю к Самкарш иудеев, затем переходят к славянам; или следуют от моря Славян в эту реку, которая называется рекой Славян, пока не достигнут пролива Хазар, и берет с них десятину властитель хазар. Затем идут к морю Хорасанскому. Иногда выходят в Джурджане и продают все, что у них есть. А идет все это в Рей»[41].

Как видим, описание пути имеет существенные отличия от изложения Ибн Хордадбеха. Маршрут еврейских купцов вставлен в совершенно иной, чем в сохранившейся работе Ибн Хордадбеха, контекст, а именно, в описание города Рей как средоточия иранской торговли. Помимо этого, рассказ о дорогах еврейских купцов уре-

[41] Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadhani/M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. 1885. P. 298 (далее — *Ibn al-Fakih*); *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 385.

зан; сообщение о маршрутах купцов-русов (у Ибн ал-Факиха — славян) выглядит как весьма сокращенный вариант аналогичного фрагмента из книги Ибн Хордадбеха. Таким образом, Ибн ал-Факих повествует о славянских купцах, которые идут «от славянских окраин» до Румийского моря, где они уплачивают пошлину. Оттуда прибывают по морю к городу «Самкарш (Самкуш) иудеев», куда торговцы добирались морем, а затем переходили к славянам. Другой их путь проходит от «моря славян» в «реку славян» до «пролива хазар», где уплачивалась десятина, после чего путь лежал к Каспию. Под Самкаршем имеется в виду Керчь или Тмутаракань и, следовательно, побережье Черного моря[42].

Похоже, что Ибн ал-Факих вводит иные, по сравнению с данными Ибн Хордадбеха, географические понятия, несмотря на то, что сам фрагмент, несомненно, имеет основой вышеуказанный пассаж из книги Ибн Хордадбеха. Хазарский город Хамлидж (у Ибн Хордадбеха) заменен очень схожим словом *халидж*, что означает «канал», «пролив» или «залив» с эпитетом *ал-хазари*, т. е. «хазарский»[43]. Не исключено, что подразумевается Азовское море, поскольку славянские купцы попадают в этот *халидж* из Румийского моря.

Выражение Ибн Хордадбеха «река, текущая от славян», в книге Ибн ал-Факиха выглядит как «река, которую называют славянской», однако более никаких данных о ней не приводится. Ибн ал-Факихом вводится понятие «море славян» вместо «моря, текущего позади славян» (так в тексте Ибн Хордадбеха). «Море славян»,

---

[42] *Бартольд В. В.* Арабские известия о русах // *Бартольд В. В.* Соч. М., 1963. Т. I. Ч. 2. С. 826; *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton (New Jersey), 1954. P. 166, 172; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство. С. 115.

[43] *Ibn al-Fakih.* P. 7, 298

по Ибн ал-Факиху, соединяется этой славянской рекой с «заливом хазар», откуда торговцы двигаются к Каспию, по нему доплывают до его южного побережья, в Гирканию, где товары распродаются и попадают затем, как подчеркивает Ибн ал-Факих, именно в Рей. Любопытно, что есть нумизматическое подтверждение упомянутому Ибн ал-Факихом пути: монеты из Мухаммадии — резиденции халифа ал-Махди в Рее — попадали через Каспий на Волгу, зафиксированы были на территориях хазар и славян и доходили до Прибалтики[44]. Поэтому возможно, что Ибн ал-Факих под «морем славян» разумел Балтику и указывал на связь между Балтикой и Приазовьем посредством водных путей, обозначенных как «славянская река».

Название «море хазар» в отношении Черного моря может объясняться тем обстоятельством, что в восточном Крыму в IX в. имелись хазарские владения[45]. Однако такое наименование может объясняться также и византийским влиянием: ведь та часть информации, где упоминается «море хазар» в отношении Черного, была получена Ибн Хордадбехом от бывшего византийского пленника Муслима ал-Джарми, из его рассказа о фемах Византии. Один раз, правда, Ибн Хордадбех именовал «морем хазар» Каспий — в разделе о «чудесах гор», где говорилось, что *ал-Баб ва-л-Абваб* («Ворота ворот» —

---

[44] *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII — X в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. VIII. С. 100—110; *Фомин А. В.* Источниковедение кладов с куфическими монетами IX—X вв. Автореф. дисс. канд. М., 1982. С. 12—13.

[45] *Бартольд В. В.* Арабские известия о русах. С. 826. Прим. 23; *Новосельцев А. П.* Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 124—125.

так арабы называли Дербент) расположен на берегу «моря хазар»[46]. Ясно, что эта информация имеет иные корни, нежели сведения о византийских фемах и малоазиатских территориях. «Море хазар» как Черное фигурировало также в «Китаб ал-харадж» Кудамы ибн Джа'фара, который передавал ту же информацию о Византии и ее фемах, что и Ибн Хордадбех (видимо, именно оттуда и почерпнув эти сведения). Ученый IX в. ал-Йа'куби в «Книге стран» также упоминал «море хазар», но в другом контексте: рассказывая об Андалусии, он утверждал, что эта страна находится на западе около моря, которое доходит до «моря хазар»[47]. По-видимому, эта короткая фраза означает соединение морей от Атлантики до Черного моря — «моря хазар», что стоит в одном ряду с представлениями ал-Хорезми, Ибн Хордадбеха и других о соединении западных морей. Правда, в другом месте своего сочинения ал-Йа'куби, описывая реки Кавказа, упоминал Куру и Аракс, которые, сливаясь, впадают в «море хазар», т. е. Каспийское[48]. По-видимому, как и Ибн Хордадбех, ал-Йа'куби пользовался разными источниками, которые по-разному использовали термин «море хазар». Другие арабские географы в X в. «морем хазар» называли только Каспий (см. ниже).

Итак, Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих имели более ясное, хотя и не вполне отчетливое, представление о тех же торговых маршрутах Восточной Европы, что и ал-Хорезми. Однако над ними не довлела теория, которой следовал последний, поэтому информация их выглядит более «живой», приближенной к реальности, хотя гео-

---

[46] *Ибн Хордадбех* / Де Гуе. P. 173; *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 135.

[47] Kitab al-boldan auctore Ahmed ibn abi Jakub ibn Wadhih al-Katib al-Jakubi. Leiden, 1892. P. 354 (далее — *al-Jakubi).*

[48] *al-Jakubi*. P. 363.

графические воззрения также не слишком близки к действительности.

Есть целый ряд произведений X в. — Ибн Русте, Кудамы ибн Джа'фара, ал-Мас'уди, ал-Баттани, Агапия Манбиджского — авторов разных школ (Ибн Русте — географ, ал-Баттани — астроном, ал-Мас'уди — энциклопедист, Агапий Манбиджский — церковный историк и т. д.), где описание морей почти идентично. В них Черное море именуется, по античной традиции, Понтом и дается одинаковое описание его: «Море Понт тянется от Лазики до великого Константинополя. Длина его — 1060 миль, а ширина — 300 миль. В него впадает река, известная как Танаис, а течет она со стороны севера от озера, которое называется Меотис. Это большое море, хотя и называется озером. Длина его с востока на запад 300 миль, а ширина 100 миль. У Константинополя отделяется от него пролив, который течет подобно реке и впадает в море Мисра (Египта, т. е. Средиземное). Ширина его у Константинополя — размером в 3 мили, и Константинополь — на нем»[49]. Описание в сочинениях указанных выше авторов почти идентично, что свидетельствует, вероятнее всего, о едином, весьма уважаемом первоисточнике. Здесь нет сомнений в том, что восточной окраиной Черного моря считалась Лазика — Эгриси, а на западе море переходило в Босфор. Отметим, что в рассказе о впадении реки Танаис упоминался Мео-

[49] Al-Battani sive Albatenii Opus Astronomicum. Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C. A. Nallino. Mediolani, 1899. T. III. P. 27; *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И. Ю.* Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. 4. С. 103. Отметим, что И. Ю. Крачковский переводил слово *ал-халидж* его точным значением — «залив», тогда как по смыслу здесь ясно, что речь идет о проливе Босфор, Мраморном море и проливе Дарданеллы.

тис, но как отстоявший от Понта и соединенный с последним рекой Танаис.

Энциклопедист X в. ал-Мас'уди опирался на вышеуказанную информацию ал-Баттани о Черном и Азовском морях и реке Танаис, однако расширил и дополнил ее. В книге «Золотые копи и рудники самоцветов» он писал: «Что касается моря Понт, то оно тянется от страны Лазика до Константинополя, длина его — 1100 миль, а ширина его в начале — 300 миль. В него впадает великая река, известная как Танаис, и мы раньше уже упоминали о ней (в других книгах. — *Т. К.*). Начало этой реки — с севера. На ней [живет] множество детей Яфета, сына Ноя. Выход ее — из великого озера на севере, из источников и гор. Размер ее течения по поверхности земли — около 300 фарсахов. Прилегающие земли населяют потомки Яфета. Рассекает [эта река] море Меотис, как полагают люди, компетентные в этом отношении, пока не впадет в море Понт. Это река огромная, в ней [есть] различные виды камней, трав и снадобий. Древние философы и некоторые люди называют море Меотис озером и определяют его длину в 300 миль, а ширину — в 100 миль. От него (моря Понт. — *Т. К.*) отходит Константинопольский пролив, который впадает в море Рума»[50].

В «Книге предупреждения и пересмотра»: «Четвертое море — море Понт, это море булгар, русов и других народов, простирающихся с севера, со стороны города, который называется Лазика, он — позади Константинополя. Длина его (моря Понт. — *Т. К.*) 1300 миль, а ширина 100 миль. Соединяется оно с озером Меотис. Длина его 300 миль, а ширина — 100 миль. Оно — на окраине

[50] *Maçoudi*. Les prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861. T. I. P. 260—261 (далее — *Maçoudi)*.

населенной земли, а часть его — под северным полюсом. Поблизости от него [есть] город, [за которым] нет обитаемой земли, называется Туле. Из него (моря Понт. — *Т. К.*) выходит Константинопольский пролив, который впадает в море Рума (...). От людей, которые пересекали это море и это озеро [известно, что] это — одно море, и граничит это море одной из своих сторон с морем Дербента посредством пролива и великих рек там»[51].

Аналогичные известия, взятые из книг ал-Мас'уди, имеются в сочинении ученого XI в. ал-Бекри. Им было сказано также, что море Понт — это море булгар, русов и других народов, располагающихся с севера, соединяется оно с морем Меотис, а Меотис находится на окраине населенной земли севера, часть же его — под северным полюсом, вблизи необитаемых земель и Туле[52]. Однако сам ал-Мас'уди высказывал и иной, вполне реалистичный, взгляд на положение Понта и Меотиды, когда в более ранней книге «Золотые копи и рудники самоцветов» писал о Керченском проливе и морях: «море Понт и море Меотис должны быть одним морем, и они стесняются сушей в [одном] месте и образовывают таким образом между двумя водами [морей] как бы пролив. Название тех вод, что широки и велики — Меотис, а тех, что узки и малы, — Понт. Не возбраняется смешивать имена Меотис и Понт»[53].

---

[51] Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi... / M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 66—67 (далее — *al-Masudi*).

[52] Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik d'Abu 'Ubaid al-Bakri / Edition critique avec introduction et indices A. P. Van Leeuween et A. Ferre. Tunis, 1992. Vol. I. P. 204, 205.

[53] *Maçoudi*. P. 273; *Бейлис В. М.* Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв. // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 21—31.

Следует отметить, что ал-Мас'уди отходит от традиционного описания Танаиса: он не называет Меотис истоком Танаиса, считая таковым безымянное озеро на севере, но полагает, что Танаис на своем пути рассекает Меотис и движется дальше к Понту. По всей видимости, ученый пользовался разными источниками для описания морей в своих книгах, чем и объясняется отличие в его взглядах на положение Понта, Меотиса и Танаиса. Упоминал он также, что море это еще и море русов, булгар (по-видимому, придунайских) и печенегов (*баджанаков*), а также отмечал местонахождение города Трапезунда (*Тарабазунда*) на берегу моря Майотис (здесь — Черного)[54].

Среднеазиатский ученый ал-Хараки (ум. 1138 г.) полагал, что в море Понт впадает река Танаис, которая течет со стороны севера из Меотиды, «а это — море варягов». Здесь автор механически соединил книжные материалы о Меотиде на севере со сведениями ал-Бируни (973—1048). Последний среди описаний морей Земли упоминал «залив Окружающего океана», отходящий на севере страны славян, вблизи булгар-мусульман, который был им назван Варяжским морем, так как по берегам его жили «варанки», т. е. варяги[55].

Как видим, по представлениям ряда арабских географов, устье Танаиса перенесено в Понт, а Меотис пред-

---

[54] *Maçoudi*. T. I. P. 261—262, 272, 273. См. также: *Бейлис В. М.* Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв. // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 62.

[55] Al-Battani sive Albatenii Opus Astronomicum. Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C. A. Nallino. Mediolani, 1899. T. III. P. 173. Nota 4; *Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад*. Книга вразумления начаткам науки о звездах // *Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад*. Избр. произведения. М., 1975. Т. VI. Вступительная статья, перевод и примечания А. Ахмедова и Б. А. Розенфельда. С. 100.

ставлен удаленным к северу и соединенным с Понтом именно рекой Танаис. Возможно, такие воззрения арабских ученых имели основой взгляды античных или византийских авторов.

Античные авторы по-разному описывали истоки и течение Танаиса. Геродот писал, что исток Танаиса находился в некоем большом озере; Помпоний Мела и Плиний считали истоком Танаиса Рипейские горы (или Рифеи), расположенные в северной части ойкумены; Страбон полагал, что истоки Танаиса неизвестны. При этом большая часть античных географов знала, что Танаис впадает в Меотиду[56]. Однако в поздней античности уже появились разногласия на тему впадения Танаиса. Флавий Аррианом (II в. н. э.), пересказывая мнение неназванных ученых, при рассказе о походе Александра Македонского, писал, что из глубин Эвксинского моря выходит Меотийское озеро, и в это озеро впадает Танаис, разделяющий Азию и Европу. В «Перипле Черного моря», однако, он же отмечал, что Танаис вытекает из Меотийского озера и впадает в Понт Эвксинский, таким образом отделив Меотиду и Понт руслом Танаиса[57]. Аналогичные представления фигурировали у византийских писателей Прокопия Кесарийского и Евагрия[58]. В начале IX в. ирландский ученый-монах Дикуил, делая выписки из книги Гонория, изменил сведения последнего, упомянув, что река Танаис проходит Меотийские болота и впадает в Понт Эвксинский[59]. Некоторые средневековые *mappae mundi* также сохранили изображение Танаиса протекающим через Меотийские болота и впа-

[56] Herod. IV, 58.1; Mela I, 115; Plin. IV, 78; Strabo VII, 4, 4; XI, II, 2.

[57] Arrian. Anabasis. III, 30, 8; Arrian. PPE. 19,4.

[58] Procop. Caes. BG. IV, 4, 21; Euagr. Hist. eccl. IV, 23.

[59] Dicuili Liber de mensura orbis terrae / G. Parthey. VI, 42.

дающим в Черное море[60]. (О воззрениях этих ученых на положение Меотиса и Танаиса подробно см. Главу I, Очерки 1 и 2.) Не исключено, что подобные понятия отразились и в представлении арабских географов относительно реки Танаис.

При описании моря Понт арабские ученые указывали, что пролив, отделяющийся у Константинополя, выходит из моря, но не уточняется, какого именно — Понта или Меотиды. По логике, речь должна идти о Боспоре — Керченском проливе, соединяющем Азовское и Черное моря. Однако, если вспомнить вышеуказанные описания, можно предположить, что, начиная с античности, течение реки Танаис воспринималось как продолжение Керченского пролива и потому отмечалось ее впадение в Понт (Черное море), а не в Меотис (Азовское море). Арабские же географы не только Керченский пролив, но и Босфор могли воспринимать как глубинное течение реки Танаис внутри сначала Меотиды, затем Понта, поскольку Танаис представлялся границей между Европой и Азией.

Итак, арабские ученые IX—X вв. имели книжные представления о Танаисе и не располагали реальными сведениями о реке Дон, что, видимо, свидетельствует об отсутствии торговых связей с этими землями в рассматриваемый период[61].

Географы ал-Истахри, закончивший свой труд в 30-х гг. X в. (сохранилась редакция 50-х гг. X в.), и Ибн Хаукал, завершивший сочинение в 977 г., включали в

---

[60] *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья. VIII—XIII вв. Тексты, пер., комментарий. М., 1999. С. 122—123; илл. № 38; ср. также илл. № 39, 48—50.

[61] *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006. С. 235.

свои труды карты, считающиеся «классическими картами ислама»; географов же исследователи называли приспешниками «классической школы» арабской географии[62]. Карты содержат изображение части Окружающего моря, из которого на севере выходит громадный Константинопольский пролив (*халидж ал-Кустантинийа*), идущий в море *Рума*, а оно охватывало, по представлениям и этого круга ученых, все водное пространство, от Константинополя до Гибралтара. На картах вместо Черного и Азовского морей изображен пролив, идущий от севера прямо до Константинополя. Ал-Истахри давал следующее описание этих вод: «Константинопольский пролив впадает в море Рума из моря Окружающего.., от самого севера на конце земли, который не посещают из-за холода, и уходит он в бедную из бедных землю Гога и Магога (*Йаджудж и Маджудж*)»[63]. Название Гог и Магог происходит от библейских имен, но в арабской традиции они связывались с легендой об Александре Македонском, который якобы запер этих жестоких людей за железной стеной, и разрушиться эта стена должна только перед концом света, когда выйдут народы Гог и Магог, принеся разрушение миру. (Народы *Йаджудж и Маджудж* фигурируют как жители дальнего востока ойкумены в сочинениях ал-Хорезми, Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха и др., но по материалам ал-Истахри, Ибн Хаукала и Ибн Фадлана, они обитают на севере.) Ибн Хаукал рассказ о народе Гог (*Йаджудж*) вставил в главу о тюрках, где утверждал, что живут эти люди «в стороне севера», на высоких темных горах, куда

---

[62] *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. С. 194—218.

[63] Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Leiden, 1870. P. 200.

купцы из Хорезма совершают восхождение в течение 17 дней[64]. На сохранившихся картах ал-Истахри и Ибн Хаукала народы Гог и Магог располагались на Крайнем Севере, близ Окружающего океана. Описывая «пределы севера», Ибн Хаукал отмечал также, что эта часть земли — холодная, белого цвета, и делается все белее и белее по мере продвижения к северу[65].

Таким образом, географы «классической школы» имели отчетливое представление о водной связи севера и юга Европы, хотя плохо знали южные восточноевропейские водные пространства.

Энциклопедист ал-Ма'суди, работавший в середине X в., при описании Окружающего моря упоминал греческое название его — *'Укийанус* (т. е. Океан), называл в нем острова Счастливых и 12 островов Британии, описывал Гибралтар, давал реальную информацию о побережьях Испании и Франции и устьях рек там[66].

Как было сказано выше, ал-Мас'уди утверждал, что Понт называется «морем русов», так как никто, кроме них, не ходит по этому морю. В книге «Промывальни золота и рудники драгоценностей» этот ученый полемизировал с существовавшим представлением о связи Черного моря с «морем хазар». «Морем хазар» он называл Каспий («море хазар, которое есть море Горгана, Табаристана и других земель») и рассказывал об опустошительном походе русов на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, Ширван после 300 г. х. (912 г. н. э.), прибавив: «Мы рассказали эту историю в опровержение высказы-

---

[64] Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu-l-Kasim ibn Haukal al-Nasibi)... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938. P. 14 (далее — *Ibn Haukal*).

[65] *Ibn Haukal.* P. 10.

[66] *al-Masûdi.* P. 68.

ваний того, кто утверждает, будто море хазар соединяется с морем Меотис и проливом Константинополя со стороны Меотиса и Понта»[67].

Таким образом, ал-Мас'уди несколько раз упоминал, что между Азовским морем и Каспием связи нет. Однако он же утверждал, что существует все же некий рукав, «идущий от верховьев реки *ал-хазар* (Волги. — *Т. К.*) вблизи страны булгар (камских. — *Т. К.*) и впадающий в море *Майутис*»; в другом фрагменте тоже упоминался залив Понта, соединявшийся с морем хазар (Каспием)[68].

Таким образом, хотя арабские ученые IX—X вв. и восприняли многое от античной и, может быть, византийской географии в отношении взглядов на водные пространства Восточной Европы, у них складывались свои собственные представления, основанные на непосредственных впечатлениях и на сведениях очевидцев. Практически у всех авторов, описывавших водные пространства Восточной Европы, присутствует идея о прямой водной связи севера и юга. При этом реальная действительность зачастую вступала в противоречие с той теорией, что лежала в основе их воззрений.

---

[67] *Maçoudi.* T. II. P. 18—24.

[68] *Maçoudi.* T. I. P. 273; T. II. P. 18, 23—24.

ОЧЕРК 2

Волга в изображении арабских географов IX—X вв.

Известия о крупнейшей речной артерии Восточной Европы Волге появились у арабских ученых с IX в., т. е. со времени начала и последующего расцвета географической науки. По присущей арабским ученым традиции следования древним авторитетам, первые сведения были взяты из книг античных авторов.

Как уже говорилось, «Книга картины Земли» математика, астронома и географа Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми содержала список координат для береговых линий морей, течений рек и т. д. В основу труда было положено «Географическое руководство» Клавдия Птолемея. В изображении Волги ал-Хорезми придерживался птолемеевой традиции, перечислив координаты, изгибы и очертания реки Ра, включая указание на левый приток реки — так же, как у Птолемея[1]. Ал-Хорезми сохранил и птолемеево название реки. Есть, однако, и отличия в описании этой реки у Птолемея и ал-Хорезми.

Птолемей: «12. С востока [Азиатская Сарматия граничит начинающейся] отсюда частью Гирканского моря, в которой ...[находится] устье реки Ра... 87°50' — 48°50',

---

[1] *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья. М., 1997. С. 75—76; *Daunicht H.* Der Osten nach der Erdkarte al-Huwarismi's. Bonn, 1970. Bd. 1. S. 9; *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 106.

и Скифией, [простирающейся] вдоль реки Ра до поворота, находящегося под 85° — 54°, и вдоль [идущего] отсюда меридиана до неизвестной земли. 13. Есть еще другой поворот реки Ра, приближающийся к повороту реки Танаиса, положение которого таково: 76° — 56°. Выше этого [поворота] сливаются две реки, текущие от Гиперборейских гор; слияние их имеет такое положение: 79° — 58°30', истоки более западной из них лежат под 70° — 61°, а восточной — 90° — 61° (V, 8, 12—13)»[2].

Ал-Хорезми: «Река Ра, начало ее — от горы (917—918) около Д 72°20' Ш 60°30' (2385). Идет к Д 81°30' Ш 58°30' (2386), к Д 75°40' Ш 57° 30' (2387). Идет [далее] и соприкасается с одной из двух башен, которые построил Зу-л-Карнайн (924). Течет [далее] и впадает в море около Д 81°10' Ш 49°20' (2388). Впадает [также] в эту реку река из горы (929—930), начало ее — около Д 92°30' Ш 61°00' (2389), а впадение в реку — около Д 81°30' Ш 58°30' (2390)»[3].

Прежде всего, как по содержанию текста, так и по данным координат ясно, что ал-Хорезми не считал реку Ра такой близкой изгибу реки Танаис (у ал-Хорезми — *Танис*[4]), как это делал Птолемей. Ал-Хорезми полагал, что река Ра «ударяет свои волны» об одну из тех двух башен, что построил во время походов на восток Зу-л-Карнайн, т. е. «Двурогий» — прозвище, данное сирий-

---

[2] *Подосинов А. В.* О названии Волги в древности и средневековье // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII вв. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. С. 36—37.

[3] Das Kitab Surat al-ard des Abu Ǧa'far Muhammed ibn Musa al-Huwarizmi / Hans von Mžik. Leipzig, 1926 (далее — *al-Huwarizmi*) S. 157; *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 53—54, 107.

[4] *Калинина Т. М.* Сведения. С. 52, 103.

цами и подхваченное арабами Александру Македонскому за то, что этот полководец побывал в обеих частях света; как вариант — за то, что этот царь имел на лбу два нароста, напоминающие рога, дабы поражать народы — сюжет, восходящий к древним представлениям о восточных божествах[5]. Упоминание о двух башнях, якобы построенных Александром Македонским, — это арабское, а скорее, еще сирийское переложение материалов Птолемея об «Александровых столпах» (’Αλεξάνδρου Στήλαι, Д 80°00' Ш 51°30'), которые ал-Хорезми назвал «двумя наблюдательными пунктами, построенными Зу-л-Карнайном» (от Д 77°15' Ш 54°15' до Д 77°45' Ш 56°00' (V, 8, 15)[6]. Судя по координатам книги ал-Хорезми, располагались они восточнее гор Ифика (у Птолемея — Гиппика); у Птолемея же Александровы столпы находились южнее, а не восточнее Гиппийских гор. По данным ал-Хорезми, это место соответствует указанию Птолемея на поворот реки Ра при координатах Д 85° и Ш 54°. Оба автора считают, что исток реки Ра находился в Гиперборейских горах, которые у ал-Хорезми соответствуют горам (917—918). Таким образом, можно сделать вывод, что ал-Хорезми достаточно точно следовал описанию реки Ра у Птолемея, однако общее положение реки восточнее и удаленнее от Танаиса, чем у Птолемея.

Дальнейшего развития птолемеева традиция описания реки Ра у арабских географов не получила. Аналогичная информация находится только у переписчика

---

[5] *Пигулевская Н. В.* Сирийская легенда об Александре Македонском // *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000. С. 427—428; *Пиотровский М. Б.* Коранические сказания. М., 1991. С. 147—148.

[6] *Калинина Т. М.* Сведения. С. 44, 85.

«Книги картины Земли» Сухраба (нач. X в.), но она не оригинальна [7].

Ибн Хордадбех в своей «Книге путей и стран» никак не называл Волгу, однако у него имелась информация, которая относится к низовьям этой реки, о дороге между Гирканией (Горганом, областью юго-восточного побережья Каспия) и Хамлиджем, городом хазар, который располагался при впадении Волги в Каспий: «От Джурджана до Хамлиджа, он же — на конце реки, которая течет из страны славян и впадает в море Джурджана (Каспий. — *Т. К.*), [так вот] по этому морю, если хороший ветер, 8 дней [пути]» [8].

Ибн ал-Факих многие материалы выбирал из сочинения Ибн Хордадбеха (см. выше), хотя частично их перерабатывал. Он информировал: «Третье море — Хорасанское, Хазарское, [называемое так] из-за близости к нему хазар. По нему [путь] до Мугана, Табаристана, Хорезма и Дербента. От моря Джурджана (Каспия. — *Т. К.*) до залива хазар — десять дней [пути], а при ветре — восемь дней по морю и два дня по суше» [9]. Выше было сказано о том, что Ибн ал-Факих заменил название города Хамлидж (как у Ибн Хордадбеха) схожим словом *халидж* — «залив, рукав», в ряде случаев — «пролив», и под *халиджем* хазар разумел Азовское море.

---

[7] Das Kitab ağaib al-aqalim as-sab'a des Suhrab / Hans von Mžik. Wienna, 1929. C. 189—190 (араб. текст абсолютно аналогичен таковому в книге ал-Хорезми).

[8] Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kasim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordadhbeh... / de Goeje M. J. Lugduni Batavorum, 1889 (далее — *Ибн Хордадбех* / Де Гуе). P. 124; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку, 1986. С. 109 (далее — *Ибн Хордадбех* / Велиханова).

[9] Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadhani... / M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. P. 77.

Не исключено в таком случае, что Ибн ал-Факих знал больше о Приазовье, чем о Поволжье. Впрочем, есть и другое мнение об информации Ибн ал-Факиха, по которому его сведения только повторяют данные Ибн Хордадбеха о пути между Джурджаном и Хамлиджем (а не *халиджем*, это слово здесь просто ошибочно) и, следовательно, Ибн ал-Факих просто повторяет сведения Ибн Хордадбеха о низовьях Волги[10].

Как Ибн Хордадбеху, так и Ибн ал-Факиху был известен хазарский город ал-Байда', который многие исследователи склонны идентифицировать с частью города Итил, находившегося в устье Волги, хотя современные ученые не пришли к единому мнению по поводу его местонахождения[11].

К концу X в. относится сводка информации о печенегах, хазарах, буртасах, волжских булгарах, мадьярах, славянах, русах, земле ас-Сарир и аланах под условным названием «Анонимная записка о народах Восточной Европы», авторство которой неизвестно, но которая сохранилась у многих арабо-персидских ученых X—XVII вв. Полнее всего сводка представлена в написанной по-арабски «Книге дорогих ценностей» персидского географа Ибн Русте (первая треть X в.) и в труде «Краса повествований» на персидском языке Гардизи (XI в.). Сокращенная или измененная версия тех же известий име-

---

[10] *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. T. I. Cz. 1. S. 28, 39, 85. Note 197; S. 40, 41, 121. Note 366.

[11] По поводу расположения города ал-Байда' см. обзор точек зрения: *Goldelman M.* On the location of the Khazarian city of al-Bayda' // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1998—1999. № 10. P. 63—71. Сам автор придерживается мнения, что город ал-Байда' идентичен Саркелу, располагавшемуся, по мнению автора, на левобережье Дона.

ется у целого ряда писателей X—XVII вв. Это — Мутаххар ибн Тахир ал-Макдиси (2-я пол. X в.), ал-Бакри (XI в.), ал-Марвази (кон. XI — нач. XII в.), Закарийа ал-Казвини (XIII в.) и многие другие. Данные «Анонимной записки» вставлялись восточными учеными в различный контекст, иной раз приводились новые детали, не связанные с самой «Запиской». Авторство материалов неизвестно; исследователи полагают вероятным считать источником Ибн Хордадбеха или ал-Джайхани, визиря при дворе Саманидов в Бухаре, который составил свой труд, вероятнее всего, около 922 г., но он не сохранился [12].

В сводке выделялись описания дорог и областей — возможно, для правителей Арабского халифата, а может быть, специально для эмиров Хорасана. Среди народов Восточной Европы перечислены печенеги, хазары, буртасы, булгары, мадьяры, славяне, русы, страна ас-Сарир (в Сев. Дагестане), аланы.

Ученые, следовавшие информации «Анонимной записки», называли Волгу *Итил* (*Атил*). Ибн Русте писал: «Булгары граничат со страной буртасов. Они населяют [земли] по берегу реки, которая впадает в море хазар, [и] называется *Итил*... Хазары торгуют и обмениваются с ними (булгарами. — *Т. К.*), а также русы приезжают к

[12] *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И. Ю.* Избр. соч. М.; Л., 1957. С. 219—223; *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Соч. М., 1963. Т. 1. С. 58; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. XXVIII—XXXV; *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. T. I. Cz. 1. S. 43—64; *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. (2-е изд.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 280, 283; *Miquel A.* La geographie humaine du mond musulman jusqu'au milieu du XIe siècle. Paris, 1967. Vol. I. P. XXIII—XXV.

ним со своими товарами. Все те, что живут на обоих берегах этой реки, везут к ним (булгарам. — *Т. К.*) свои товары: соболей, горностаев, белок и прочее»[13]. Гардизи отмечал: «Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по реке *Итил* на судне; другие едут сухим путем»[14]. Анонимный персидский автор второй половины X в., написавший компилятивное сочинение «Границы мира» (*Худуд ал-'Алам*), по следам «Анонимной записки» упоминал: «Булгар — город (*шахр*), около которого небольшая область (*нахийа*), расположен на берегу реки *Атил*»[15]. Закарийа ал-Казвини, ученый-энциклопедист XIII в., отдавая дань данным «Анонимной записки», писал, что на берегу реки *Итил* располагается страна буртасов[16].

В 921—922 гг. арабский миссионер и дипломат Ибн Фадлан посетил Волжскую Булгарию. Он неоднократно называл реку *Атил* или *Атул*: при упоминании ставки булгарского царя «у воды, называемой *Хеллече*, а это три озера, из которых два больших и одно маленькое... Между этим местом и [их] огромной рекой, текущей в страну хазар, называемой рекой *Атил*, [расстояние] около фарсаха. На этой реке [находится] место рынка, который бывает бойким во всякий [благоприятный] момент.

---

[13] Kitab al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh / M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. P. 141 (далее — *Ibn Rosteh*).

[14] *Бартольд В. В.* <Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894» // *Бартольд В. В.* Соч. М., 1973. Т. VIII. С. 37, 58.

[15] Худуд ал-'алам. Рукопись Туманского с введением и указателями В. В. Бартольда. Л., 1930. С. 38б, 32; Hudud al-'Alam. «The Regions of the World» / Translated and explained by V. F. Minorsky. L., 1970. P. 163.

[16] Zakarija Ben Muhammed el-Kazwini's Kosmographie / F. Wüstenfeld. Göttingen, 1848—1849. S. 390.

На нем продаются многочисленные ценные вещи...»[17]. Упоминаются в повести Ибн Фадлана и иногда сильно поднимающиеся (видимо, по весне) воды этой реки, по которой ходили купцы и приплывали к булгарам русы из своей страны с товарами, причаливая к пристани[18].

Географ ал-Истахри, работавший в первой половине X в. и опиравшийся на несохранившееся сочинение саманидского ученого ал-Балхи, весьма подробно описывал Волгу, называя ее *Итилем*. Автору было известно расстояние между нижним и средним течением реки: «От Итиля до Булгара по степной дороге — около месяца пути, а по воде — около двух — вверх, и около двадцати дней — вниз»; «Внешний Булгар — небольшой город, нет в нем многочисленных округов, а известен как порт для тех государств (т. е. славян и прочих, упомянутых выше. — *Т. К.*)»[19].

---

[17] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956 г. С. 138 (А. П. Ковалевский предпочитает имя «Атыл»). В примечаниях к переводу он отметил, что названные три озера идентичны известным в XIX в. озерам Чистое, Курышевское и Атманское недалеко от г. Спасск (Там же. С. 218. Прим. 564). Ф. Х. Хузин уточняет, что это место находится в районе с. Три Озера Спасского района республики Татарстан, отметив, однако, что Ибн Фадлан писал о стоянке их отряда в местности близ рек Нийасны — Бездны и Джавшыза — М. Черемшан, хотя А. П. Ковалевский идентифицировал последнюю реку с Гауширмой (М. Бахтой): *Хузин Ф. Ш.* Волжская Булгария в домонгольское время (X — начало XIII века). Казань, 1997. С. 148. Прим. 16, 17; С. 149. Прим. 35. Торговый центр, о котором идет речь, — это Ага-Базар, находившийся в 6—7 км от Болгарского городища (Там же. С. 149. Прим. 36).

[18] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана. С. 140.

[19] Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri / M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. P. 10, 226—227 (далее — *al-Istakhri*).

Продолжатель и преемник ал-Истахри, с согласия последнего вносивший изменения в его книгу, арабский ученый, путешественник и дипломат Ибн Хаукал, завершивший свой труд около 977 г., называл Итил «рекой русов»: «Река *Итил* — самая большая по протяженности, и это *река русов*». Рассказывая о торговле русов и булгар, эти авторы упоминали, что купцы с ценными мехами «спускаются по рекам» к русам со стороны народов Гог и Магог (по мнению ал-Истахри и Ибн Хаукала, это были жители Севера) и «немного поднимаются к Булгару»[20]. Следовательно, у них были известия и о других, кроме волжского, водных путях Восточной Европы.

Ученый XII в. ал-Марвази, по следам более ранних арабских авторов, рассказывал: «У них (волжских булгар. — *Т. К.*) два города (*булдан*), один из них называется Сувар, а другой называется Булгар; между двумя городами пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов»[21].

Об истоках этой реки у ал-Истахри и Ибн Хаукала имелись представления, едва ли отвечающие истинному положению дел. «Что касается реки *Итил*, то она, как дошло о том до меня, выходит недалеко от хирхизов и течет между кимаками и гузами, и она — граница между кимаками и гузами. Затем идет к западу позади булгар и возвращается назад к тому, что примыкает с востока, до

---

[20] *al-Istakhri*. P. 220; Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu'l-Kasim ibn Haukal al-Nasibi) ... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938—1939. Fasc. I—II. P. 13, 392 (далее — *Ibn Haukal*).

[21] Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India. L., 1942. P. 44, 34.

тех пор, пока не пройдет мимо русов, затем проходит мимо булгар, затем мимо буртасов, пока не впадет в море *ал-Хазар* (Каспий. — *Т. К.*), и говорят, что она (река Итиль. — *Т. К.*) разветвляется от этой реки на семьдесят с лишним рек, а главная часть реки продолжает течь к хазарам (у Ибн Хаукала: "к *Хазарану*". — *Т. К.*), пока не впадет в море. Говорят, что эти воды, если бы соединились в верхней части в одну реку, то превзошла бы она *Джайхун* (Амударью. — *Т. К.*) обилием и богатством вод и обширностью их на поверхности земли. Достигает обилие и богатство этих вод того [места], где они истекают в море, текут внутри моря на протяжении двух дней пути и преодолевают воды моря, пока не замерзают зимой из-за пресности и сладости. И отличается в море цвет их (вод Итиля. — *Т. К.*) от цвета морской воды»[22].

Описывая Каспийское море, ал-Истахри и Ибн Хаукал еще раз упоминали эту реку, правда, без названия: «Море *Хазар*. Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли, и если человек объедет вокруг моря, то вернется к тому месту, от которого начал [свой путь], без помехи, вот только пресная река (подчеркнуто мной. — *Т. К.*) впадает в него, а оно — море соленое, нет у него ни приливов, ни отливов. Это море темное, на дне его — ил, в отличие от моря Красного и остальных, и Персидского залива, ибо в некоторых местах Персидского залива иногда видно дно из-за чистоты белых камней. Не добывают из этого моря (моря *Хазар*. — *Т. К.*) ничего: ни драгоценных камней, ни жемчуга, ни кораллов или другого — того, что извлекают в [других] морях, и не достают из него ничего из того, что

[22] *al-Istakhri*. P. 222; *Ibn Haukal*. P. 393 (у Ибн Хаукала есть незначительные отклонения от приведенного фрагмента ал-Истахри; кроме того, в издании Ибн Хаукала Крамерса река огласована как Атул).

[обычно] промышляют, кроме рыбы. Плывут по нему купцы из мусульманских стран к земле хазар и [в области] между Арраном (Кавказской Албанией, арм. Алуанком; границы территории менялись в разные периоды, но в целом Арран занимал область между Дербентом на северо-востоке, Тбилиси на западе и рекой Аракс на юге и юго-западе. — *Т. К.*), Гиляном (равнинной частью южного побережья Каспия. — *Т. К.*), Табаристаном (областью, располагавшейся в Мазандеранской равнине южного побережья Каспия. — *Т. К.*) и Гирканией (страной на юго-восточном побережье. — *Т. К.*)...»[23]. «Пресная река» — несомненно, Волга.

Анонимный персидский автор сочинения «Границы мира» (*Худуд ал-'Алам*), кабинетный ученый, основывавшийся только на литературных источниках и изрядно путавший их данные[24], считал, что исток Итиля находится в горах на севере, откуда вытекала река *Артуш* (о ней см. очерк III, раздел 3), впадавшая в *Аттил*[25]. Поздний магрибинский историк Ибн Халдун (1332—1406) полагал, что истоки Итиля следует искать в областях народов Гог и Магог[26], которых арабские авторы поме-

---

[23] *al-Istakhri. P.* 218; *Ibn Haukal. P.* 388.

[24] *Бартольд В. В.* Введение к изданию Худуд ал-алам // *Бартольд В. В.* Соч. М., 1973. Т. VIII. С. 504—545; Hudud al-'Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H.—982 A. D. / Translated and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937; *Новосельцев А. П.* «Худуд ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // ДГ. 1998 г. М., 2000. С. 380—399; *Мишин Д. Е.* Географический свод «Худуд ал-Алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. 2000. № 2. С. 52—63.

[25] Hudud al-'Alam. P. 75; *Новосельцев А. П.* «Худуд ал-алам». С. 387.

[26] *de Hammer Purgstall J.* Sur le origines russes. Spb., 1825. P. 19, 91.

щали на крайнем востоке или севере ойкумены. Многие исследователи считали, что за исток Волги арабами принималось нижнее течение Камы, реальное же положение дел оставалось неизвестным[27].

Однако В. П. Демидчик[28] обратил внимание на то, что Ибн Хаукал (заметим от себя, как и ал-Истахри) указывал направление лишь левого притока Итиля — от киргизов, далее между кимаками и огузами, тогда как в остальных случаях Ибн Хаукал, в отличие от других авторов, подчеркивал, что «течет эта река из страны *ар-Рус*» и что «река *Итил* — самая большая по протяженности, и она — река *ар-Рус*»[29]. Именно Ибн Хаукалу, по-видимому, вторил в XIII в. энциклопедист Закарийа' ал-Казвини: «*Итил* — огромная река. По своим размерам она напоминает Тигр в Ираке. *Итил* вытекает из земли русов (подчеркнуто мной. — *Т. К.*) и проходит через земли булгар и хазар, пока не достигнет Хазарского моря, не впадет в него семьюдесятью рукавами. Глубокая и полноводная, эта река еще в течение двух дней морского пути преобладает в море, выделяясь своим цветом от общего цвета морской воды. Зимой река за-

---

[27] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 192–193, 218; *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 72; *Барольд В. В.* Очерк истории туркменского народа // *Бартольд В. В.* Соч. Т. II. Ч. 1. С. 559; Hudud al-'Alam. P. 216. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1967. Т. II. С. 164.

[28] *Демидчик В. П.* Описание Волги в «Книге изображений Земли» арабского географа X в. Абул-Касима ибн Хаукаля // Изв. АН Таджикской ССР. Отд-ние общ. наук. Душанбе, 1962. Вып. 2 (29). С. 54—57.

[29] *Ibn Haukal.* P. 13.

мерзает из-за пресности своих вод. В *Итиле* встречаются удивительные животные»[30].

Карта-схема, приложенная в издании Крамерса сочинения Ибн Хаукала[31], действительно, показывает два рукава Итила, один из которых можно считать Камой (хотя В. П. Демидчик считал, на основании, как он писал, «неточных описаний маршрутов», что восточный рукав — это Урал[32]); другой же рукав, видимо, обозначал главное течение Волги. При этом Ибн Хаукал упоминал, что, хотя *Итил* и течет из страны русов, однако истоки его находятся в недосягаемых областях мрака и «никто не достигал ее начал и никто не знает их»[33].

Ибн Хаукал упоминал несколько раз, что *Итил* имеет соединение с так называемым Константинопольским проливом. Последний описан и ал-Истахри, и Ибн Хаукалом как единый водный поток, начинающийся в западной части Атлантики, захватывающий Гибралтар, Средиземноморские пространства (названные Ибн Хаукалом морем *ар-Рум*) и проходящий мимо Константинополя, где этот пролив поворачивает к северу, таким образом прихватывая и Босфор, и Черное, и Азовское моря, следуя по восточноевропейским землям, где жили булгары, русы, славяне, и заканчиваясь в так называемом Окружающем океане, северная часть которого соответствовала полнощным водам Атлантики и, возможно, северным морям, где находилась «бедная из бедных» страна народов *йаджудж* и *маджудж* (Гог и Магог)[34]. В связи с такими воззрениями Ибн Хаукал

---

[30] *Демидчик В. П.* «География» или «Памятники стран и предания о людях» Закарийа ал-Казвини. Душанбе, 1977. С. 92—93.

[31] *Ibn Haukal.* Вкладка между страницами 8 и 9. См. илл. 15.

[32] *Демидчик В. П.* Описание Волги. С. 56.

[33] *Ibn Haukal.* P. 389.

[34] *Ibn Haukal.* P. 202. Многие исследователи считают, что здесь имеются в виду скандинавы: *Hennig R.* Der mittelalterlische Han-

внес весьма существенное изменение в приведенное выше описание Каспия ал-Истахри: «Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности Земли ни способом смешения, ни способом связи, кроме того, что входит в него (Каспий. — *Т. К.*) из реки *ар-Рус*, известной как *Итил*, а она (река. — *Т. К.*) связана ответвлением, ведущим от нее к проливу, [который] выходит из земли *ал-Кустантинийа* (Константинополя. — *Т. К.*), с морем *Окружающим* (подчеркнуто мной. — *Т. К.*). А если человек объедет это море, то вернется к тому месту, с которого начал, без помех, и не пересечет ему [путь] ничего, кроме реки, [которая] впадает в него и распадается в нем. Оно — море соленое, и нет у него ни приливов, ни отливов»[35]. Таким образом, очевидно, что в описание Каспия ал-Истахри Ибн Хаукалом было включено упоминание о некоем «ответвлении», соединяющем реку Итил и Конста́нтинопольский пролив, в свою очередь впадающий в Окружающий океан. Получается, что, по мнению Ибн Хаукала, река Итил и восточноевропейская часть Константинопольского пролива, которая символизирует водную связь юга и севера Европы, соединены неким протоком и, следовательно, у Ибн Хаукала Каспий представлен отнюдь не замкнутым бассейном. Такая же картина нарисована и на карте-схеме: там показано соединение Константинопольского пролива с Итилем неподалеку от территорий, где проживали народы *ар-рус* и *ал-булгар*, а соединялись эти два водных потока в области обитания *ас-сакалиба*[36] (см. илл. 15).

---

delsverkehr in Osteuropa // Der Islam. 1935. Bd. 22. S. 242—243; *Togan Zeki Validi A.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1927. S. 196—200; Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódź, 1985. T. III. S. 179—180.

[35] *Ibn Haukal.* P. 388.

[36] *Ibn Haukal.* Вкладка между страницами 8 и 9.

Идея о соединении Каспия с южными восточноевропейскими водными бассейнами посредством Волги фигурировала в арабской географической литературе и до Ибн Хаукала. Ученый-энциклопедист ал-Мас'уди подозревал такую связь, впрочем, постоянно сомневаясь в этом. В отличие от Ибн Хаукала, который именовал Волгу рекой *ар-Рус*, ал-Мас'уди называл ее рекой *ал-Хазар*. Объясняется это тем, что ал-Мас'уди, работавший в первой половине X в., хорошо знал низовья реки и ее столицу, принадлежавшую хазарам. В период же работы Ибн Хаукала, во второй половине X в., русами были широко освоены поволжские территории, что, видимо, стало известно Ибн Хаукалу, который хотя и опирался на труд ал-Истахри (а он, работавший в 30-х гг. X в., именовал реку только *Итил*, не связывая ее название с близлежащими народами), изменял информацию предшественника в соответствии с новыми данными.

Так вот, по поводу связи Каспия с каким-либо другим морем, ал-Мас'уди писал: «Ошибались люди, полагая, что море *ал-Хазар* (Каспий. — *Т. К.*) соединяется с морем *Майтас*. А я не видел из входивших в страну хазар купцов и судовладельцев ни одного, [плавающего] по морю *ал-Хазар* в страны русов и булгар, кто бы утверждал, что с морем *ал-Хазар* соединяется [какое-либо] море из этих морей, или соединяется с ним что-нибудь из его вод или каналов, кроме реки *ал-Хазар*...» (подчеркнуто мной. — *Т. К.*)[37]. Так писал ал-Мас'уди, опираясь на свой собственный опыт, поскольку, как он сам рассказывал, он плавал по Каспию, начав путь из Абесгуна на юго-западном побережье, а также на рассказы путешественников и моряков. Тем не менее в том же

[37] *Maçoudi*. Les prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861. T. I. P. 273 (далее — *Maçoudi*).

труде он говорил: «От нее (реки, которая разделяет хазарский город *Атил* на три части, т. е. Волги. — *Т. К.*) [близ] страны булгар (в тексте – *бургаз*, так ал-Мас'уди именовал волжских булгар. — *Т. К.*) отделяется рукав, который впадает в *Майтас*»[38]. «В верхней части реки *ал-Хазар* есть проток, соединяющийся с заливом моря *Бонтос* (здесь, по-видимому, имеется в виду Азовское море — ведь для ал-Мас'уди было все равно, как называть Черное и Азовское моря — *Майутис* или *Бонтос*, см. выше, очерк I. — *Т. К.*), а это — море *ар-Рус*; нет на нем никого другого, а они — на одном из его берегов»[39]. О набеге русов на прикаспийские области через земли хазар ал-Мас'уди рассказывал: «...После 300 (т. е. 912) года прибыло около 500 кораблей (русов. — *Т. К.*), в каждом корабле — 100 человек. Вошли в залив моря *Бонтос*, соединенный с морем *ал-Хазар*» (подчеркнуто мной. Можно полагать, что здесь имеется в виду Азовское море, а не Черное. — *Т. К.*). «Там — люди, назначенные царем хазар, с сильным вооружением, сопротивляются тем, кто идет от этого моря, и тем, кто идет от той стороны суши, ответвление которой от моря *ал-Хазар* примыкает к морю *Бонтос*. Это [надо] потому, что

---

[38] *Maçoudi*. T. II. P. 7. (Здесь пер. мой. — *Т. К.* См. также рус. пер. и коммент.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 192—193.)

[39] *Maçoudi*. T. II. P. 15. Кроме приведенного перевода существует также пер. на рус. яз.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 195—196. Среди исследователей существует точка зрения: поскольку ал-Мас'уди утверждал, что никто, кроме русов, которых он относил к скандинавам, не плавал по этому морю, то речь идет о Балтике (*Lewicki T.* Źródła arabskie). Однако этой концепции противостоит информация самого ал-Мас'уди о том, что море Бонтос называлось также морем булгар, русов и трех видов печенегов (*баджни, баджна, баджгурд*): *Maçoudi*. T. I. P. 262.

кочевые тюрки-гузы приходят к этой суше и зимуют там. Иногда замерзает эта вода, соединяющая реку *ал-Хазар* с заливом моря *Бонтос*, и переходят по ней гузы на своих конях, а это — великая вода, не проваливается под ними [из-за того, что становится] твердой, как камень. И так переходили тюрки в страну хазар. Иной раз выходил к ним царь хазар, если не могли те, кто там [был] из его людей поставлен, отразить их, и препятствовал им переправиться по этому льду, и защищал свое государство. Летом же нет [здесь] пути тюркам для переправы. Когда прибыли корабли русов к людям хазар, поставленным у начала пролива, то они послали к царю хазар [просьбу], чтобы им пройти по его стране, спуститься в его реку, войти в реку *ал-Хазар* и дойти до моря *ал-Хазар*, которое [и есть] море Джурджана, Табаристана и других земель иноземцев (здесь: иранцев. — *Т. К.*)... Он позволил им это, и [русы] вошли в залив и достигли устья реки, поднялись по этому ответвлению воды до тех пор, пока не вошли в реку *ал-Хазар*, и спустились по ней в город Итил, а это река большая, прошли мимо него (города. — *Т. К.*), дошли до устья реки к месту впадения в море *ал-Хазар*. А от этого места до города Итил это река великая и воды ее обильны»[40]. Заканчивает же историю о русах, описав их набег и последующую гибель на берегах Итиля, ал-Мас'уди следующим образом: «Мы рассказали эту историю в опровержение высказываний тех, кто утверждает, будто море *ал-Хазар* соединяется с морем *Майутис* и проливом *ал-Кустантинийа* со стороны *Майутиса* и *Бонтоса*. Но если бы это было так, то русы вышли бы в него, так как это море — их, как мы сказали, и нет разногласия между

[40] *Maçoudi*. T. II. P. 18—20. Здесь пер. мой. — *Т. К.* Рус. перевод и коммент. см. также: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 198—201.

тем, что мы сказали, и [тем, что говорят] народы, находящиеся по соседству с этим морем, что море иноземцев не имеет пролива, соединяющегося с другими морями. Ведь это море небольшое, хорошо известное... Возможно, что те, кто говорят что *море ал-Хазар* соединяется с проливом *ал-Кустантинийа*, думают, что море *ал-Хазар* – это [и есть] море *Майутис* и *Бонтос*, которое [на самом деле] является морем булгар и русов. Но Аллах лучше знает состояние этого дела»[41].

Таким образом, в словах ал-Мас'уди есть определенное противоречие: утверждая, что Каспий — замкнутый бассейн, в который впадает только Волга (река *ал-Хазар*), он в то же время рассказывает и о некоем рукаве близ земель волжских булгар, который соединяется с заливом Азовского моря, и о водах, соединяющих эти моря в низовьях Волги, в области хазар. Реальность состоит, видимо, в том, что за эти «рукава» и «ответвления» принимались весенние разливы восточноевропейских рек и переволоки, по которым русы совершали военные и торговые походы на Волгу и Каспий, на Дон, Приазовье и Причерноморье.

Ал-Мас'уди как будто не знал названия *Итил* или *Атил* для Волги. Перечисляя впадающие в Каспий реки, он писал: «К числу великих знаменитых рек, впадающих в это море (Каспий. — *Т. К.*) относятся река Черный *Иртиш* и река Белый *Иртиш* (см. ниже, очерк III, раздел 3). И река *ал-Курр* (Кура. — *Т. К.*)... соединяется с рекой *ар-Рас* (Аракс. — *Т. К.*).., и они вместе впадают в море. И река *Испизруд* (Сефи-руд в Сев. Иране. — *Т. К.*).., и река *Шахруз* (Шах-руд. — *Т. К.*)... И <u>река *ал-Хазар*</u> (подчеркнуто мной. — *Т. К.*), которая проходит через город

[41] *Maçoudi*. T. II. P. 24—25. Рус. пер. и коммент. см. также: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 201.

Итил... В эту реку [впадает] река *Буртас*. Буртасы — великий народ из тюрков, живущий между областью Хорезма и государством хазар, относящийся, однако, к хазарам. По этой реке плавают большие суда с товарами и различными предметами, доставляемыми из области Хорезма и прочих областей. Из страны буртасов вывозят шкурки черных лисиц, а это — самые ценные и самые дорогие меха... Владыки иноземных народов гордятся одеждами из этих шкурок, из них изготавливаются остроконечные шапки и шубы, а черные лисицы особенно высоки в цене...». [Далее идут рассуждения о качестве этих мехов и рассказ о халифе ал-Махди, который подверг меха испытанию тем, что накрыл сосуды с водой разными видами шкурок, и вода того сосуда, что был прикрыт чернобуркой, за ночь не замерзла, в отличие от остальных]. «И река *ал-Хазар* (подчеркнуто мной. — *Т. К.*), называемая *Аум*. Она больше Тигра и Евфрата». [Далее автор переходит к перечислению других рек, впадающих в Каспий[42].]

Авторская манера ал-Мас'уди такова, что он часто отвлекается от основного повествования. Так и в «Книге предупреждения и пересмотра» после упоминания притока реки *ал-Хазар* под названием *Буртас*, отождествляемой обычно исследователями с той рекой, на берегах которой каждый из них предпочитает расселять буртасов[43], по обыкновению ал-Мас'уди, как мы видели, он отвлекается от рассказа о реках и уделяет весьма много места рассуждениям о буртасских мехах, далее возвра-

---

[42] Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi... / M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 62—64 (далее — *al-Masudi*) .

[43] Перечисление точек зрения исследователей на области обитания буртасов см.: *Калинина Т. М.* Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX—X вв. // ДГ. 1998. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 116.

щается к известиям о реках, впадавших в Каспий, и как раз здесь он еще раз упоминает реку *ал-Хазар*, называемую *Аум*[44]. Имя реки передано в одной рукописи «Книги предупреждения и пересмотра» как *Аум* (= *Авам* ?), в другой — как *Ад.м*. Однако поскольку река *Аум* названа рекой *ал-Хазар* и, как сказано, она «превосходит Тигр и Евфрат», кажется наиболее вероятным, что речь идет все же о Волге. Неясным остается гидроним. Схожее название, если учесть возможные искажения при передаче арабской графики, встречается у Ибн Фадлана: в Мешхедской рукописи оно передано как *Урам* или *Урим*. Как полагал А. П. Ковалевский, это может быть нынешняя река Урем или Урым — левый приток Волги, впадающий в нее ниже устья Камы[45]. Трудно сказать, могло ли название этой небольшой реки употребляться по отношению к той, которая «больше Тигра и Евфрата». Не проще ли предположить, что ал-Мас'уди, после отступления о буртасах и их мехах, ведет речь о названии той же реки *ал-Хазар*, о которой говорил выше, но с искажением — *Аум* или *Ад.м* вместо *Атил*? Искажение, по всей вероятности, сделано не самим ал-Мас'уди, поскольку, плавая по Каспию, он едва ли мог не услышать или не узнать распространенного имени реки — *Атил*. Отметим, что название города *Атил* — столицы Хазарии — в «Книге предупреждения и пересмотра» передано верно: в обеих рукописях одинаково — *Атил*, между тем как в рукописях сочинения «Промывальни золота и рудники самоцветов» стоит *Амул*, что закреплено в издании Ш. Барбье де Мейнара и явно ошибочно. Представляет-

---

[44] *al-Masudi*. P. 64.

[45] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956 г. С. 131; С. 194. Прим. 341. Карта. С. 99; Факсимиле Мешхедской рукописи. Л. 203б$_4$.

ся, что в данном случае нет необходимости изыскивать аналогии с другими гидронимами и следует принять версию искаженного названия *Атил* в информации ал-Мас'уди о реке *ал-Хазар — Аум*.

Как видно из приведенных выше примеров, арабские географы хорошо знали о том, что в низовьях реки находится столица хазар. Ибн Фадлан рассказывал, что на реке *Итил* находилась состоящая из двух частей столица хазарского хакана[46], и ученые идентифицируют эту столицу с городом *Итил* в низовьях Волги, о котором есть известия и у других восточных авторов[47]. Ал-Мас'уди: «*Атил*, где теперь живет хазарский царь, состоит из трех частей, на которые его делит великая река... Названная столица расположена по обоим берегам реки. В середине реки лежит остров, где находится резиденция правительства»[48]. Ал-Истахри: «Что касается их (хазар.— *Т. К.*) города, то там столица, называемая *Итил*, и тем же именем называется река, которая течет через нее (столицу. — *Т. К.*)». «*Итил* — название реки, которая течет к нему (городу Итиль. — *Т. К.*) от русов и булгар»; «Был их (хазар. — *Т. К.*) город небольшим, имел две стороны. Одна сторона его называется *Итил*, по имени реки, а другая сторона — *Хазаран*»[49]. Ибн Хаукал повторил эти данные ал-Истахри, прибавив, что русы опустошили этот город в 358/968—69 г.[50] Шамс ад-Дин ал-

---

[46] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана. С. 147.

[47] Сведения источников о городе Итиль см.: *Заходер Б. Н.* Итиль (Три рассказа) // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 32—45. О поисках и возможном местонахождении города Итиль см.: *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999. С. 191—194.

[48] *Maçoudi*. T. II. P. 7—8. Рус. пер. и коммент. см. также: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 192—193.

[49] *al-Istakhri*. P. 10, 218, 220, 222.

[50] *Ibn Haukal*. P. 15.

Макдиси, писатель X в., писал: «*Итил* — большой город на реке, которая тянется к озеру, называется (река. — *Т. К.*) *Итил*, и к нему (названию. — *Т. К.*) присоединено имя города»[51]. В XI в. известнейший ученый ал-Бируни упомянул «великую реку русов и славян» как такую, на которой расположены города *Сувар* и *Булгар* в седьмом климате[52]. Это известие уникально, подразумевается здесь Волга, поскольку указаны города Волжской Булгарии, и относится известие ко времени жизни ал-Бируни.

В XII в. Волгу упоминал известный путешественник, проживший довольно долго в Волжской Булгарии, Абу Хамид ал-Гарнати. О Волге он писал: «Впадает в это (Каспийское. — *Т. М.*) море огромная река, называемая *Итил*; выходит она выше Булгара из областей Мраков. Она раз в сто или больше превосходит Тигр. Из нее вытекает 70 рукавов, и все-таки остается от нее около Саджсина огромная река. Я ходил по ней в зимнее время, когда она замерзала так, что стала, как земля»[53]. Ал-Гарнати, безусловно, знал старые описания Итила ал-Истахри или Ибн Хаукала и отдавал им дань, следуя традиционным правилам описаний земель, но он дал и совершенно реальное изображение Волги своего времени.

---

[51] Descriptio imperii moslemici auctore Schamso'd-din Abu 'Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Banna al-Basschari al-Mokaddasi / M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1906. P. 360.

[52] *Абу-р-Райхан ал-Бируни.* Канон Мас'уда / Пер. и прим. Б. А. Розенфельда и А. Ахмедова при участии М. М. Рожанской (пер. и прим.), С. А. Красновой и Ю. П. Смирнова (пер.), указатели А. Ахмедова // *Абу-р-Райхан ал-Бируни.* Избр. произведения. Ташкент, 1976. Т. V. Ч. 2. С. 473.

[53] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 56.

Все данные говорят о хорошем знакомстве арабских авторов с устьем реки, с нижним и средним течениями, по берегам которых в IX—X вв. обитали хазары, буртасы, волжские булгары, имелась информация и о некоторых притоках и прибрежном населении, однако смутными оставались сведения об истоке реки. Арабо-персидские писатели были хорошо осведомлены о большом экономическом значении Волги в жизни окружающих народов и ее роли в международной торговле.

ОЧЕРК 3

Редкие упоминания о реках Восточной Европы

Раздел 1. «Река славян»

В Очерке 1 шла речь о «реке славян» или реке «позади славян», выходившей из отдаленных пределов славян и впадавшей в Каспий: пути, соединявшем север и юг Восточной Европы, по данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха. Однако «река славян» (*нахр ас-сакалиба*) упоминается не только в сочинениях географов, а еще и в труде историка Ибн А'сама ал-Куфи (ум. 927 г.) при рассказе о походе арабского полководца Марвана ибн Мухаммада на хазар в 737 г. *Нахр ас-сакалиба* в этом случае может быть совсем не аналогом «реки славян» арабских географов[1]. Однако нельзя исключать возможность заимствования названия «река славян» арабским историком X в. у арабских географов IX в.: уже было отмечено во Введении, что восточным писателям свойственна традиционность, шаблонность в выборе и передаче сведений.

Кроме ал-Куфи, о походах Марвана ибн Мухаммада на хазар с разной степенью подробностей и редко с упоминанием дат известно из сочинений ал-Йа'куби, Ибн ал-Факиха, ал-Балазури, ат-Табари, Бал'ами, Халифы ибн Хаййата, Ибн ал-Асира и др. Из них только ал-Куфи

---

[1] *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006. С. 259, 297.

упоминает «реку славян»; ал-Балазури и Халифа ибн Хаййат рассказывают о захвате в плен славян, не говоря о «реке славян»; прочие же авторы говорят лишь о походах на хазар, вовсе не упоминая славян.

Повествования авторов, упоминающих славян при походе Марвана ибн Мухаммада на хазар.

Рассказ Ибн А'сама ал-Куфи:

Говорит [автор]: После этого (смотра войск под городом Семендер. — *Т. К.*) войска (мусульман. — *Т. К.*) выступили и вскоре достигли города ал-Байда', в котором пребывал хакан, царь хазар. Говорит [автор]: хакан стал убегать от Марвана и вскоре добрался до гор. Говорит [автор]: Марвану и мусульманам в стране хазар сопутствовал успех, и они достигли земель, расположенных за Хазарией. Затем они совершили набег на *ас-сакалиба* и на другие соседние племена неверующих и захватили из них в плен 20 тысяч семей. После этого они пошли дальше и вскоре добрались до реки славян (*нахр ас-сакалиба*). И вызвал он (Марван. — *Т. К.*) к себе человека из храбрецов Сирии по имени ал-Каусар б. ал-Асвад ал-'Анбари, который был во главе его гвардии. И сказал он ему: «Эй, Каусар! Пришел ко мне лазутчик и сообщил, что хакан, царь хазар, послал против нас одного из своих тарханов по имени Хазар-Тархан во главе 40 тысяч сыновей тарханов. А ты пересеки эту реку, выйди им навстречу и сядь в засаду с таким же числом [воинов] как у них. А когда наступит утро, то я присоединюсь к тебе, если пожелает Аллах, [ведь] нет силы и могущества, кроме как у Аллаха всевышнего, великого»! Говорит [автор]: Сказал ал-Каусар: «Да будет благосклонен Аллах к эмиру! Уже вечереет, в это время сгущаются сумерки. Дай мне отсрочку, эмир, до завтра». Говорит [автор]: Разгневался Марван, а потом сказал: «Клянусь Аллахом! Если ты сейчас же не переправишься через эту реку, то я тебе отрублю голову и перебью всю твою семью. А теперь выбирай то, что тебе больше нравится!». Сказал ал-Каусар: «Я переправлюсь. Да будет благосклонен Аллах к эмиру!». Говорит [автор]: Тогда ал-Каусар тот же час отобрал 40 тысяч человек из воинов это-

го войска. Потом ему вручили знамена, и он переправился [через реку], а с ним переправилось более тысячи человек [2].

Рассказ ал-Балазури:

Марван совершил набег на *ас-сакалиба*, которые были в стране хазар, взял в плен из их числа 20 000 семей и расселил их в Кахетии. Потом они убили своего властителя и бежали, но их догнали и перебили [3].

Рассказ Халифы ибн Хаййата:

114 г. х. [732—33 г.] Сказал Абу Халид со слов Абу-л-Бара'а: "Пошел Марван в 114 году в поход и [продвигался], пока не перешел реку *ар-Р.мм*, убивал, угонял в плен и совершал набеги на *ас-сакалиба*".

119 г. х. [737 г.] В этом году Марван ибн Мухаммад предпринял дальний поход из Арминии. Он проник в Ворота алан (*Баб ал-Лан*), прошел землю алан, затем вышел из нее в страну хазар, прошел Баланджар и Самандар и дошел до ал-Байда', в которой пребывает хакан. Хакан бежал [из города] [4].

---

[2] *Ал-Куфи*. Китаб ал-футух. Хайдерабад, 1975. Ч. VIII. С. 71—72; *Гараева Н. Г.* Сведения арабских и персидских источников о походах к северу от Дербента (22/642—43 и 119/737 гг.) // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 468; *Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи*. Книга завоеваний (извлечения по истории Азербайджана VII—IX вв.) / Пер. с араб. З. М. Буниятова. Баку, 1981. С. 50.

[3] Liber expugnationis regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beladsori, quem e codice leidensi et codice Musei Brittannici / M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866. P. 207—208.

[4] *Халифа ибн Хаййат*. Та'рих Акрам Дийа' ал-Умари. Ан-Наджаф, 1386/1967. С. 361; *Бейлис В. М.* Сообщения Халифы ибн Хаййата ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII — первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 43; *Гараева Н. Г.* Сведения. С. 468—469.

В приведенных фрагментах речь идет о походах Марвана ибн Мухаммада, арабского полководца, известного успехами в битвах на Кавказе; в 127—132/744—750 гг. он стал последним Омейядским халифом.

Упомянутую в походе 732—33 гг. реку *ар-Р.мм* идентифицировать невозможно, поскольку название, вероятнее всего, искажено — может быть, это Аракс или ал-Лан[5] или «одна из больших рек, протекающих севернее Кавказского хребта»[6]. Из текста можно сделать вывод, что походы на каких-то славян (или, как предполагал ряд исследователей, на народ, который арабы принимали за славян), предпринимались и ранее, чем в 737 г.

Ученые до сих пор спорят относительно маршрута похода Марвана в 737 г. Приводятся различные тактические доводы за или против далекого от тылов движения арабских войск. Есть исследователи, считающие, что Марван захватил славян, живущих в стране хазар или вблизи Хазарии; славян в составе хазарских войск; вовсе не славян, а буртасов и близких им народов Среднего Поволжья; последний вариант — касогов; все эти народы арабские авторы якобы считали *ас-сакалиба*. Исходя из этих соображений, историки считают «рекой славян» Дон[7], среднее или нижнее течение Волги[8] и да-

---

[5] *Гараева Н. Г.* Сведения. С. 461.

[6] *Бейлис В. М.* Сообщения. С. 51.

[7] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 199; *Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи.* Книга завоеваний. С. 81; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 184—186.

[8] *Zeki Validi Togan A.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939. S. 305—307; *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. Prinston, 1954. P. 80—84; *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Kraków, 1956. T. I. S. 133—134. Ods. 156; *Кляшторный С. Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточ-

же Куму (захваченный народ *ас-сакалиба* в этом случае объявляется касогами)[9].

Не будем умножать мало доказательные теории. Отметим лишь, что Ибн А'сам ал-Куфи назвал некую «реку славян», текущую в юго-восточной части Восточной Европы среди областей хазар и, может быть, славян. Не исключено также, что название «река славян» здесь — всего лишь литературный штамп. Ибн А'сам ал-Куфи часто приписывает свои сведения многим неизвестным лицам, склонен к преувеличениям и изложению легендарных сведений. Поэтому можно по-прежнему лишь гадать, какая именно река была на пути войск Марвана ибн Мухаммада. Нет также никаких оснований считать *ас-сакалиба* вблизи хазар, о которых говорили арабские историки, каким-то другим народом, нежели славяне. Более точных известий у авторов IX—X вв. нет.

В XII в. Абу Хамид ал-Гарнати рассказывал, что он плыл из Булгара по «реке славян» (*нахр ас-сакалиба*) в страну славян (*ас-сакалиба*), мимо неких язычников, живущих по берегам «огромной реки», где они охотятся на бобров, и добрался до Киева. И хотя по описанию[10]

ной и Центральной Европы. М., 1964. Т. 1. С. 16—18; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 218—220; *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире. М., 2002. С. 42—43. Прим. 1.

[9] *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария. С. 280—288.

[10] «Когда я поехал в страну славян, то выехал из Булгара и плыл на корабле по реке славян. А вода ее черная, как вода моря Мраков, она будто чернила, но притом она сладкая, хорошая, чистая. В ней нет рыбы, а есть большие черные змеи, одна на другой, их больше, чем рыб, но они не причиняют никому вреда. И есть в ней животное вроде маленькой кошки с черной шкурой, зовут ее водяным соболем. Его шкуры вывозят в Булгар и Саджсин, а водится он в этой реке». Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 35.

нельзя сказать, что за река имеется в виду, исследователи пришли к единодушному выводу о том, что Абу Хамид плыл по Оке. Есть мнение, что он добирался от Булгара по Волге, Оке, Десне к Днепру и Киеву, а далее в Венгрию[11]; возможно, что речь идет, кроме Оки, о небольшом участке Волги от впадения Оки в Волгу до Булгара[12]. Эти предположения вполне реальны, поскольку путь описан очевидцем. Однако нельзя исключать и в этом случае использования автором старинного литературного штампа «река славян», поскольку он едва ли мог не знать настоящего названия реки, на которой ему довелось побывать. Но вполне мог и забыть ее наименование, поскольку писал более чем через 10 лет после своего путешествия.

Раздел 2. Реки Причерноморья и Приазовья

Упомянутый в очерке I арабский ученый ал-Хорезми приводил координатные данные для впадающих с востока в *ал-Батиху* (Меотис) рек, соответствующих птолемеевским Марубиосу (*Марубис* ал-Хорезми), Феофаниосу (*Туфанис* ал-Хорезми), Ромбитесу (*Амбитис* ал-Хорезми), Аттикитесу (*Атикитис* ал-Хорезми), Малый Ромбитес (?) (у ал-Хорезми — *Анхарис*, но похожего названия у Птолемея нет). По данным ал-Хорезми, западная часть *ал-Батихи*, которая соответствует Бикскому

[11] *Полубояринова М.* Путь из Булгара в Киев. Торговые связи с Киевской Русью и древнерусскими княжествами // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. С. 316—326.

[12] *Dubler C.* Abu Hamid el-Granadino y su relación de Viaje por tierras eurasiáticas. Madrid, 1953. P. 22, 61; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. С. 35, 108—110; *Мишин Д. Е.* Сакалиба. С. 39.

заливу Птолемея, принимала реки без названия, течения которых соответствуют птолемеевским рекам Герр, Бук, Пасиак, Каркинит, а также «ручей», совместимый с рекой Агар Птолемея [13].

В море *Барки* и *Лазики* (Понт) впадают с востока реки, соответствующие Вардану и Псатису (у ал-Хорезми — *Аксис*) Птолемея. Впадающая с запада река *Нувис* с шестью «вытекающими реками» полностью соответствует Дунаю с притоками Птолемея, «ручей» неподалеку от устья *Нувиса* — Тирасу Птолемея, т. е. реальному Днестру [14].

Все эти материалы практически полностью соответствуют данным книги Птолемея и не имеют самостоятельного значения, хотя не учитывать их нельзя.

Последователи «Анонимной записки» о народах Восточной Европы Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази и анонимный автор книги «Границы мира» (*Худуд ал-'алам*) упоминали реки южной части Восточной Европы при описании страны мадьяр.

Рассказ Ибн Русте:

> Земля их (мадьяр. — *Т. К.*) обширна; одним краем граничит с морем Рума, в которое впадают две реки; одна из них больше Джайхуна; между этими реками и находится место обитания мадьяр... [15]

Рассказ Гардизи:

---

[13] Das Kitab Surat al-ard des Abu Ǧa'far Muhammed ibn Musa al-Huwarizmi / H. v. Mžik. Leipzig. 1926. S. 153—154 (далее — *al-Huwarizmi*); *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата (Тексты, пер., коммент.). М. 1988. С. 52—53, 103—105.

[14] *al-Huwarizmi*. S. 142—144; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 98—99.

[15] Kitab al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh / M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. P. 142.

Их (мадьяр. — *Т. К.*) владения прилегают к *Румскому* морю. {Далее идет искаженная, непереводимая фраза; очевидно, было сказано, что «в это море впадают две реки, из которых одна больше Джайхуна»}... Они живут между [этими двумя реками]. С наступлением зимы каждый, кто удалился от реки, возвращается к берегу ее и проводит там зиму... [На берегу] той реки, что находится влево от них, в сторону славян, живет народ из румийцев; все они христиане, называют их *нандар*... Из этих двух рек одну называют *Итил*, другую — *Дуна*. Когда мадьяры живут на берегу реки, они видят этих *нандар*; над областью *нандар*, на берегу реки, возвышается высокая гора, по склону которой течет река... Та река, которая находится по правую сторону мадьяр, течет по направлению к стране славян и оттуда к стране хазар; эта река больше другой [16].

Рассказ ал-Марвази:

Один из пределов их (мадьяр. — *Т. К.*) страны достигает моря *ар-Рум*. И там две реки, которые впадают в море. Одна из них больше Джайхуна. Ее жители мадьяры — между этими двумя реками. Название этих двух рек *Рута* и *Атил* [17].

В анонимном сочинении «Худуд ал-'алам» «сохранились лишь реликты темы», как писал Б. Н. Заходер [18]. В книге отмечена, по следам материалов «Анонимной записки», река *Рута*. А. П. Новосельцев указывал, что

---

[16] *Бартольд В. В.* <Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»>. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894» // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 37—38, 58—59 (мной сделаны небольшие редакторские правки и пояснения к тексту. — *Т. К.*).

[17] Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India / Arabic text (c. A. D. 1120) with an English Translation and Commentary by V. Minorsky. London, 1942. P. 22, 35.

[18] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 52.

автор здесь «соединил несколько известных ему понятий о реках в одно»[19]. В книге также упомянута *руд-е Рус*, т. е. Русская река, основой сведений о которой послужили данные Ибн Хаукала о Волге, по-своему понятые автором «Худуд ал-'Алам». Реальных материалов о реках Восточной Европы труд не содержит, хотя Б. А. Рыбаков считал иначе, однако автор «Худуд» опирался только на книжные, литературные источники. Поэтому останавливаться на рассмотрении этих данных мы не будем, отослав читателя, помимо известных изданий и переводов В. В. Бартольда и В. Ф. Минорского, к уже упомянутой статье А. П. Новосельцева, а также Д. Е. Мишина[20].

Название *Итил* не всегда идентифицируется с Волгой. В тюркских и финно-угорских языках слова *итиль*, *идиль*, *атиль*, *эдель* означают просто «река»[21]. Венгерский средневековый автор Шимон из Кезы имя *Этул* относил к Дону[22]. Византийский император Константин Багрянородный называл местом обитания мадьяр, после переселения из Леведии и до переселения на Балканы, область Ателкузу, что соответствует венгерскому Этелкёз — «междуречье»[23]. В. Ф. Минорский отмечал, что

---

[19] *Новосельцев А. П.* «Худуд ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // ДГ. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 388 (2-е изд.)

[20] *Мишин Д. Е.* Географический свод «Худуд ал-Алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. 2000. № 2. С. 52—63.

[21] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Т. I. М., 1986. С. 337.

[22] *Marquart J.* Streifzüge. S. 31.

[23] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, пер., коммент. М., 1991. С. 159—163, 393. Прим. 13; *Marquart J.* Streifzüge. S. 31.

первая часть этого слова — это *ател*[24]. В книгах Ибн Русте, Гардизи и других поздних авторов, следующих за «Анонимной запиской о народах Восточной Европы», в рассказе о мадьярах Итилем тоже названа не Волга. Ученые считают Ателкузу местностью, где протекают реки Днепр, Буг, Днестр, Прут и Сирет[25]. В конкретном случае *Итил* — это, вероятнее всего, Днепр[26].

Река *Дуна* (с искаженной арабской графикой — *Дуба* или даже *Рута*) — это, вероятно, нижнее течение Дуная и его приток Сирет; народ *нандар* — оногундуры, т. е. дунайские болгары; горы — Карпаты[27].

О Дунае писал также ученый, работавший в первой половине X в., Абу-л-Хасан ал-Мас'уди: «...Из числа великих рек, [впадающих в Черное море, известны] такие, как *Дануба* и *М.лава*; таково же ее название на [языке] славян (*ас-саклабийа*). Это большая река, ширина ее около 4 миль, она — за Константинополем, в нескольких днях пути, и на ней — места обитания немцев (*ан-*

---

[24] Hudud al-'Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H.—982 A. D. / Translated and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937. P. 321—322.

[25] *Marquart J.* Streifzüge. S. 31—32; Hudud al-'Alam. P. 321—322; *Lewicki T.* Zródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. T. II. Cz. 2. S. 101—102. Ods. 162 (со ссылкой на польского исследователя X. Ловмяньского); *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 393. Прим. 13; *Мишин Д. Е.* Сакалиба. С. 56—57.

[26] Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста..., по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869. С. 119; *Lewicki T.* Zródla arabskie. S. 101—102; *Мишин Д. Е.* Сакалиба. С. 57.

[27] *Бартольд В. В.* <Извлечение>. С. 58; Hudud al-'Alam. P. 321; *Мишин Д. Е.* Сакалиба. С. 56.

намджин) и моравов (*ал-м.рава*), относящихся к славянам (*ас-сакалиба*), и еще на ней жило много булгар (*ал-бургар*), в то время, когда они стали христианами. И говорят, что из нее берет начало река *Турк*, т. е. река Шаша, о которой сообщалось выше»[28].

Объяснить такие материалы можно, только исходя из своеобразных представлений ал-Мас'уди об обитающих вокруг народах. Для него булгары — это единый народ: и тот, который живет неподалеку от Черного моря и исповедует христианство (т. е. дунайские болгары), и тот, что живет на берегу Волги (реки *Хазар*), торгуя с соседними народами — хазарами, буртасами, славянами, русами, отдаленным Хорезмом и исповедуя ислам (т. е. волжские булгары). В то же время он считал, что Черное море «принадлежит» русам, булгарам и печенегам (*ал-баджанакийа*)[29]. О печенегах ал-Мас'уди сообщал, что они — тюрки (*ат-турк*), которые жили некогда близ «Джурджанийского озера», т. е. Арала и воевали с тюрками же — огузами, карлуками и кимаками, в результате чего печенеги были вынуждены покинуть свои места и передвинуться западнее[30]. В более ранней книге «Золотые копи и рудники самоцветов» ал-Мас'уди упоминал царя народа тюрков (*малик ат-турк*), жившего среди славян (*ас-сакалиба*) на Дунае, вероятно, подразумевая здесь повелителя венгров, народа, которого и византийские источники, и арабские авторы считали тюрками[31].

---

[28] Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudî / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 67 (далее — *al-Masudî*).

[29] *Maçoudi*. Les prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861. T. I. P. 262; 1863. T. III. P. 64; *al-Masudî*. P. 67.

[30] *Maçoudi*. T. I. P. 211—212; *al-Masudî*. P. 180—181.

[31] *Maçoudi*. T. III. P. 64. См. подробно: *Мишин Д. Е.* Сакалиба. С. 70.

Результатом контаминации всех этих сведений и явилась идея ал-Мас'уди о том, что Сырдарья (река *Турк*, т. е. река Шаша) имеет истоком... Дунай!

Раздел 3. Другие реки Восточной Европы

В книге ал-Хорезми отмечена река *Истулус*, соответствующая Висле, которая, по Птолемею, вытекала с Сарматских гор и впадала в Сарматский океан (Северное Внешнее море ал-Хорезми); еще упомянута река, впадающая туда же и аналогичная Хрону Птолемея [32].

В Каспийское море, помимо реки Ра — Волги (см. очерк II), по данным ал-Хорезми, впадали реки, аналогичные Даиксу (т. е. Уралу) с двумя притоками и Рюммосу. Они вытекали с гор, соответствующих горам Рюммика Птолемея. Упомянуты также реки, аналогичные птолемеевым рекам Алонт и Удон, начинающиеся в горах Кирманийа, соответствующих Керавнам Птолемея. На востоке Каспия обозначены река Тур, аналогичная Куре, и река без названия, аналогичная Араксу; показано место их слияния и впадения в Каспий [33].

Эти сведения ал-Хорезми, как и большинство прочих, имеет аналоги в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, работавшего во II в. н. э., и поэтому не представляют особого значения.

Названия рек Восточной Европы упоминал Ахмад Ибн Фадлан, прошедший в составе посольства к царю волжских булгар Алмушу в 921—922 гг. длинный путь по части территории Восточной Европы и пересекавший разные реки. Исследователи смогли их идентифицировать. Ибн Фадлан упоминал реку *Джайх*, т. е. Урал и

---

[32] *al-Huwarizmi*. S. 142—144; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 49, 98.

[33] *al-Huwarizmi*. S. 107, 139, 140, 158; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 48—49, 51, 54, 98, 101—102, 107.

Джам — вероятно, Эмбу[34]. Уезжая из страны башкир, караван переправлялся через реки *Джарамсан* (Большой Черемшан), *Уран* (Урень), *Урам* (Урым или Урам), *Байнах* (Майна), *Ватыг* (Утка), *Нийасна* (Бездна), *Джавшыз*, вероятное чтение — *Джавшыр* (скорее всего, Малый Черемшан)[35]. Как было показано выше (см. раздел II), Ибн Фадлан упоминал *Итил* (Волгу). Эти сведения абсолютно уникальны, поскольку оставлены очевидцем.

Необходимо также остановиться на упоминании реки, которая воспринималась рядом арабских географов как впадающая в Каспий. Это — Иртыш, относящийся к азиатскому региону. Ее называли ал-Мас'уди, автор «Худуд ал-'Алам» и Гардизи. Река эта называется авторами в связи с местом обитания тюркского племени кимаков. Ал-Мас'уди: «К числу великих знаменитых рек, впадающих в это море (Каспийское. — *Т. К.*), относится река *Черный Иртиш* и *Белый Иртиш*. Обе они велики, каждая из них больше, чем Тигр и Евфрат, а расстояние между их устьями около 10 дней [пути]. На обеих этих реках — зимовья и летние стоянки тюрок кимаков и гузов»; схожая информация имеется в книге ал-Мас'уди «Золотые копи и россыпи самоцветов»[36]. Белый и Черный Иртыш являются разными частями притока реки Обь. Однако М. де Гуе со ссылкой на Сильвестра де Саси предполагал, что ал-Мас'уди упомянул реки Урал и Эмбу, об истоках и устьях которых не имел известий[37].

---

[34] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 130.

[35] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана. С. 131; *Хузин Ф. Ш.* Волжская Булгария в домонгольское время. Казань, 1997. С. 148.

[36] *Maçoudi*. T. I. P. 213; *al-Masudî*. P. 62.

[37] *Maçoudi*. T. I. P. 367.

Тем не менее упоминание тюркских народов, живших близ этой реки, может свидетельствовать о полученных знаниях об этой реке, хотя не вполне достаточных.

Анонимный автор труда «Худуд ал-'Алам» тоже писал о реке *Арташ*, т. е. Иртыш, как о большой и темной, текущей между гузами и кимаками, доходящей до реки Чубин (?) и после этого впадающей в Хазарское, т. е. Каспийское море[38]. Эта информация напоминает сведения ал-Мас'уди, что говорит, вероятнее всего, об общем источнике сведений. Тем не менее в книге «Худуд ал-А'лам» есть и иные известия о расселении ряда тюркских народов, где снова упоминается река *Арташ*, что позволяет считать часть материалов относящимися к реке Иртыш, с ошибкой относительно места впадения.

Персидский ученый XI в. Гардизи привел более всего сведений о самой реке Иртыш: «Иртыш — большая река, так что если кто-нибудь встанет на этом берегу реки, то с другого берега его нельзя узнать вследствие отдаленности расстояния. Вода реки черная. Переправившись через реку Иртыш, приходят к шатрам кимаков»[39]. Он пересказывает легенду о появлении названия Иртыш, также связанную с кимаками.

Как отмечал В. Ф. Минорский, разбирая свидетельства об Иртыше, «главная географическая ошибка нашего автора (книги "Худуд ал-'Алам". — вставка моя. — *Т. К.*) и Гардизи заключалась в незнании нижнего течения Иртыша, который они предполагали впадающим в Волгу в области, где левые притоки первого и левые притоки последней практически сходятся наподобие хвоста ласточки»[40].

---

[38] Hudud al-'Alam. P. 75—77.

[39] *Бартольд В. В.* <Извлечение>. С. 28, 45.

[40] Hudud al-'Alam. P. 305.

Таким образом, если ал-Хорезми в первой трети IX в. передавал большую часть информации о реках Восточной Европы, восходящую к Птолемею, то другие арабские и персидские ученые передавали подлинные сведения, относящиеся к концу IX в., а также известия X в., среди которых оказывались и реальные, и легендарные.

Часть II

И. Г. Коновалова

Гидрография Восточной Европы в географическом сочинении ал-Идриси

Введение

Крупнейшим средневековым арабским географом был ал-Идриси (1100—1165), автор сочинения «Отрада страстно желающего пересечь мир» («Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак», 1154 г.)[1], иногда именуемого просто «Географией» или «Книгой Рожера», по имени норманнского короля Сицилии Рожера II (1130—1154), по заказу которого было написано это произведение. Труд ал-Идриси является сводом географических знаний, накопленных арабской наукой к середине XII в., и представляет собой описание всей ойкумены.

Согласно традиции, идущей от греческой и персидской географии, ал-Идриси разделил всю обитаемую землю на семь широтных зон-«климатов» (*иклим*). Каждый климат, в свою очередь, ал-Идриси — и это явилось его нововведением — разбил на десять поперечных час-

---

[1] *Al-Idrisi.* Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant» / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Neapoli; Romae, 1970—1984. Fasc. I—IX.

тей-секций (*джуз*), равных по длине и ширине. Описание ойкумены ал-Идриси ведет по климатам, с юга на север, а внутри климатов — по секциям, с запада на восток. Каждому описанию соответствует карта. Таким образом, 70 секционных карт, будучи сложены вместе, образуют прямоугольную карту мира с изображением морей, озер, рек, гор, городов и политических образований.

Наряду с подробным рассказом о Западной Европе и мусульманских странах, в труде ал-Идриси содержится богатейший и порой уникальный для арабской географической литературы материал о физической и этнополитической географии Восточной Европы (в 4—7 секциях VI—VII климатов). В сообщениях ал-Идриси об этом регионе переплетаются информация, исходящая от купцов и путешественников, и данные, почерпнутые географом из трудов своих предшественников, в особенности географов X в. Ибн Хаукала и ал-Мас'уди.

В отличие от арабских ученых IX—XI вв., знавших из рек Восточной Европы лишь Волгу, Дон и Дунай (преимущественно в их нижнем течении), ал-Идриси было известно куда больше рек этого региона. Ал-Идриси располагал подробными сведениями о населенных пунктах, стоявших на Дунае (*Дану*[2]), Днестре (*Данаст*[3]), Днепре (*Данабрис*[4]).

---

[2] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 12, 794, 795, 875, 876, 878, 883—885, 888, 893—898, 901, 904, 908, 909, 912. Арабская передача названия р. Дунай у ал-Идриси восходит, скорее всего, к лат. *Danuvius* (*Lewicki T.* Polska i kraje sąsiednie w świetle «Księgi Rogera» geografa arabskiego z XII w. al-Idrisi'ego. Warszawa, 1954. Cz. II. S. 129—130; *Idem.* Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w. // Slavia antiqua. 1961. T. VIII. S. 80).

[3] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 904, 909, 955. По мнению Т. Левицкого, форма названия реки Днестр у ал-Идриси является передачей лат. *Danaster* (*Lewicki T.* Polska. Cz. II. S. 197—199).

О Доне ал-Идриси имел очень неполные данные, которые не позволили ему представить эту реку в виде отдельного водного потока: на карте Дону отчасти соответствует река *Сакир*, которая изображена как рукав *Атила*, впадающий в Черное море[5]. Описание реки *Русиййу*[6] дает некоторые основания сопоставлять ее с рекой Кубанью, правда, без полной уверенности в их тождестве[7]. В Восточном Причерноморье ал-Идриси отметил еще одну реку, которая впадает в море близ города «Черная Кумания». Она не имеет названия, и в ее описании преобладают данные мифологического характера[8].

Среди рек Черноморского бассейна ал-Идриси называет также реку *ар-Русиййа*, т. е. «Русскую»[9]. На карте она изображена в виде огромной водной магистрали, пересекающей с севера на юг всю Восточную Европу[10]. Гидроним «Русская река» относится к числу тех географических названий «Нузхат ал-муштак», которые вобрали в себя информацию из различных источников, имеют в силу этого сложный состав и не могут быть

Однако, на мой взгляд, возможен и греческий источник информации, отражающий греч. Δάναστρις.

[4] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 12, 909, 912, 913, 921, 957. Арабская передача названия р. Днепр у ал-Идриси восходит к греч. Δάναπρις.

[5] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 916; *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1927. Bd. VI. Taf. 54.

[6] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 914. Конечное *у* отражает, видимо, особенности произношения информатора ал-Идриси.

[7] *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГ. 1982 г. М., 1984. С. 209.

[8] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 915.

[9] Ibid. P. 909, 910.

[10] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 56, 65—66.

отождествлены с каким-либо одним географическим объектом.

Сходным по характеру гидронимом является и наименование *Атил*, которое обычно без всяких оговорок рассматривают как обозначение Волги, что на самом деле не вполне корректно.

У ал-Идриси были некоторые сведения и о реках бассейна Балтийского моря. На картах 6 секции VI климата и 5—6 секций VII климата помечено четыре реки, впадающие в «Море Мрака»: *Бурну*, *Марката*, *Нартагу* и еще одна безымянная[11]. В тексте «Нузхат ал-муштак» имеется информация лишь об одной из них — о реке *Бурну*, которая упоминается в связи с сообщением о городе, стоящем близ ее устья[12], и отождествляется с рекой Пярну. Что касается трех остальных рек, то их, судя по положению на карте, следует искать к северу от реки Пярну (восточноевропейские секции карты ал-Идриси см. илл. 19).

[11] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 64—65.
[12] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 954.

ОЧЕРК 1

Первые сведения о бассейне Днепра

Реку Днепр (*Данабрис*) ал-Идриси упоминает неоднократно. Основной объем сведений о Поднепровье помещен в составе сообщений о лежавших в бассейне этой реки древнерусских городах — в 5 секции VI климата сочинения; отдельные дополнения имеются в 6 секции VI климата и в 5 секции VII климата.

В 5 секции VI климата, посвященной описанию дунайских болгар, Руси и Кумании, дан общий перечень древнерусских городов, а вслед за ним — дорожники с указанием взаимного положения населенных пунктов и расстояний между ними: «Что касается страны ар-Русиййа, то к этой секции относятся [следующие] ее города: Луниса, Зала, Саклахи, Галисиййа[1], Синубули, Бармуниса, Арман, Барасаниса, Луджага, Саска, Авсиййа, Кав, Баразула, Баразлав, Канив, Улиски, Мулиса. Что касается города Бармуниса, то он расположен на реке Данабрис; это красивый город. От него до города Синубули шесть дней [пути]; это большой процветающий город, [стоящий] на реке Данабрис, с западной стороны. Точно так же от города Бармуниса до города Кав, [стоящего] на реке Данабрис, вниз по реке шесть дней [пути]. От него до города Баразула, [находящегося] к северу от

---

[1] Города *Зала* и *Галисиййа* были охарактеризованы географом в другой секции сочинения как города Поднестровья (см.: *Коновалова И. Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий. М., 2006. С. 160—167).

реки, пятьдесят миль. От него до [города] Авсиййа по суше два дня [пути]; это маленький цветущий город. От города Авсиййа до города Барасаниса два дня [пути]; это многонаселенный красивый город, [расположенный] в стороне от реки[2]. От него до города Луджага два дня [пути] на север. От города Луджага до города Арман три небольших перехода на запад. Точно так же от города Арман на восток до города Барасаниса четыре перехода. От [города] Барасаниса до города Мулиса, [стоящего] в устье реки Данабрис, пять переходов. А Улиски — это город, [расположенный] на восточной стороне устья реки Данабрис. От города Улиски до города Канив три перехода. От вышеупомянутого города Баразула вниз по реке до города Баразлав один день [пути]. От города Баразлав вниз по реке до вышеупомянутого [города] Канив полтора дня [пути]. От города Кав до города Най из страны ал-Куманиййа шесть переходов»[3].

Очевидно, что в рассказе о древнерусских городах внимание географа направлено на описание маршрутов, связывавших эти населенные пункты, а сведения о Днепре приводятся лишь попутно. Согласно данным ал-Идриси, на берегу этой реки было расположено семь городов — *Кав* (Киев), *Синубули* (Смоленск), *Баразлав* (Переяславль Русский), *Канив* (Канев), *Мулиса* и *Улиски* в устье реки (оба топонима — варианты наименования Олешья), *Бармуниса* (Туров)[4].

Говоря о движении по реке, ал-Идриси все время ведет речь только о Днепре. Несмотря на то, что некоторые из упомянутых им городов располагались не на са-

[2] Выражение, употребленное ал-Идриси — *фи-л-барр*, — указывает на местонахождение города не просто на берегу реки, но на более или менее значительном расстоянии от нее.

[3] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 912—913.

[4] Локализация поднепровских городов подробно рассмотрена в работе: *Коновалова И. Г.* Ал-Идриси. С. 201—210.

мом Днепре, а на его притоках — Туров на Припяти, Переяславль Русский на Трубеже, — географ воспринимал Днепр со всеми его притоками как единое целое. Об этом же свидетельствует и изображение Днепра на карте ал-Идриси, где река показана в виде одного рукава, текущего с севера в Черное море[5].

О Днепре говорится также в 6 секции VI климата сочинения ал-Идриси, в рассказе о Черном море: «С северной его стороны в него впадает река Данабрис, она приходит от тыльной стороны озера Тирма»[6].

Наконец, в 5 секции VII климата ал-Идриси сообщает об истоках Днепра. Рассказав об озере *Тирма*[7], ал-Идриси затем приводит данные о берущей начало неподалеку от этого озера реке Днепр: «Напротив его (озера. — *И. К.*) тыльной части, посреди лугов и лесов, находятся истоки реки Данабрис, которая называется там Балтас»[8]. В этом фрагменте любопытна информация о том, каким было местное наименование Днепра в районе его верховьев (*Балтас*)[9]. О. Таллькгрен-Туулио сопоставил этот термин со славянским словом «болото» в его неполногласном варианте — «блато», либо с новогреческим *βαλτος*[10], Б. А. Рыбаков рассматривает его как «топонимический пережиток» гидронима «Борисфен»[11]. Скорее,

---

[5] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 55, 65.

[6] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 921.

[7] Об этом озере см. подробнее ниже (II.5).

[8] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 957.

[9] Различные рукописи сочинения ал-Идриси дают несколько вариантов написания гидронима (بلتس **P**, بلنس **L**, بليس **A**), которые при одинаковой графике отличаются количеством точек при третьей графеме и местом их постановки.

[10] *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi: Sections VII 3; VII 4; VII 5. Helsinki, 1936. P. 164—165.

[11] *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 43. С. 12.

можно предполагать связь с балтийской основой *bal / bel*, к которой восходят лит. и лат. *bala* («болото», «мокрый топкий луг», «мокрая низина»), лат. *belute* — «лужа», лит. *baltas* — «белый» [12].

Как нетрудно заметить, данные ал-Идриси о Днепре и стоящих по его берегам древнерусских городах исходили от нескольких лиц. Об этом свидетельствуют разные формы приведенных географом топонимов — славянские и греческие, а также употребление информаторами различных единиц для измерения расстояний между городами — миль, переходов, дней пути. Употребление слов «напротив» (من قبالة) и «тыльная часть» (ظهر) в качестве географических терминов, а также указание местного названия днепровских верховьев — *Балтас* — и характера местности в этом районе («среди лугов и лесов») свидетельствует о том, что информация о взаимном расположении истоков Днепра и некоего озера, которое ал-Идриси уже сам отождествил с озером *Тирма*, исходила от путешественника. Упоминание Кумании позволяет отнести эти данные к XII в.

[12] *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 67—68.

ОЧЕРК 2

Традиционные и новые данные о реке Атил

Волжский бассейн относился к числу тех регионов Восточной Европы, о которых в арабской географической литературе IX—XI вв. имелось довольно много сведений. Эти сведения были различного характера: они касались физической и политической географии, содержали этнографические данные, давали информацию о городах и торговых путях региона. Основными источниками этих данных являлись рассказы купцов и путешественников, ездивших в Итиль и Булгар. Поэтому стержнем, вокруг которого группировалась информация о Восточной Европе в рассказах таких путешественников, был Волжско-Каспийский путь, связывавший Восточную Европу со странами Ближнего Востока и Средней Азии. Олицетворением этого пути в арабской географической литературе стала река *Атил*. Значительная часть сведений о Волжском пути повторялась арабскими учеными по традиции и со временем составила устойчивый комплекс данных, детально проанализированный Б. Н. Заходером и получивший от него название «Каспийский свод сведений о Восточной Европе» [1].

Сочинение ал-Идриси обнаруживает хорошее знакомство его автора с этим направлением в арабской географии. Ал-Идриси довольно много почерпнул из тра-

---

[1] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Ч. I. М., 1962.; Ч. II. М., 1967.

диции, однако его заимствования явились результатом самостоятельной переработки книжных сведений, осуществленной в связи с задачами его собственного сочинения и под влиянием современных ему данных.

Описание реки *Атил* (в написании ал-Идриси — *Исил*) неоднократно встречается в сочинении ал-Идриси: дважды в 7 секции V климата и по одному разу в 6 и 8 секциях VI климата.

Первый раз ал-Идриси приводит характеристику реки *Атил* в связи с рассказом о Каспийском море: «Ал-Хаукали рассказывает в своей книге, что это море также не соединяется с другими морями, которые есть на поверхности земли, ни посредством связи, ни посредством смешивания, кроме того, что входит в него из реки ар-Рус, известной под названием Исил. Эта река берет начало в земле тюрок и течет, отклоняясь на восток, пока не достигнет [земли] булгар; там она разделяется на два рукава, первый из которых течет в море ал-Баб ва-л-Абваб, о котором мы уже говорили, тогда как второй рукав течет на запад до моря Нитас, начинающегося у земли ал-Кустантина и сообщающегося с Окружающим морем через пролив Зукак [2]» [3].

Приведенное описание реки *Атил* является вставкой ал-Идриси в рассказ Ибн Хаукала о Каспийском море. Ал-Идриси сделал ее, как мне кажется, для того, чтобы пояснить слова Ибн Хаукала о связи *Атила* с Окружающим морем через «Константинопольский канал». Поскольку описание течения *Атила* в данном случае не являлось самоцелью ал-Идриси, а должно было проиллюстрировать рассказ его предшественника, это описание

---

[2] Словом *Зукак* (букв. «пролив») арабо-персидские авторы обозначали Гибралтарский пролив (см.: *Lewicki T.* Znajomość. S. 71).

[3] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 831.

отличается от других сообщений о реке *Атил*, имеющихся в сочинении ал-Идриси.

Еще одно описание реки *Атил* дается в связи с характеристикой Хазарии: «Восточный рукав реки Исил [берет начало] в области басджиртов, затем течет между баджнаками и булгарами, являясь границей между ними; он течет на запад, пока не пройдет позади булгар; затем снова отклоняется на восток, пока не минует русов, затем булгар, затем буртасов, затем хазар с тем, чтобы влиться в море ал-Хазар. Говорят, будто Исил разветвляется более чем на семьдесят рек, но главное русло реки впадает в море ал-Хазар. Говорят, что если воды этих рек объединить, то они образуют более полноводную реку, чем Джайхун[4] или река Балх[5]. От этой реки отделяется рукав, [текущий] на запад[6] до впадения в море Нитас, о чем мы уже сказали»[7].

Вновь обращаясь к описанию Хазарии в 6 секции VI климата, ал-Идриси приводит еще одну характеристику реки *Атил*, отличающуюся некоторыми деталями от описания *Атила* в 7 секции V климата: «Ал-Хазар — это название страны, а ее столица — [город] Исил. Исил — это [также] название реки, которая течет к нему[8] от русов и булгар и впадает в море ал-Хазар. Исток этой реки [находится] в восточной стороне, в некоей области

---

[4] *Джайхун* — арабское название Амударьи.

[5] Река *Балх* (Балхаб) берет начало в хребте Баба на западе Гиндукуша, в своем среднем течении имеет сильно разветвленное русло и иссякает в песках, не достигнув Амударьи.

[6] У П. А. Жобера ошибочно переведено «на восток»: [*Jaubert P. A.*] La Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amédée Jaubert. Paris, 1840. T. II. P. 336.

[7] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 834—835.

[8] Т. е. городу *Исилу*.

Опустошенной страны, затем река проходит через Зловонную землю[9] на запад до тех пор, пока не пройдет позади булгар[10], после чего возвращается на восток и протекает через землю русов, затем через [землю] булгар, затем через [землю] буртасов и течет [далее] в землю хазар, пока не впадает в море[11]. О ней говорят, что от нее отделяются свыше семидесяти рек, а основное русло реки течет к хазарам»[12].

Наконец, в 8 секции VI климата, рассказывая о «Зловонной земле», ал-Идриси говорит о горе *Аскаска*, с которой стекают орошающие «Зловонную землю» реки, в том числе и истоки реки *Атил*: «Гора Аскаска протянулась с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. С этой горы текут пять рек. Одна из них — река Шахзарудж, а ниже ее [течет] другая река. На расстоянии двух дней [пути] от нее берет начало (в горе *Аскаска. — И. К.*) большая река, которая на расстоянии двух дней пути [вниз] по течению реки разветвляется [на две реки], а они впадают в [еще одну] реку — Шауран — с южной стороны. Эти реки [находятся] на востоке Зловонной земли. Что касается остальных трех рек, то из них начинается река Исил. Все они берут начало в этой горе, называемой Аскаска, и текут на запад, пока не соединятся в одну [реку], которая затем течет до земли булгар, поворачивает на восток, пока не дойдет до границ земли

---

[9] В списках **A** и **L** добавлено: «и землю басджиртов».

[10] В списках **A** и **L** добавлено: «близ земли русов».

[11] В списке **L** после слов «впадает в море» добавлено: «ал-Хазар, проходя через их земли в южном направлении. После того, как она отклоняется к земле ар-Русиййа (далее — по спискам **L** и **A**) в восточном направлении, от нее отделяется рукав, который приходит к городу Матраха на море Нитас: он называется рекой Сакир».

[12] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 919—920.

ар-Русиййа, и там разветвляется. Один ее рукав течет до города Матраха и впадает в море между ним и городом Русиййа. Что касается второго рукава, то он спускается от земли булгар и течет на юго-восток до земли ал-Хазар и впадает за Исилом в море ал-Хазар» [13].

Как видно, описания реки *Атил* в сочинении ал-Идриси несколько отличаются друг от друга, но у первых трех прослеживается общий источник — сообщение Ибн Хаукала о реке *Атил* [14], на данные которого ал-Идриси однажды прямо ссылается. Четвертое описание опирается на какие-то иные источники и имеет более оригинальный характер.

Кроме описаний всего течения реки *Атил* и ее рукавов, у ал-Идриси имеется множество упоминаний об отдельных участках реки — о рукаве *Атила*, впадающем в Черное море [15], о притоке *Атила*, на котором стоят города басджиртов [16]. Наконец, секционные карты с изображением *Атила* содержат некоторые детали о притоках реки, отсутствующие в тексте [17].

Хотя за основу описания реки *Атил* ал-Идриси взял сообщение Ибн Хаукала, сицилийский географ внес новые подробности в характеристику реки. Прежде всего,

---

[13] Ibid. P. 928—929. После слов «спускается от земли булгар» в списках **L** и **A** следует: «и буртасов и хазар и впадает в море ал-Хазар у города Исил».

[14] Ал-Идриси существенно изменил сообщение Ибн Хаукала о реке *Атил*, хотя и взял его за основу. Ср.: Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu'l-Kasim Ibn Haukal al-Nasibi): Secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in Bibliotheca Antiqui Palatii № 3346 cui titulus est «Liber imaginis terrae» / Ed. collato textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Kramers. Lugduni Batavorum-Lipsiae, 1938. Fasc. II. P. 393.

[15] *Al-Idrisi*. Opus geographicum. P. 832, 916.

[16] Ibid. P. 960.

[17] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 56—57, 66—68.

значительной переработке подверглись сведения об истоках *Атила*, появившиеся в сочинении ал-Идриси в результате использования им дополнительных источников.

Географическая традиция арабо-персидской литературы IX—XI вв., основываясь на данных Птолемея, за основное русло верхнего *Атила* принимала реку Каму. При этом ее истоки искали далеко на востоке, путая их с верховьями Иртыша. Ал-Истахри и Ибн Хаукал помещали верховья *Атила* в земле киргизов и на территории между кочевьями гузов и кимаков[18]. Автор «Худуд ал-'алам» выводил исток *Атила* из неких северных гор, откуда, по его словам, вытекал и *Артуш* (Иртыш)[19]. На помещение истоков *Атила* на востоке могло оказать влияние и бытовавшее среди арабских географов мнение о связи рек Западной Сибири с Каспием. Так, ал-Мас'уди упоминает «Белый» и «Черный Иртыш», впадающие в Каспийское море[20].

Ал-Идриси имел много сведений о стране кимаков[21] и поэтому отказался от ставшего традиционным представления о том, что *Атил* берет начало в стране киргизов и течет между гузами и кимаками. В одном из описаний *Атила*, близком к тексту Ибн Хаукала, ал-Идриси пишет о том, что исток реки находится в стране тюрок, но не говорит при этом, какой тюркский народ имеется в

---

[18] Viae regnorum: Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Istakhri / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. P. 222; Opus geographicum auctore Ibn Haukal. Fasc. II. P. 393.

[19] *Новосельцев А. П.* «Худуд ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. 1986. № 5. С. 95.

[20] Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudî / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 60.

[21] *Кумеков Б. Е.* Страна кимаков по карте ал-Идриси // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 10. С. 194—198; *Он же.* Некоторые источники ал-Идриси о стране кимаков // Изв. АН Каз. ССР: Сер. общ. наук. 1969. № 5. С. 88—91.

виду. В следующем описании он уточняет, что исток реки лежит в стране басджиртов. В рассказах об *Атиле* из другой секции уже идет речь о том, что истоки реки *Атил* стекают с горы *Аскаска*. Однако местонахождение самой этой горы было, по-видимому, не вполне ясно для ал-Идриси. Поэтому он связал сведения о горе *Аскаска* с географическими легендами о «Зловонной земле» и «Опустошенной стране».

Установить источник сообщения о «Зловонной земле», неоднократно упоминаемой в сочинении ал-Идриси[22], нетрудно. Этот хороним географ мог позаимствовать из сообщения Ибн Хордадбеха или ал-Джайхани, на сведения которых он ссылается, приводя рассказ о путешествии Саллама ат-Тарджумана к стене *Йаджуджа* и *Маджуджа*.

По сравнению с сообщением Ибн Хордадбеха рассказ ал-Идриси о путешествии Саллама выглядит более подробным. У Ибн Хордадбеха сказано, что после остановки у владыки хазар путешественники двинулись дальше и через 26 дней достигли «черной земли с неприятным запахом». По ней они шли 10 дней и пришли к городам, лежавшим в развалинах[23]. В отличие от Ибн Хордадбеха, ал-Идриси не упоминает, что путешественники посетили Хазарию. Он пишет, что, побывав у Филан-шаха[24], они отправились далее и через 27 дней подо-

---

[22] *Al-Idrisi*. Opus geographicum. P. 923, 926, 928—930, 960, 961.

[23] Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kasim Obaidallah ibn Abdallah ibn Khordadhbeh et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. P. 163; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 129—130.

[24] *Филан* – одно из политических образований на территории горного Дагестана (*Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербен-

шли к границам земли басджиртов и только потом вступили в «Зловонную землю», которую пересекали 10 дней, а еще через месяц — пришли в «Опустошенную страну», под которой, вероятно, могли иметься в виду те самые лежавшие в развалинах города, упоминаемые Ибн Хордадбехом[25].

Имеющиеся у ал-Идриси подробности — по сравнению с сочинением Ибн Хордадбеха, сохранившимся, как известно, в сокращенной редакции, — как полагают, были взяты им либо из недошедшего до нас труда ал-Джайхани, либо из основной редакции Ибн Хордадбеха[26].

Рассказ о путешествии Саллама был, однако, не единственным источником ал-Идриси о «Зловонной земле». Не случайно географ заводит о ней речь в различных частях своего сочинения и — за единственным исключением — вне всякой связи с путешествием Саллама[27].

Кроме популярных в мусульманском мире рассказов о народах *Йаджудж* и *Маджудж* и об экспедиции Саллама к окружавшей их стене, хороним «Зловонная земля» мог встретиться ал-Идриси и в рассказах путешественников. О вероятности использования такого рода сведений говорит сам характер описания этой земли, свидетельствующий о том, что ал-Идриси считал «Зловонную землю» не каким-то легендарным, а вполне конкретным географическим понятием.

та X—XI вв. М., 1963. С. 137—138; *Шихсаидов А. Р.* К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 78—87).

[25] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 934—938.

[26] *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 140.

[27] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 919, 923, 926, 928—930.

Подробная характеристика «Зловонной земли» помещена в 8 секции VI климата, наряду с рассказом о земле тюрок-карлуков, обитавших в Восточном Приаралье[28]. В пределах «Зловонной земли» ал-Идриси называет два города. Один из них, *Сукмакиййа*, лежит, по его словам, на севере «Зловонной земли». Описание города у ал-Идриси весьма схоже с описаниями многих пунктов, данные о которых исходили от путешественников и купцов: указаны размеры города, занятия его жителей, устройство городского управления, местоположение города на горе под названием *Тагура*, приведено расстояние до другого города, находящегося на востоке «Зловонной земли». Сведения об этом втором городе, именуемом *Тагура* (по утверждению ал-Идриси, наименование горы *Тагура* происходило от названия города), также не лишены конкретных черт: сказано о размерах города, его населении и местонахождении. Вероятность получения сведений об этих городах от путешественников или купцов подтверждается не только составом сообщений, но и тем, что местонахождение города *Сукмакиййа* определяется из разных точек в пространстве: сначала сказано, что он находится на севере «Зловонной земли», а чуть ниже говорится о том, что он расположен на востоке, как и город *Тагура*[29]. Возможно, что ал-Идриси получил сведения о городе *Сукмакиййа* от нескольких лиц, двигавшихся к этому пункту из различных мест. Сведения об облике двух городов «Зловонной земли» хотя и несут на себе черты информации, свойственной отчетам путешественников и купцов, но являются слишком общими, не позволяющими высказать ка-

---

[28] *Кумеков Б. Е.* Локализация тюркоязычных племен на территории Казахстана на карте ал-Идриси (XII в.) // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980. С. 352—355.

[29] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 929—930.

кие-либо предположения о возможном местонахождении этих городов[30].

Описание двух городов «Зловонной земли» дает нам указание еще на один источник рассказа ал-Идриси об этой области — античную традицию. Название горы, на которой стоят оба города — *Тагура*, — восходит к географическому сочинению Птолемея и его арабским переработкам. У Птолемея упоминается гора *Тапура* (Ταπούρα)[31]. Гора *Тафура* фигурирует в труде ал-Хорезми среди прочих гор, окружающих VII климат. По своему положению она соответствует *Тапурским горам* Птолемея[32]. Однажды у ал-Хорезми говорится о горе под названием *Тагура*[33].

Название горы *Аскаска*, где берут начало орошающие «Зловонную землю» реки, также может быть связано с античной географией. К. Миллер сопоставлял этот ороним ал-Идриси с наименованием гор *Аскатака* ('Ασκατάκα) у Птолемея[34]. В сочинении ал-Хорезми в описании VI климата упоминается гора *Асфатафа*, соответствующая горе *Аскатака* у Птолемея[35]. Вершина этой горы, по словам ал-Хорезми, направлена на север. Среди гор, окружающих VII климат, ал-Хорезми называет также гору *Аскасийа*, вершина которой тоже направлена на север[36]. В разделе «Источники и реки VII климата» ал-Хорезми говорит о трех реках, берущих начало в горе *Аскасийа* и впадающих в «Длинную реку»[37]. Все эти го-

---

[30] Ср.: *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. IV. S. 88.

[31] *Miller K.* Mappae arabicae. Stuttgart, 1926. Bd. I. H. 2. S. 49.

[32] *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 25, 45, 85—86.

[33] Там же. С. 34, 51.

[34] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. I. H. 2. S. 49.

[35] *Калинина Т. М.* Сведения. С. 22, 42.

[36] Там же. С. 25, 45.

[37] Там же. С. 33, 50—51.

ры ал-Хорезми помещает далеко на востоке, так же, как и ал-Идриси. «Длинная река», куда впадают указанные ал-Хорезми реки, текущие с горы *Аскасийа*, сопоставляется с Сырдарьей[38]. Вместе с тем, такое понимание было, по-видимому, не единственным в арабской географии. Например, у Сухраба эта же река называется рекой *Хазар*[39], под которой можно подразумевать *Атил*.

Описание горы *Аскаска*, включенное в труд ал-Идриси, выдает его картографические источники. В самом деле, сказать про горный хребет, что он простирается «с севера на юг с небольшим отклонением к востоку», можно только глядя на карту.

Таким образом, ал-Идриси существенно пересмотрел традиционную точку зрения арабских географов, помещавших истоки *Атила* в стране кимаков. Не отказываясь от поисков верховьев *Атила* далеко на востоке, ал-Идриси, тем не менее, предложил свою версию их местонахождения, которая сложилась у него под влиянием различных сведений. Последние включали в себя данные античной географии в их арабской переработке (названия гор *Аскаска* и *Тагура*, а также города *Тагура*) и арабские космографические представления («Зловонная земля», «Опустошенная страна»), которым ал-Идриси пытался придать реальный характер, обогатив их информацией, восходящей к рассказам путешественников.

Остается выяснить, что ал-Идриси подразумевал под тремя истоками *Атила* — имелись ли тут в виду какие-то реальные реки или, может быть, он просто воспользовался вышеупомянутыми сведениями ал-Хорезми о том, что в горе *Аскасийа* берут начало три реки. На секционных картах ал-Идриси верховья реки *Атил* так и изображены: тремя стекающими с горы *Аскаска* безы-

[38] Там же. С. 100—101.

[39] Там же. С. 113, 117, 125.

мянными потоками[40]. Однако, на мой взгляд, ал-Идриси не только не позаимствовал эту информацию ал-Хорезми, но само его обращение к труду последнего в данном случае было продиктовано тем материалом, который ал-Идриси получил из других источников, а именно — от путешественников и купцов.

В рассказе о реках, берущих начало на горе *Аскаска*, говорится, что там находятся истоки пяти рек. Три из них составляют верхнее течение *Атила*, а две других — река *Шахзарудж* и еще одна безымянная — впадают в реку *Шауран*. Река *Шауран* отождествляется с рекой Урал[41]. В таком случае вполне вероятно, что река *Шахзарудж* и вторая безымянная река, берущие начало в горе *Аскаска*, отражают попавшие к ал-Идриси данные о притоках р. Урал, самыми крупными из которых являются Илек и Сакмара. Такая деталь, как измерение длины течения реки в днях пути, говорит о том, что в этом сообщении ал-Идриси, возможно, есть следы непосредственного знакомства его информаторов с реками Южного Урала.

Река Урал была известна Птолемею под названием *Даикс*. Сведения о ней имеются и в книге ал-Хорезми: не приводя наименования реки, он помещает ее истоки в горах *Румика* и *Арсана*[42]. Как видно, информация ал-Хорезми о горах *Румика* и *Арсана*, где берет начало река, соответствующая *Даиксу* Птолемея, не была использована ал-Идриси, сообщение которого о реке *Шауран* опирается на устные источники.

Скорее всего, к устным данным восходят и сведения ал-Идриси о трех истоках *Атила*, являющихся реаль-

---

[40] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 58.

[41] Ibid. Bd. IV. S. 87—88; *Кумеков Б. Е.* Локализация. С. 354—355; *Иванов В. А.* Путями степных кочевий. Уфа, 1984. С. 77.

[42] *Калинина Т. М.* Сведения. С. 38—39, 54, 107.

ными реками, протекающими в том же географическом районе, что и река *Шауран*. Как уже отмечалось в литературе, три истока реки *Атил* могут быть сопоставлены с рекой Белой и ее притоками, самый крупный из которых — река Уфа с ее притоком Ай[43]. Все эти реки берут начало на Южном Урале, там же, где находятся и истоки реки Урал. Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что в русских летописях река Белая называется «Белой Воложкой», т. е. по своему названию может быть принята за Волгу как таковую. Башкиры и татары до сих пор называют реки Каму и Белую соответственно «Идель» и «Агидель» (Белая Идель), а р. Уфу — «Караидель» (Черная Идель)[44].

Возможно, что именно устные данные об истоках *Атила* побудили ал-Идриси в поисках недостающих деталей (например, названия горы, откуда вытекали реки) обратить внимание на книжные сообщения о горах, окружающих VII климат, и на их картографическое изображение в сочинениях более раннего времени.

Кроме основного течения реки, ал-Идриси знает два притока *Атила*. Оба они безымянные. Один из притоков показан на карте в виде реки, два истока которой берут начало на горе *Айани*, расположенной к северо-востоку от горы *Аскаска*, у северного края карты, неподалеку от горы *Кукайа*[45]. В тексте об этом притоке почти нет никаких данных. Не сказано, какой это приток — правый или левый, как он называется, каково его течение и где лежат его истоки. Он упоминается лишь однажды в 7 сек-

---

[43] *Рыбаков Б. А.* Русские земли. С. 27; *Мажитов Н. А.* Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 99.

[44] *Мажитов Н. А.* Историческая Башкирия. С. 95.

[45] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 67.

ции VII климата в связи с описанием стоящих на этой реке городов басджиртов[46]. По имеющейся текстовой информации составить картографическое изображение этого притока невозможно, поэтому остается предположить, что ал-Идриси воспользовался в данном случае какой-то картой. На эту мысль наводит и характер изображения второго притока *Атила*: согласно карте, он берет начало также на горе *Айани*, но к востоку от первого[47].

О горе *Айани* в тексте сочинения ал-Идриси ничего не говорится. К. Миллер сопоставил ее с *Аланскими горами* Птолемея[48]. У ал-Хорезми этим горам соответствует гора *ал-Лан*, названная среди гор, окружающих VII климат[49]. Очень вероятно, что именно из данного источника ал-Идриси позаимствовал (в несколько искаженной форме) название горы *Айани* — ведь в списке гор ал-Хорезми гора *ал-Лан* помещена между хорошо знакомыми ал-Идриси горами *Аскасийа* и *Тафура*. Вместе с тем, у ал-Хорезми отсутствуют указания на наличие истоков каких-либо рек в горе *ал-Лан*. Поэтому наиболее вероятно, что, взяв с карты ал-Хорезми название горы *Айани*, ал-Идриси самостоятельно дополнил данные ал-Хорезми сведениями, которые касались притоков *Атила* и в силу каких-то причин не вошли в текст сочинения ал-Идриси.

Б. А. Рыбаков предложил отождествить безымянный приток *Атила*, два истока которого берут начало в западной части горы *Айани*, с верхним течением Камы до впадения в нее реки Белой[50]. А. В. Коробейников счи-

---

[46] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 960.
[47] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 68.
[48] Ibid. Bd. I. H. 2. S. 49.
[49] *Калинина Т. М.* Сведения. С. 25, 45, 85.
[50] *Рыбаков Б. А.* Русские земли. С. 27.

тает, что под тремя истоками *Атила* скрываются Кама и ее притоки — Вятка и Белая[51]. Действительно, в верховьях у Камы есть несколько притоков, самый крупный из них — река Вишера. Правда, истоки Камы находятся на Верхнекамской возвышенности, а Вишеры — на Северном Урале. У ал-Идриси же гора *Айани* состоит из трех расположенных по отношению друг к другу под углом хребтов, а тот, из которого вытекают оба истока, лежит западнее других. Поэтому вместо Вишеры можно скорее предполагать реку Вятку, истоки которой находятся всего в 60 км от истоков Камы. То, что Вятка в действительности впадает в Каму ниже по течению, чем река Белая, не имеет значения в данном случае, так как информатор ал-Идриси мог и не знать всего течения Вятки и воспринимать ее как один из истоков Камы. Таким образом, можно полагать, что первый безымянный приток *Атила* на карте отражает сведения о Каме от ее верховьев до впадения в Волгу, а под ее двумя истоками, изображенными на карте ал-Идриси, следует понимать собственно Каму и, вероятно, Вятку. А вот второй безымянный приток *Атила*, берущий начало в восточной части горы *Айани*, может соответствовать реке Вишере. В пользу отождествления этих безымянных притоков *Атила* с верхней Камой и Вяткой говорят и традиционные связи Прикамья с Волжской Булгарией, где арабы черпали свои знания об этом регионе. Именно в Прикамье, как известно, найдено большое количество кладов с восточными монетами и серебряной утварью[52]. Камский речной путь, по которому осуществлялись связи Булгара

---

[51] *Коробейников А. В.* Вятская земля на карте ал-Идриси // VIII Петряевские чтения: Мат-лы науч. конф. Киров, 2005. С. 112—120.

[52] *Лещенко В. Ю.* Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1971.

с народами Севера, был хорошо известен мусульманским географам и путешественникам [53].

Сведения ал-Идриси о среднем течении *Атила* и его устье на Каспийском море не содержат ничего нового по сравнению с сообщениями более ранних писателей. Он повторяет часто встречающееся у арабских ученых утверждение о том, что устье *Атила* является необычайно разветвленным и что число русел, которыми *Атил* впадает в море, равно семидесяти [54].

---

[53] Сводку данных см.: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Ч. II. С. 59—68; *Белавин А. М.* Камский торговый путь. Пермь, 2000.

[54] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 835, 919—920. Ср.: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Ч. I. С. 102—104; Ч. II. С. 164—165.

ОЧЕРК 3

Река Сакир как олицетворение Волго-Донского пути

Мнение о том, что река *Атил* связана с бассейном Черного моря, было распространено в арабской географической литературе задолго до ал-Идриси. Первоначально оно воплощалось в представлении о существовании громадного «Константинопольского пролива», который около Константинополя отделялся от моря *Рума* (Средиземное море), шел на север, разделяя земли славян, и впадал в «Окружающий океан».

В арабской географической литературе IX—X вв. утверждение о том, что Черное море связано с Каспийским посредством впадающих в него рек, было уже не редкостью. Так, Ибн Хордадбех писал о том, что купцы-русы, отправляясь по «Танису — реке славян», «проезжают мимо Хамлиджа»[1], откуда уже плывут по морю Джурджана[2]. Ал-Мас'уди уже знал, что *Атил* имеет связь не с

---

[1] Местонахождение *Хамлиджа* остается пока нерешенной проблемой, однако большинство исследователей высказываются в пользу его локализации в Нижнем Поволжье, рядом с Итилем (*Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1956. T. I. S. 114; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 306; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 129—130; *Голб Н.*, *Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 184).

[2] Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik auctore Ibn Khordadhbeh. P. 154; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 124.

«Окружающим океаном», а с Черным морем. В одном из своих сочинений он писал, что «в верхней части хазарской реки есть проток, вливающийся в залив моря Нитас»[3]; в другом месте географ уточняет, что он понимает под «верхней частью реки»: он пишет, что от *Атила* «около страны Бургаз (Волжская Булгария) отделяется рукав, который впадает в Майтас (Меотида)»[4]. Упоминания об этом рукаве, соединяющем моря, есть и в других местах сочинения ал-Мас'уди[5].

Представление о соединении Каспийского моря с Черным было в Средние века распространенным не только в восточной, но и в византийской и латинской литературе[6].

У ал-Идриси, который располагал куда большим объемом знаний о Черном море, чем его арабские предшественники, полностью утрачено представление о «Константинопольском проливе» как об огромном водном потоке, уходившем далеко на север и там впадавшем в «Окружающий океан». Гидроним «Константинопольский пролив» ал-Идриси относил лишь к проливу Дарданеллы, Мраморному морю и проливу Босфор.

О разделении *Атила* на два рукава, один из которых впадает в Черное море, ал-Идриси говорит в каждом из описаний *Атила*, имеющихся в его сочинении. Очевидно, что речь идет о Доне (от излучины до устья), Азовском море и Керченском проливе. Представление

---

[3] *Минорский В. Ф.* История. С. 196.

[4] Там же. С. 192—193.

[5] Там же. С. 198—199.

[6] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 36, 60; *Иоанн де Галонифонтибус.* Сведения о народах Кавказа (1404 г.): Из сочинения «Книга познания мира». Баку, 1980. С. 14—15.

об Азовском море как о реке Дон, устьем которого являлся Керченский пролив, было характерно для средневековых итальянских мореплавателей[7], от которых ал-Идриси и мог получить эту информацию.

О рукаве *Атила*, текущем в Черное море, ал-Идриси приводит довольно подробные сведения. Во-первых, однажды он говорит о месте его впадения в Черное море между городами *Матраха* и *Русиййа*[8]. Во-вторых, на карте и в тексте приведено название этого рукава — река *Сакир*[9]. Наконец, при описании столицы Хазарии, города Итиля, ал-Идриси рассказывает о том, как жители Итиля попадали в Черное море. Они поднимались вверх по реке *Атил* до Булгара, затем спускались по «верхнему рукаву» до Черного моря[10]. Представление о рукаве, ведущем в Черное море, как о «верхнем» могло сформироваться у ал-Идриси под влиянием цитированного выше сообщения ал-Мас'уди о нахождении протока, вливавшегося в Понт, в «верхней части хазарской реки». Информатор же ал-Мас'уди мог посчитать этот рукав «верхним», так как к нему нужно было «подниматься» вверх по реке от Итиля. Наименование рукава *Атила*, впадающего в Черное море, рекой *Сакир* принадлежит, по-видимому, самому ал-Идриси. Такое заключение ал-Идриси мог сделать, сопоставляя информацию, имев-

---

[7] *Скржинская Е. Ч.* Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. 1949. Т. 2 (27). С. 247.

[8] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 929.

[9] Т. Левицкий, готовивший издание данного фрагмента по рукописям **P**, **A** и **L**, читает гидроним как *Сакив* (*Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 916, 919), В. М. Бейлис (по рукописи **L**) и К. Миллер (по карте) как *Сакир* [*Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье. С. 212, 217; *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. II. S. 156]. Прочтение конечной графемы слова то как *вав* (و), то как *ра* (ر) связано с тем, что они имеют сходное написание.

[10] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 832.

шуюся в его распоряжении, о реках Северо-Восточного Причерноморья.

Река *Сакир* охарактеризована у ал-Идриси в связи с описанием города *Матрахи* (Тмутаракань). По словам географа, *Матраха* стоит «на большой реке, именуемой Сакир. Она [представляет собой] рукав, который подходит к городу от реки Исил, а главное русло последней идет к городу Исил, что на море Табаристана» [11].

Еще В. В. Бартольд заметил, что арабские географы имели весьма смутное представление о реках Северного Причерноморья и нередко принимали одну реку за другую [12]. Ал-Идриси в этом отношении не составлял исключения. Его знания о реках Восточной Европы, в сущности, основывались на сведениях лишь об отдельных, наиболее часто посещаемых участках рек. Таковыми, в первую очередь, были места впадения рек в море, рядом с которыми находились торговые центры. Поэтому информация о географических объектах, лежащих на морском побережье, как правило, более или менее точна, а чем дальше вглубь материка, тем больше вероятность контаминации сведений о различных объектах — сведений как современных автору, так и передаваемых по традиции.

В литературе встречаются различные мнения об идентификации реки, названной ал-Идриси рекой *Сакир*. Ее обычно отождествляют — и не без оснований — то с Кубанью [13], то с Доном [14].

---

[11] Ibid. P. 916.

[12] *Бартольд В. В.* География Ибн Са'ида // *Бартольд В. В.* Соч. М., 1973. Т. VIII. С. 109.

[13] Там же; *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье. С. 222.

[14] [*Seippel A.*] Rerum normannicarum fontes arabici: E libris quum typis expressis tum manu scriptis collegit et sumptibus Universitatis

Чем было вызвано такое смешение представлений о разных реках у ал-Идриси? Во-первых, могли сказаться географические причины. Информаторы географа, насколько можно судить по его сочинению, не заходили в Азовское море и не знали нижнего течения Дона. Вместе с тем, разветвленное устье Кубани, где стояла Тмутаракань, было хорошо известно мореплавателям и купцам. А поскольку в представлениях средневековых моряков устье Дона начиналось в Керченском проливе, то река Кубань вполне могла быть ими принята за Дон. Во-вторых, ал-Идриси мог испытывать затруднения в связи с необходимостью согласовывать между собой данные, полученные им от разных информаторов. Под рекой *Сакир* могла иметься в виду Кубань, о которой ал-Идриси не было ничего известно, кроме того, что на ней стоит город *Матраха*. Вместе с тем, у него были данные о том, что рядом с *Матрахой* в Черное море впадает рукав *Атила*. Поэтому географ объединил сведения о реке *Сакир* с информацией о рукаве *Атила*, впадающем в Черное море рядом с *Матрахой*. Наконец, соединению данных об обеих реках, возможно, способствовала теория о кавказских истоках Дона, о которой ал-Идриси мог узнать из сочинения Орозия, названного им в числе своих источников, или из произведений других античных и средневековых авторов, разделявших эту точку зрения [15].

Хотя в изображении и описании реки *Сакир* можно видеть контаминацию сведений о двух разных реках, нельзя не заметить, что в отождествлении этих рек ал-

---

Christianiensis ed A. Seippel. Christianiae, 1896. Fasc. 1. P. 85; *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. II. S. 156; *Рыбаков Б. А.* Русские земли. С. 20.

[15] *Чичуров И. С.* Экскурс Феофана о протоболгарах // ДГ. М., 1976. С. 73; *Он же.* Византийские исторические сочинения. С. 36, 60, 109.

Идриси не проявляет полной уверенности. Особенно ярко это видно из текста сочинения. Если на карте был возможен только один вариант изображения течения реки, то в тексте могло сохраниться несколько разных вариантов, в том виде, в каком они были получены от информаторов. Когда ал-Идриси говорит о реке *Сакир* как о реке, на которой стоит *Матраха*, он не забывает отметить, что эта река является рукавом *Атила*[16]. Однако в описаниях течения *Атила*, где рукав, идущий к Черному морю, упомянут в каждом описании, ал-Идриси лишь однажды называет этот рукав рекой *Сакир*, да и то это представлено не во всех рукописях[17].

Гидроним *Сакир*, насколько мне известно, кроме сочинения ал-Идриси, нигде более не встречается. О его этимологии пока можно ограничиться лишь предположениями, но даже и они, на мой взгляд, подкрепляют отождествление реки *Сакир* с Кубанью.

В бассейне реки Кубани издавна жило большое число разных народностей. С этим обстоятельством связано существование более двух сотен вариантов названия этой реки, подавляющее большинство которых имеют местное происхождение. Наименование *Сакир* можно рассматривать как арабизированную передачу одного из местных названий реки — *Сехерий*, *Сетерий*[18], где второй согласный под рукой переписчика превратился в букву *ḳаф*, чему, возможно, способствовало созвучие местной формы гидронима с арабским глаголом *саḳа* (букв. «орошать, поливать»).

---

[16] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 916.

[17] Ibid. P. 919. Ср.: Ibid. P. 831, 834—835, 929.

[18] *Галкин Г. А., Коровин В. И.* Опыт исследования названий р. Кубань // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 109; *Хапаев С. А.* К основным названиям р. Кубань // СТ. 1990. № 2. С. 91.

Между картографическим изображением реки *Сакир* и ее текстовым описанием, на первый взгляд, имеется одно существенное противоречие: в описании *Атила* в 8 секции VI климата говорится о том, что место впадения рукава *Атила* в Понт находится между городами *Матраха* и *Русийя*[19], а на карте река *Сакир* обозначена впадающей в Черное море к востоку от *Матрахи*, а не к западу от нее, как можно было бы ожидать, исходя из данных текста. На карте между городами *Матраха* и *Русийя* вообще никакой реки не помечено[20].

Однако, если принять во внимание картографические принципы, с помощью которых создавались средневековые карты, то окажется, что указанное противоречие мнимое.

Географический эгоцентризм, столь характерный для пространственного восприятия в древности и Средневековье, повлиял и на сочинение ал-Идриси. Элементы эгоцентрического восприятия пространства — непосредственные впечатления купца, мореплавателя, путешественника, следующего тем или иным маршрутом, — нетрудно обнаружить в разных частях труда ал-Идриси. Есть они и на карте. Особенно наглядно географический эгоцентризм проявился при нанесении на карту маршрутных данных. Если к картографическому изображению северо-восточного побережья Черного моря в сочинении ал-Идриси подойти как к буквальному переводу на карту впечатлений мореплавателя, следовавшего по маршруту «Константинополь — Матраха» и «Трапезунд — Бутар (Феодосия)», то тогда все нанесенные на карту географические объекты побережья найдут объяснение. Ал-Идриси поместил на карте все топонимы и гидронимы из имевшихся в его распоряжении маршрут-

---

[19] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 929.

[20] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 56.

ных данных, причем сделал это, соблюдая последовательность их упоминания в рассказах своих информаторов. По сведениям информатора-мореплавателя, заключительный отрезок пути из Константинополя до Тмутаракани выглядел так: *Бутар* — устье реки *Русийя* — *Матраха*[21]. Если плыть в противоположном направлении, тот же маршрут имел следующий вид: *Матраха*, стоящая на реке *Сакир*, — город *Русийя* в устье одноименной реки — *Бутар*[22]. Положение этих объектов на карте точно соответствует тексту: с запада на восток вдоль побережья помечены *Бутар*, устье реки *Русийя*, *Матраха*; при нанесении на карту встречного маршрута между *Матрахой* и рекой *Русийя* появился значок для города *Русийя*. Нетрудно заметить, что если бы маршруты наносились на карту в обратной последовательности, результат получился бы точно такой же.

Поскольку карта передает точный маршрут, которым шли корабли, значительно облегчается локализация всех топонимов и гидронимов, нанесенных на карту и указанных в тексте. «Русская река», точнее говоря, ее устье, обозначает Керченский пролив, город *Русийя* — Керчь (Корчев)[23]. Рукав *Атила*, впадающий в Черное море между *Матрахой*—Тмутараканью и *Русийя*—Керчью, это Дон — Азовское море — Керченский пролив.

Проанализировав фрагменты двух лоций, мы убедились в том, что для обозначения донского устья, Азовского моря и Керченского пролива ал-Идриси не употребляет названия реки *Сакир*, как можно было бы ожидать из ее описания в качестве рукава *Атила*, а пользу-

---

[21] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 909.

[22] Ibid. P. 916.

[23] *Коновалова И. Г.* Где находился город Русийа арабских источников? // ВЕДС: Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 36—39.

ется гидронимом «Русская река». Таким образом, месту впадения реки *Сакир* в Черное море может соответствовать только река Кубань, а изображение ее течения на карте и ее описание как рукава *Атила* обнаруживает использование сведений о Доне — от его излучины, где он близко подходит к Волге, до устья на Азовском море.

* * *

Таким образом, гидроним *Атил* является сложным географическим понятием, не совпадающим ни с одной конкретной рекой Восточной Европы. Для характеристики реки *Атил* ал-Идриси привлек материал множества различных источников. При описании истоков *Атила* ученый использовал данные античной географии и арабские космографические представления наряду со сведениями, восходящими к рассказам путешественников. В результате ему удалось существенно переработать традиционную для арабо-персидской географии точку зрения на местонахождение истоков *Атила*. Как и другие арабские ученые, за верхнее течение *Атила* ал-Идриси принимал р. Каму, но в дополнение к сообщениям своих предшественников он смог указать и на ее притоки, хотя следует признать, что эти сведения носили весьма туманный характер. Имевшиеся в распоряжении ал-Идриси данные о бассейне Верхней Волги рассматривались им в контексте, не связанном со сведениями о реке *Атил*. Характеристика нижнего течения *Атила* при впадении его в Каспийское море выдержана у ал-Идриси в традиционном духе. Ал-Идриси развил представление арабских географов IX—X вв. о существовании рукава, отделяющегося от основного течения *Атила* и впадающего в Черное море. Поставленный перед необходимостью согласовывать сведения о Северо-Восточном Причерноморье, полученные от разных ин-

форматоров, географ не сумел разграничить данные о реках Кубань и Дон, в результате чего его сообщение о реке *Сакир* приобрело противоречивые черты.

ОЧЕРК 4

«РУССКАЯ РЕКА»: СТАРЫЙ ГИДРОНИМ В НОВОМ КОНТЕКСТЕ

«Русская река» упоминается в сочинении ал-Идриси несколько раз. Сначала о ней говорится в составе морского маршрута «Константинополь — Матраха», после описания городов Крыма: «От города Султатийа (Судак) до [города] Бутар (Феодосия) двадцать миль. От Бутара до устья реки ар-Русиййа двадцать миль. От устья реки ар-Русиййа до [города] Матраха двадцать миль»[1]. Данные такого же типа содержатся и в тексте 6 секции VI климата, где об устье «Русской реки» сказано при описании маршрута «Трапезунд — Бутар»: «От города Матраха до города Русиййа двадцать семь миль [...]. Город Русиййа стоит на большой реке, текущей к нему с горы Кукайа. От города Русиййа до города Бутар двадцать миль. Мы уже упоминали [города] Русиййа и Бутар ранее»[2]. Несмотря на то, что в последнем из процитированных отрывков река не названа по имени, не приходится сомневаться в том, что речь идет именно о «Русской реке», поскольку на это указывает топонимия обоих фрагментов.

Нетрудно заметить, что оба эти сообщения о «Русской реке» были получены ал-Идриси от мореплавате-

---

[1] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 909.

[2] Ibid. P. 916. Под словом «ранее» ал-Идриси имеет в виду упоминание в 5 секции VI климата. Там, однако, речь шла не о городе *Русиййа*, а об одноименной реке; город же *Бутар*, действительно, был назван.

лей. Один из них знал лишь устье реки. Другой, непосредственно знакомый также с портовым городом в ее устье, приводил и дополнительные данные, касающиеся названия города, величины реки и местонахождения ее истоков.

В составе лоции из 5 секции VI климата содержится еще одно сообщение о «Русской реке». Оно имеет иной характер по сравнению с приведенными выше маршрутными данными и представляет собой вставку, следующую в тексте сразу за описанием Тмутаракани: «В упомянутую реку ар-Русиййа впадают шесть больших рек, берущих начало в горе Кукайа, а это большая гора, протянувшаяся от Моря Мрака до края обитаемой земли. Эта гора простирается до страны Йаджуджа и Маджуджа на крайнем востоке и пересекает ее, проходя в южном направлении до темного, черного моря, называемого Смолистым. Это очень высокая гора; никто не может подняться на нее из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине. В долинах этих рек живет народ, известный под именем ан-н.бариййа[3]. У этого народа есть шесть укрепленных городов, расположенных между руслами этих рек, текущих, как мы уже сказали, с горы Кукайа. Никто не может покорить этих людей: у них принято не расставаться с оружием ни на миг, они чрезвычайно осторожны и осмотрительны. С помощью Аллаха мы подробно расскажем об этих городах в соответствующем месте седьмого климата»[4].

В 5—6 секциях VII климата, где можно было бы ожидать появления обещанного рассказа о городах народа *ан-н.бариййа*, ничего подобного не содержится. Эти разделы своего труда ал-Идриси посвятил характеристике северных областей Руси, Кумании и Волжской

[3] Рукописи оставляют неясной огласовку первой графемы.

[4] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 910.

Булгарии[5]. То, что именно в эти главы должно было быть помещено описание городов народа *ан-н.барийя*, очевидно при взгляде на карту «Нузхат ал-муштак». Там на стыке 5—6 секций VII климата в полном соответствии с данными текста показана впадающая в Черное море «Русская река», а между шестью ее истоками, текущими с горы *Кукайа*, обозначены и шесть городов. Названия их таковы (с запада на восток): 1) *Лука* (لوكه **P**, **L**, **O**); 2) *Ас.т.р.куса* (استرقوصه **P**; в рукописи **L** вместо буквы *вав* стоит *ра* — *Ас.т.р.к.р.са*; в списке **O** буква *та* заменена на *ба*, а *вав* — на *фа* — *Ас.б.р.к.ф.са*); 3) *Б.руна* (برونه **P**); 4) *Бус.да* (بوسده **P**; в рукописи **L** первая буква написана нечетко и может быть принята за *лам* — *Лус.да*; в рукописи **O** все название написано крайне неразборчиво); 5) *Х.рада* (هراده **P**; в рукописи **O** — *Х.т.рада* или *Х.т.рара*; в списке **Kc** — *Бу'рада*); 6) *Аб'ада* (ابعاده, с нечетко написанной в рукописях **P** и **L** буквой *ба*, которую можно принять за *лам* — *.л'ада*), *Ан.када* (انقاده **O**) или *Ал.гада* (الغاده **Kc**)[6]. В нижнем течении «Русской реки» располагалась, судя по надписи на карте, Кумания, а в верховьях — страна, названная по имени живущего там народа, *ан-н.барийя*. В названии этой страны на картах разных рукописей, в отличие от текста, очень неясная постановка диакритических точек при буквах *нун* и *ба*. Наряду с чтением *Н.барийя* возможно также *Б.нарийя* или *Б.йарийя*.

---

[5] Ibid. P. 957—959.

[6] Карты с изображением «Русской реки» и шести городов народа *ан-н.барийя* дошли в составе рукописей **P**, **O**, **Kc** и частично **L**. Соответствующие фрагменты изданы К. Миллером и О. Таллькгрен-Туулио: *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 65—66; *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi (карта). Транскрипцию названий см.: *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. II. S. 153; *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 31, 42—43.

Помимо «Нузхат ал-муштак», информация об этих шести городах имеется и в другом труде географа, так называемом «Малом Идриси», представляющем собой сокращенную авторскую редакцию основного сочинения ал-Идриси. Сведения, содержащиеся в «Малом Идриси», несколько отличаются от тех, которые имеются в «Нузхат ал-муштак» и, что очень важно, существенно дополняют последние.

Само название народа *ан-н.барийя* не встречается в «Малом Идриси» — ни в тексте, ни на карте. Однако в тексте упоминаются города, названия которых позволяют уверенно отождествить их с городами народа *ан-н.барийя*, нанесенными на карту к «Нузхат ал-муштак». При этом данные о пяти городах со сходными названиями приводятся не сами по себе, а в составе дорожников: «От [города] Суну[7], что в земле маджусов, на восток до города Ас.т.р.куса (استرقوصه K; в рукописи D предпоследняя графема — *мим*) сто миль. От него до [города] Нусида (نوسيده K; بوسده D) — восемьдесят миль, а от Нусида до [города] Ал'ада (العاده) — сто миль. Все эти три города, относящиеся к [земле] маджусов, расположены на реке Бул.га (بولغه K; в списке D первая графема — *мим*), также как и город Лука (لوكه), от которого до [...][8] миль. От [города?] Буг.рада (بوغراده K; بوهراوه D) до [города] Ал'ада один день пути»[9].

На карте «Малого Идриси» к 5 секции VII климата обозначены все шесть интересующих нас городов. Они изображены не между истоками «Русской реки», как в «Нузхат ал-муштак», а в приморском районе, омывае-

---

[7] Город *Суну* локализуется на побережье Рижского залива где-то между современными Юрмалой и Ригой.

[8] Лакуна в тексте.

[9] *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 43; *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. II. S. 153.

мом «Морем Мрака». Гора *Кукайа* остается к северо-востоку от них. Между значками городов, разделяя их на две группы (по три значка к западу, с одной стороны, и к востоку — с другой), показана безымянная река, впадающая в море. В написании названий городов на карте «Малого Идриси» имеются некоторые особенности по сравнению с написанием названий в «Нузхат ал-муштак»: 1) *Бука* (بوكه); 2) *Ас.т.р.куда* (استرقوضه); 3) *Б.руни* (برونيه); 4) *Бунида* (بونيده); 5) *Бу'рада* (بوعراده); 6) *Ал.гада* (الغاده)[10].

Возможно, в «Малом Идриси» сохранилась та часть текста, которую географ по каким-то причинам не ввел в «Нузхат ал-муштак» вопреки своему первоначальному намерению. Не случайно в «Малом Идриси» сведения о городах находятся именно там, где они должны были бы быть в «Нузхат ал-муштак» — в 5 секции VII климата. Можно сказать, что «Малый Идриси» и «Нузхат ал-муштак» в этой части взаимно дополняют друг друга: в «Нузхат ал-муштак» имеется описание народа *ан-н.барийя* и названия подвластных ему городов, а в «Малом Идриси» сохранились данные, отсутствующие в основном сочинении ал-Идриси, — дорожники с указанием расстояний между этими городами.

Относительно идентификации «Русской реки», народа *ан-н.барийя* и принадлежащих ему городов востоковедами, историками Древней Руси и археологами были высказаны различные мнения. Большинство исследователей отождествляют «Русскую реку» с Доном и Северским Донцом[11], а некоторые склонны относить этот гидроним

---

[10] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 51.

[11] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. II. S. 150; *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 171; *Рыбаков Б. А.* Русские земли. С. 19—20; *Недков Б.* България и съседните й земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960. С. 149; *Минор-*

к реке Кубань[12] или впадающей в Таганрогский залив реке Кальмиус[13]. В. М. Бейлис, в отличие от других исследователей уделивший много внимания выявлению источников (в том числе письменных) сведений ал-Идриси о Северо-Восточном Причерноморье, полагает, что рассматриваемый гидроним представляет собой сложное понятие, в котором можно выделить как следы знакомства информаторов с реальными реками — Доном, Северским Донцом и, возможно, Кубанью, так и не вполне отчетливые отголоски книжных данных, связанных с картографическими трудами ал-Хорезми и Птолемея[14].

Что касается локализации городов и идентификации народа *ан-н.барийя*, то был предложен целый ряд конъ-

---

ский В. Ф. История. С. 147; *Pritsak O.* From the Säbirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica: Studies in honour of Julius Németh / Ed. Gy. Káldy-Nagy. Budapest, 1976. P. 27; *Коновалова И. Г.* Где находился город Русийа. С. 36—39.

[12] *Захаров В. А.* Тмутаракань и «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 215—216; *Он же.* Где находился город Росия? // Сб. РИО. 1999. Т. 1 (149). С. 153—154; *Он же.* История раскопок раннесредневековых слоев Таманского городища и поселений Таманского полуострова в XVIII—XX вв. // Сб. РИО. 2002. № 4 (152): От Тмутороканя до Тамани. С. 148.

[13] *Брун Ф. К.* Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879. Ч. 1. С. 125.

[14] *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье. С. 212—213, 222—223. Мнение В. М. Бейлиса о том, что в представлениях ал-Идриси о «Русской реке» могли отразиться какие-то сведения о р. Кубань, не имеют ничего общего с точкой зрения В. А. Захарова. Оно основано на упоминании еще одной реки с похожим названием в «Нузхат ал-муштак» — реки *Русийу*. Эта река, по данным ал-Идриси, локализуется в Восточном Причерноморье и, вероятно, в ней действительно можно видеть р. Кубань (Там же. С. 209—210).

ектур для чтения этого этнонима. Первые исследователи данного фрагмента И. Лелевель и К. Миллер полагали, что чтение должно быть исправлено на **Баназийййа*, что, по их мнению, являлось арабской формой передачи топонима «Пенза»[15]. К. Миллер считал *Баназийййа* полумифической страной и помещал ее в «мордовских лесах». Эта точка зрения не нашла последователей в силу ее очевидной исторической несостоятельности, поскольку во времена ал-Идриси топоним «Пенза» был неизвестен даже русским летописцам, не говоря уже об ученом из далекого Палермо.

О. Таллькрен-Туулио предложил конъектуру **Б.йармийййа*, которая опирается на одно из чтений названия этой страны на картах «Нузхат ал-муштак» — *Б.йарийййа*, где буква *йа* заменяется на *мим*, что переписчик мог довольно легко сделать. По мнению ученого, речь идет о *Бьярмии* (*Bjarmaland*) — области, многократно упоминаемой в различных древнескандинавских источниках IX—XVI вв. и находившейся, по представлениям скандинавов, на севере Восточной Европы[16]. О. Таль-

---

[15] *Lelewel J.* Géographie du moyen âge. Bruxelles, 1857. T. III/IV. P. 190; *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. II. S. 153. Графически эта конъектура выглядит как вполне возможная, учитывая неясное чтение двух первых букв названия на картах, а также идентичное написание букв *ра* и *за*, отличающихся только одной диакритической точкой.

[16] Различные точки зрения на локализацию *Бьярмии* см.: *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 197—200; *Джаксон Т. Н.* Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 58—67; *Она же.* Этот таинственный и загадочный Бьярмаланд // Отечество: Краеведческий альманах. М., 2000. С. 87—102; *Глазырина Г. В.* Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. М., 1996. С. 37—46, 96—98, 180—181; *Она же.* Бьярмаланд в эт-

грен-Туулио полагал, что источником сведений для ал-Идриси об этой земле и ее народе послужили фрагменты скандинавских саг и скальдической поэзии, дошедшие до сицилийского географа в пересказе информаторов, от которых он получил данные и о других народах Северной Европы. Возможность передачи таких сведений О. Талльгрен-Туулио видит в неплохой информированности ал-Идриси о тех районах Северной Европы, которые имели тесные связи с *Бьярмией*, например, о *Финнмарке*. Он не исключает также возможности получения сведений от купца-путешественника, проехавшего от Черного моря по рекам Восточной Европы в северные русские земли [17].

Б. А. Рыбаков полагал, что под загадочным народом скрывается населявшее Северскую землю восточнославянское племя северян [18]. Эту идею поддержал Б. Недков, предложивший конъектуру **ас-сабарина* (السبارينة) [19]. Несмотря на уязвимость данной конъектуры из-за большой разницы в написании первой графемы (*нун* и *син*), впоследствии она вошла в полное издание «Нузхат ал-муштак», где соответствующий фрагмент готовил к публикации Т. Левицкий [20].

Наконец, еще несколько соображений высказал О. Прицак. Соглашаясь с Б. А. Рыбаковым и Б. Недковым относительно географической локализации народа *ан-н.барийя*, он считает, что данное известие ал-Идри-

---

ногеографической картине Севера Восточной Европы по данным древнескандинавских источников // XIV конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Архангельск, 2001. С. 84—86.

[17] *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 172, 174.

[18] *Рыбаков Б. А.* Русские земли. С. 23—24.

[19] *Недков Б.* България. С. 102—103, 150.

[20] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 910.

си относится к кругу информации IX в., когда основными передатчиками сведений о Восточной Европе для арабов были тюркоязычные жители Волжской Булгарии. Восстанавливая возможную протобулгарскую форму этнонима, О. Прицак пришел к заключению, что речь могла идти о *Лебедии*, о которой сообщает Константин Багрянородный в X в.[21] Конъектура О. Прицака **Labadiyya* (< Λεβεδία) вызвала возражения у востоковедов, отмечавших искусственность этого построения, поскольку название «Лебедия» не было связано с этническим именем[22].

Что касается идентификации шести городов, то тут тоже не было недостатка в различных гипотезах. Предложенный И. Лелевелем и К. Миллером вариант локализации городов столь же бездоказателен, как и выдвинутая ими конъектура. Все города они ищут в мордовской топонимии, выбирая из нее наиболее созвучные, на их взгляд, названия — Саранск, Инсар, Ардатов, Темников и др.[23], нимало не смущаясь тем, что всех этих населенных пунктов в XII в. не было, а если и существовали какие-то поселения на их месте, то не столь значительные, чтобы стать известными за пределами своей округи.

О. Талльгрен-Туулио предложил локализовать города на севере Восточно-Европейской равнины. Топоним *Ас.т.р.куса* он связал с упоминаемым в латиноязычных источниках наименованием *Ostrogard*. О. Талльгрен-

---

[21] *Pritsak O.* From the Säbirs to the Hungarians. P. 27.

[22] *Бейлис В. М.* К вопросу о конъектурах и о попытках отождествления этнонимов и топонимов в текстах арабских авторов IX—XIII вв. о Восточной Европе // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1989. Вып. 1. С. 65—66.

[23] *Lelewel J.* Géographie. T. III/IV. P. 190; *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. II. S. 153.

Туулио полагал, что это распространенное среди датчан название Руси ал-Идриси принял за имя древнерусского города, которое в арабской передаче могло звучать как **Уструкарда*[24]. Топоним, имеющий несколько вариантов написания — *Аб'ада*, *Ан.када*, *Ал.гада*, *Ал'ада*, — О. Талльгрен-Туулио свел к первоначальному **Алнага* и отождествил с наименованием города Онега в устье одноименной реки[25]. Город *Лука* исследователь предложил сопоставить с каким-либо ойконимом Верхневолжья типа «Луги», «Великие Луки» и т. п. Основанием для такой локализации он считал упоминание «Малого Идриси» о том, что этот город стоит на реке *Булга*, то есть на Волге[26]. Топоним *Б.руна* О. Талльгрен-Туулио рассматривал как обозначение Мурома и возводил написание названия к начальной форме **Мурума*[27]. Под наименованием *Бу'рада* (*Х.рада*, *Х.т.рада*, *Х.т.рара*, *Буг.рада*, *Бух.рава*), по мнению исследователя, подразумевался Новгород[28]. Наконец, название последнего города, *Бус.да* (*Бунида*), было соотнесено им с этнонимом «югра»[29].

Впоследствии к сообщению ал-Идриси о городах народа *ан-н.барийя* обратился Б. А. Рыбаков. Публикация финского востоковеда осталась ему неизвестной, поэтому, не зная данных из «Малого Идриси», все свои усилия он сосредоточил на анализе материала из «Нузхат ал-муштак». Б. А. Рыбаков в локализации городов исходил из того, что их необходимо искать в бассейне «Русской реки», которую он отождествил с Северским Донцом, а гору *Кукайа* — со Среднерусской возвышен-

[24] *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 176.
[25] Ibid. P. 185—187.
[26] Ibid. P. 175.
[27] Ibid. P. 176—177.
[28] Ibid. P. 188—189.
[29] Ibid. P. 178.

ностью. Города были идентифицированы им следующим образом (в транскрипции Б. А. Рыбакова, опиравшегося не на оригинальный текст ал-Идриси, а на его французский перевод П. А. Жобера): *Сарада* — Салтовское городище, *Лука* — одно из городищ в районе г. Валки (в верховьях р. Можа), *Абкада* — «где-то западнее Оскола». Остальные города, предположительно, соответствовали летописным Шаруканю (*Астаркуза*), Сугрову (*Бусара*) и Балину (*Баруна*)[30].

Таким образом, в локализации Б. А. Рыбакова ни один из городов не поддается уверенному отождествлению. Найти лингвистическое объяснение названий городов, которое соответствовало бы гипотезе Б. А. Рыбакова, невозможно. Не случайно О. Прицак, согласившийся с Б. А. Рыбаковым в части локализации городов народа *ан-н.барийя* в бассейне Северского Донца, тем не менее, отказался от попыток объяснить наименования городов и определить их более точное местонахождение[31].

Работа Б. А. Рыбакова оказала большое воздействие на всю последующую историографию рассматриваемого вопроса. Публикация О. Талльгрен-Туулио осталась в тени, и все авторы, обращавшиеся к фрагменту ал-Идриси о народе *ан-н.барийя*, пользовались выводами Б. А. Рыбакова уже не как гипотетическими, а как вполне доказанными[32]. Единственным исключением является статья В. М. Бейлиса, где автор при переводе дан-

---

[30] *Рыбаков Б. А.* Русские земли. С. 20—25.

[31] *Pritsak O.* From the Säbirs to the Hungarians. P. 27—28.

[32] *Недков Б.* България. С. 103, 150; *Кожемякин А. В.* Подонье в зарубежной картографии XII—XVI вв. // Науч. зап. Воронежского отд. Географ. об-ва СССР. Воронеж, 1971. С. 182; *Дьяченко А. Г.* Славянские памятники VIII — середины XIII в. в бассейне Северского Донца: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 13 и др.

ного отрывка отмечает обе конъектуры — О. Таллькрен-Туулио и Б. А. Рыбакова, — подчеркивая тем самым гипотетичность как той, так и другой[33].

Что касается методического аспекта интерпретации сообщений ал-Идриси о «Русской реке», то данное наименование рассматривается в историографии как обозначение реального географического объекта, в связи с чем вектор исследовательского внимания оказывается целиком направленным на прямое отождествление гидронима ал-Идриси с той или иной рекой Восточной Европы. Такой подход, не предполагающий выяснения специфики самого топонима, оставляет без ответа важные вопросы о составе и происхождении сведений ал-Идриси о «Русской реке». В результате среди предложенных к настоящему времени гипотез идентификации «Русской реки» нет ни одной, объясняющей не какие-то отдельные, а *все* данные об этой реке, имеющиеся в сочинении арабского географа.

Например, из текста источника вполне очевидно, что под устьем «Русской реки» у ал-Идриси подразумевается Керченский пролив. Исходя из этого факта, кажется логичным вести поиски «Русской реки» среди крупных рек, впадающих в Азовское море, — Дона или Кубани. Однако если допустить, что интересующему нас гидрониму действительно соответствует какая-то из указанных рек, то подобная локализация будет противоречить сведениям ал-Идриси об истоках «Русской реки», находящихся на высокой заснеженной горе *Кукайа*, которая, по словам географа, простирается «от моря Мрака до края обитаемой земли». Трудно представить себе, чтобы определения, используемые ал-Идриси для характеристики горы *Кукайа* («большая», «очень высокая», недос-

[33] *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье. С. 213.

тупная «из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине»), можно было бы связать с местом, где лежат истоки Дона и Северского Донца, — со Среднерусской возвышенностью, где самые высокие точки не достигают и 300 м. Сопоставлять же гору *Кукайа* с Кавказским хребтом, на северных склонах которого начинается р. Кубань, мешают два обстоятельства: во-первых, направление течения Кубани — с юга на север, в то время как «Русская река», согласно ал-Идриси, течет с севера на юг; во-вторых, упоминание оронима *Кукайа* в одном контексте с гидронимами и этнонимами, прочно связываемыми в мусульманской традиции с северо-восточными районами ойкумены («Море Мрака», «Смолистое море», народы *Йаджудж* и *Маджудж*).

Этим и другим подобным противоречиям, возникающим в результате попыток прямого перенесения на карту данных ал-Идриси о «Русской реке», как правило, не придают большого значения, ссылаясь на недостаточную информированность географа. Разумеется, ал-Идриси располагал ограниченными возможностями для получения полных и достоверных данных о Восточной Европе, однако стоит заметить, что констатация этого очевидного факта совершенно непродуктивна в исследовательском плане.

Между тем даже беглый взгляд на совокупность данных о «Русской реке» убеждает в том, что информация об этом объекте «многослойна». Неоднократные упоминания гидронима в различных частях сочинения ал-Идриси уже сами по себе свидетельствуют о том, что в распоряжении географа должно было иметься несколько источников сведений о ней. На некоторые книжные источники рассказа о «Русской реке» уже обращалось внимание в работах востоковедов. В частности, давно установлено, что название горы *Кукайа* восходит к на-

именованию Рипейских гор у античных географов[34]. В. М. Бейлис усматривает в описании шести истоков «Русской реки» не вполне отчетливые отголоски данных, связанных с картографическими трудами ал-Хорезми и Птолемея[35].

Рассматриваемый гидроним целиком является плодом работы ал-Идриси, пытавшегося осмыслить информацию разных источников о речных путях Восточной Европы. В рассказе о «Русской реке» можно выделить следующие пласты сведений.

Прежде всего это — общие данные о возможности водным путем пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении, чтобы попасть из Черного моря на Север, в «Окружающий океан». Вполне вероятно, что об идее подобного путешествия ал-Идриси мог слышать от своих современников, рассказы которых, в свою очередь, возможно, и побудили его обратить внимание на сообщения более ранних мусульманских авторов о «Константинопольском проливе», который у Константинополя отделялся от Средиземного моря и шел на север вплоть до «Окружающего океана»[36].

Арабские географы X в. знали также о существовании на севере Европы «Моря славян» (или «Моря позади славян»). Как полагают, в этом понятии отразились туманные сведения о Балтийском море[37]. Путь к нему,

---

[34] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. I. H. 2. S. 49; Bd. IV. S. 93; *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 170; *Pritsak O.* From the Säbirs to the Hungarians. P. 26.

[35] *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье. С. 212—213, 222—223.

[36] Opus geographicum auctore Ibn Haukal. Fasc. II. P. 388.

[37] *Калинина Т. М.* Арабские авторы о водной связи севера и юга Восточной Европы // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: Тез. докл. международного науч. семинар. Донецк, 1992. С. 22—25.

по представлениям арабских ученых, лежал по «Реке славян» — *Танису*. *Танис* — так называл эту реку географ второй половины IX в. Ибн Хордадбех — не совпадал ни с *Танаисом* античных авторов, ни с реальным Доном: по словам Ибн Хордадбеха, купцы-русы, отправлявшиеся по «Реке славян», проезжали мимо *Хамлиджа*[38], который находился «в конце» этой реки[39]. Таким образом, в арабской географической литературе IX—X вв. «Константинопольский пролив» и «Река славян» (*Танис*) являлись собирательными понятиями для обозначения водного пути между югом и севером Европы[40].

Эти географические представления ученых IX—X вв. прямо не отразились в сочинении ал-Идриси, поскольку у него было много новых данных, особенно о Черном море и Волго-Донском пути. Однако, принимая во внимание большую начитанность ал-Идриси, можно предполагать, что взгляды предшественников были нашему географу известны.

С этим же пластом сведений, почерпнутым из сочинений ученых Халифата, связано и название реки «Русской», ибо ал-Идриси — далеко не первый мусульманский автор, использующий данный термин. Сообщения о «Русской реке» появились в мусульманской географической литературе еще в X в. Арабский географ ал-Истахри писал, что верховья реки *Атил* лежат в земле руссов[41]. И хотя ал-Истахри, как и другие арабо-персидские

---

[38] Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik auctore Ibn Khordadhbeh. P. 154; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 124.

[39] Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik auctore Ibn Khordadhbeh. P. 124; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 109.

[40] *Калинина Т. М.* Водные пространства севера Европы в трудах арабских ученых IX—XII вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 88—95.

[41] Viae regnorum: Descriptio ditionis moslemica auctore al-Istakhrí. P. 220.

авторы, за основное русло верхнего *Атила* принимал реку Каму, истоки которой, согласно его воззрениям, находились далеко на востоке, остается предположить, что верховья *Атила*, находящиеся в земле русов, — это реальная Верхняя Волга. Представления о текущей по русским землям Верхней Волге в переработанном виде отразились и в сочинении Ибн Хаукала (вторая половина X в.), который называл «Рекой русов» весь *Атил*[42]. В анонимной персоязычной географии конца X в. «Худуд ал-'алам» («Пределы мира») наряду с *Атилом*, исток которого по традиции помещен на востоке, есть и «Русская река», начинающаяся в стране славян и текущая от нее на восток до пределов русов и в конце концов впадающая в *Атил*[43].

О влиянии книжных данных на сообщение ал-Идриси о «Русской реке» говорит также и ряд других деталей его рассказа. Это, во-первых, упоминание горы *Кукайа*, воплощающей представление о труднодоступных и заснеженных районах на крайнем северо-востоке ойкумены. Во-вторых, из арабских космографических представлений взяты также наименование «Море Мрака» и упоминание о народах *Йаджуджж* и *Маджуджж*. В-третьих, с книжной традицией, на мой взгляд, может быть связан и мотив воинственности народа *ан-н.барийя*, представители которого якобы не расстаются с оружием ни на миг. Описание воинственного нрава народа было очень характерно для цикла рассказов об «Острове русов»[44].

---

[42] Opus geographicum auctore Ibn Haukal. Fasc. II. P. 388.

[43] Худуд ал-алам мин ал-машрик ила ал-магриб / М. Сотудэ. Тегеран, 1962. С. 47.

[44] Подробнее см.: *Коновалова И. Г.* Состав рассказа об «Острове русов» в сочинениях арабо-персидских географов X—XVI вв. // ДГ. 1999. М., 2001. С. 169—189.

Наконец, с книжной традицией — на этот раз западноевропейской — рассказ ал-Идриси о «Русской реке» связывает и предложенная О. Талльгрен-Туулио конъектура для названия одного из городов народа *ан-н.барийя*, согласно которой оно возводится к топониму *Ostrogard* (>**Уструкарда*), встречающемуся в сочинении немецкого клирика XI в. Адама Бременского «Хроника архиепископов Гамбургской церкви» 45.

Помимо книжных данных, в рассказе о «Русской реке» отразилась и устная информация, исходящая, по крайней мере, от двух лиц. Один информатор, по всей вероятности, мореплаватель, рассказал географу об устье «Русской реки». Его точные сведения, по которым довольно легко устанавливается тождество устья «Русской реки» с Керченским проливом[46], заставляют предполагать, что этот мореплаватель был хорошо знаком с Северо-Восточным Причерноморьем. Возможно, именно его сообщение повлияло на композицию рассматриваемого фрагмента «Нузхат ал-муштак», где рассказ о «Русской реке» следует непосредственно за повествованием о Тмутаракани. С этой же группой источников могло быть связано и формирование у ал-Идриси представления об Азовском море как о низовьях Дона, устьем которого считался Керченский пролив; подобные взгляды прослеживаются у средневековых итальянских мореходов[47]. Другой информатор

---

[45] *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 176. Топоним *Ostrogard Ruzziae* упоминается у Адама несколько раз (Adam Brem. II, 22; IV, 11; Schol. 120). Перевод фрагментов см.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия, IX — первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М. Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 131, 133, 138, 140. См. также: *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963. С. 33.

[46] Подробнее см.: *Коновалова И. Г.* Где находился город Русийа. С. 36—39.

[47] *Скржинская Е. Ч.* Петрарка. С. 247.

(возможно, и не один) сообщил географу маршрутные данные о городах народа *ан-н.барийя*, вошедшие в состав «Малого Идриси».

Таким образом, налицо сложный состав рассказа ал-Идриси о «Русской реке» и поселениях обитавшего в ее бассейне народа. В сообщениях о ней выделяются как устная информация, исходящая от разных лиц, так и книжные данные; последние, в свою очередь, тоже неоднородны и отражают космографические представления, свойственные арабо-персидским географам, распространенные в ученых кругах Халифата стереотипные описания этнографического характера и сведения западноевропейских хронистов.

Насколько существенна констатация этого факта для толкования информации источника? Ведь коль скоро сообщение составлено на основании информации из разных источников, то возникает искушение просто попытаться отделить достоверные данные от всех прочих, работать с той информацией, которую мы признали достоверной и положить ее на карту. Однако даже априорно можно предположить, что сведения, вошедшие в состав рассказа о «Русской реке», представляют собой не механический набор данных, а органическое единство, обеспеченное тем географическим содержанием, которое вкладывал в этот гидроним ал-Идриси. Поэтому при анализе термина «Русская река» мы должны сопоставлять его не с современной картой, а с географическими и картографическими идеями, на основе которых ал-Идриси проводил систематизацию собранного им материала.

Если с этих позиций оценить существующие в историографии подходы к интерпретации сведений ал-Идриси о «Русской реке», то можно прийти к следующим заключениям.

Локализация городов народа *ан-н.барийя* в районе Северского Донца не позволяет объяснить названия хотя

бы некоторых из них. Если, по мнению Б. А. Рыбакова, информатор, сообщивший ал-Идриси об этих городах, хорошо знал бассейн Верхнего Донца, то почему все до одного наименования городов из его рассказа оказались искаженными до неузнаваемости? Кроме того, точное местонахождение самих городов *Шаруканя*, *Сугрова* и *Балина*, с которыми Б. А. Рыбаков предложил отождествить города народа *ан-н.барийя*, до сих пор не установлено[48].

Кто населял эти города в бассейне Северского Донца в XII в.? Согласно Б. А. Рыбакову, это были северяне, потомки древнерусского племени «севера». Действительно, Северский Донец входил в территорию расселения северян, но был ее периферийным районом, а в основном северяне занимали земли Подесенья, Посеймья, бассейна Ворсклы и Псла, верховьев Суллы[49]. Лесостепные верховья Северского Донца были окраинным, пограничным районом русских княжеств, а в степной части бассейна Донца господствовали половцы. Местное население в бассейне Северского Донца в XII в. было, как и в любом пограничном районе, служившем ареной перманентных военных действий, немногочисленным и неоднородным. Наряду со славянами, южная граница расселения которых не выходила за пределы лесостепи, там жили аланы и половцы[50]. Города *Шарукань*, *Сугров*

---

[48] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в Эпоху средневековья. М., 1981. С. 221; *Она же.* Половцы. М., 1990. С. 61—62.

[49] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 133; *Багновская Н. М.* Этническая история Северской земли (Основные этапы этнического развития населения): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 12, 15.

[50] *Плетнева С. А.* Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 255, 260; *Она же.* Половцы. М., 1990. С. 60—61; *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С. 329.

и *Балин* в начале XII в. были до основания разрушены в результате походов русских князей 1111 и 1116 гг. и больше не восстанавливались[51]. Маловероятно, чтобы пограничный район с редким и разноэтничным населением мог стать предметом рассказа об отдельном народе, каким этот рассказ является у ал-Идриси. К тому же территория, заключенная между притоками Северского Донца, — это сравнительно небольшая область радиусом ок. 100 км. Приведенные же в «Малом Идриси» дорожники с указанием расстояний между городами свидетельствуют о том, что речь шла о более значительной по размерам территории.

Кроме того, не в пользу бассейна Северского Донца говорит и настойчивое помещение народа *ан-н.барийя* в северных районах Восточной Европы, ясно выраженное автором как в тексте, так и на карте «Нузхат алмуштак». Да и среди дорожников «Малого Идриси» нет ни одного, который хотя бы отдаленно мог свидетельствовать о южных связях рассматриваемых городов. Как раз наоборот — согласно «Малому Идриси», маршрут в города народа *ан-н.барийя* ведет из земли маджусов, которая, по данным ал-Идриси, располагалась куда ближе к Балтийскому морю, нежели к Черному.

Рассказ о народе *ан-н.барийя*, по замыслу ал-Идриси, должен был войти в 5—6 секции VII климата, посвященные описанию северных областей Руси и Волжской Булгарии. В 5 секции VII климата, в частности, присутствует сообщение о том, что на севере границей Руси было «Море Мрака», т. е. моря Северного Ледовитого океана[52]. Таким образом, отнесение городов народа *ан-н.барийя* к северным районам Восточной Европы у

---

[51] ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 266, 284; *Плетнева С. А.* Донские половцы. С. 261.

[52] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 957.

ал-Идриси совершенно определенно выражено. И в «Малом Идриси» рассказ о городах, фигурирующих на карте «Нузхат ал-муштак», помещен именно там, где он должен был бы находиться в основном произведении — в 5 секции VII климата. Расположение интересующих нас городов не где-нибудь, а в северной части Восточно-Европейской равнины подтверждает и уже упоминавшееся соседство с землей *маджусов*.

Косвенным свидетельством северной локализации городов народа *ан-н.бариййа* является отсутствие в «Нузхат ал-муштак» каких-либо параллельных данных о торговых центрах Северной Руси, хотя сведения такого рода, по всей вероятности, должны были попасть к ал-Идриси — ведь он жил и работал над своим сочинением в Сицилийском норманнском королевстве, где мог получить от скандинавских информаторов ценные сообщения о странах и народах Скандинавии и связанных с ними районах Северной Руси. На фоне богатой информации о Скандинавских странах и Прибалтике в «Нузхат ал-муштак» отсутствие более или менее подробных сведений о Новгородской Руси выглядит досадной и неестественной лакуной. О том же, что ал-Идриси действительно пользовался сообщениями скандинавских купцов и мореплавателей о северных русских землях и торговых городах этого региона, можно заключить по отдельным данным «Нузхат ал-муштак».

Во-первых, однажды на страницах сочинения ал-Идриси упоминается Новгород, причем по арабскому названию города *Дж.н.т.йар* восстанавливается его скандинавская форма — *Хольмгард* (*Hólmgarðr*)[53]. Во-вторых, описывая Норвегию, ал-Идриси приводит данные, свидетельствующие о существовании торгово-промы-

[53] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 955; *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 139—141.

словых связей между скандинавскими территориями и северными русскими землями: говоря об обитающих в Норвегии животных, ал-Идриси сравнивает размеры местного бобра с размерами бобров, водившихся на Руси в бассейне р. Кемь[54]. Наконец, описание северного побережья Руси у ал-Идриси представляет собой фрагмент лоции, восходящей, по всей вероятности, к сведениям скандинавских мореплавателей[55].

В пользу локализации городов народа *ан-н.бариййа* в северных областях Руси говорят и убедительные чтения, предложенные О. Талльгрен-Туулио для приводимых ал-Идриси форм ойконимов.

О. Талльгрен-Туулио полагал, что распространенное у датчан наименование Руси — *Ostrogard* — географ мог по ошибке принять за название города[56]. Такая интерпретация топонима со стороны ал-Идриси была вполне возможной, если учесть его этимологию (*Austrgarðr* — «Восточный город»[57]), а также вспомнить, что у Адама Бременского в одном из отрывков говорится об «Острогарде Руси» (*Ostrogard Ruzziae*)[58], где

---

[54] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 952; *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 106—107.

[55] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 957; *Коновалова И. Г.* Арабские географы XII—XIV вв. о Европейском Севере // XII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., 1993. С. 87—88.

[56] *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 176.

[57] О древнескандинавских топонимах, производных от слов *austr* («восток») и *garðr* («город») подробнее см.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.): Текст, перевод, комментарий. М., 2000. С. 274—276, 281—285, 287—290 ; *Она же.* Austr í Görðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

[58] У Адама говорится, что от г. Юмна (Волина) 14 дней плавания до Острогарда Руси (см.: Латиноязычные источники по ис-

под «Острогардом» по контексту должно подразумеваться именно название города.

По мнению ряда исследователей, под наименованием *Ostrogard* средневековых западноевропейских источников следует понимать, скорее всего, Новгород[59]. В «Малом Идриси» пункт *Ас.т.р.куса* назван городом, расположенным в 100 милях (более 150 км) от земли *маджусов*. Это примерно соответствует расстоянию до Новгорода от Эстонии, территория которой, согласно ал-Идриси, находилась в непосредственной близости от земли *маджусов*. Кстати сказать, отдельные детали рассказа ал-Идриси об *Эстланде* перекликаются с сообщением Адама Бременского об этой стране. Оба они сообщают о том, что она находилась неподалеку от островов мужчин и женщин[60]; Адам, как и ал-Идриси, называет жителей *Эстланда* язычниками[61]. Представление о народах Прибалтики как о язычниках было вообще весьма распространено в западноевропейской средневековой литературе[62]. Поэтому нельзя исключать возможность того, что в «Малом Идриси» позаимствованное из книжной традиции название «Острогард» для обозначения города употреблено географом не по ошибке, а вполне созна-

---

тории Древней Руси: Германия, IX — первая половина XII в. С. 131, 136).

[59] Историографию см.: Там же. С. 146—147.

[60] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 954; Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 134, 142 (Адам Бременский говорит только о земле женщин).

[61] Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 134, 142.

[62] См., например: *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX—XIII вв.: Текст, перевод, комментарий. М., 1979. С. 75, 78, 79, 83, 84, 86, 87; *Джаксон Т. Н.* Язычники и христиане на «Восточном пути» // ВЕДС: Язычество, христианство, церковь. М., 1995. С. 14—16.

тельно. Это, однако, не означает, что в наименовании «Острогард» у ал-Идриси следует видеть обязательно Новгород, поскольку для обозначения последнего и в основном сочинении ал-Идриси, и в «Малом Идриси» употребляются другие названия.

Ойконим, встречающийся в написании *Бу'рада* (*Х.рада*, *Х.т.рада*, *Х.т.рара*, *Буг.рада*, *Бух.рава*) и сводимый к первоначальной форме **Нуграда*, отражает один из вариантов латинизированной формы русского названия Новгорода — *Nogardia*, *Novogardia, Novgardus* и т. п., — распространенной в средневековых западноевропейских источниках, в том числе картографических[63].

От этого города на расстоянии одного дня пути находился еще один город — *Аб'ада*, *Ан.када*, *Ал.гада*, *Ал'ада*, который О. Талльгрен-Туулио отождествил с Онегой (**Алнага*). На мой взгляд, более предпочтительны начальная форма **Алдага*, восходящая к древнескандинавскому обозначению Старой Ладоги *Aldeigja*[64], и отождествление этого города с Ладогой. Такая локализация больше соответствует цифровым данным «Малого Идриси», хотя и в этом случае указанное в источнике расстояние (один день пути) между городами несколько меньше, чем на самом деле между Новгородом и Ладогой.

Город *Лука* точной локализации не поддается, поскольку не указаны расстояния между ним и какими-

---

[63] См., например: *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья VIII—XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 143; *Матузова В. И.* Английские средневековые источники. С. 79, 87; *Матузова В. И.*, *Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 87, 88, 90, 93—105, 107, 283, 286.

[64] Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты, перевод, комментарий / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М., 1987. С. 17.

либо иными пунктами. Правда, этот город ал-Идриси связывает с Острогардом и Ладогой общим водным путем: согласно «Малому Идриси», все три города стоят на Волге, что подразумевало не столько их расположение непосредственно на волжских берегах, сколько просто включенность в систему Балтийско-Волжских торговых путей. Предположительно, можно отождествить город *Лука* с городом Великие Луки, который был связан с Новгородом и Ладогой удобным водным путем по р. Ловати и в окрестностях которого обнаружены большие клады дирхемов, восточные изделия из металла и другие находки[65].

Еще один топоним — *Б.руна* (графика названия во всех рукописях одинакова, только над буквой *нун* не всегда проставлена точка) — нанесен на карты к обоим сочинениям, но не фигурирует среди маршрутных данных «Малого Идриси», что, естественно, затрудняет его локализацию. Графически это наименование можно рассматривать как искаженное **Мурума*, а сам город отождествить с городом Муромом, как предложил О. Талльгрен-Туулио. В поддержку такой локализации говорит включенность Мурома, расположенного на р. Оке, в систему Волжско-Балтийских связей и его заметная роль в торговле с Востоком[66]. Муром, как известно, входил в число городов, хорошо знакомых скандинавам, которые называли его «Морамар» (*Móramar*)[67]. Форма наименования, использованная ал-Идриси, свидетельствует о том, что информацию о Муроме он мог получить как от русского, так и от скандинавского купца или путешественника.

---

[65] Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 390, 402.

[66] *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 180.

[67] Древнерусские города. С. 120, 176—177.

Наконец, шестой топоним — *Бус.да*, *Бунида*, *Бусида*, — по мнению О. Таллькрен-Туулио, был не названием населенного пункта, а служил для обозначения северного народа югра — **Йугра*. Действительно, сведения об этом народе могли дойти до ал-Идриси, так как югра была известна его арабским современникам. Например, проживший немало лет в разных местах Восточной Европы младший современник ал-Идриси испано-арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати писал в своем сочинении, что «на Море Мраков есть область, известная под названием Йура»[68]. Рассказы о походах новгородцев далеко на север, в том числе и к югре, были распространены в XI–XII вв. и в Новгороде[69], где их мог услышать информатор ал-Идриси.

Однако согласиться с предложенной О. Таллькрен-Туулио локализацией, даже в качестве рабочей гипотезы, трудно. Во-первых, она не безупречна графически: нельзя не заметить большой разницы между буквами *син* в наименовании города у ал-Идриси и *гайн* в арабской передаче этнонима. Во-вторых, ал-Идриси (или его информатор) был безусловно убежден в том, что речь идет о топониме, а не об этнониме: географ называет этот пункт городом (*мадина*), помещает его на Волге, на расстоянии 80 миль от Острогарда и 100 миль от города, отождествляемого с Ладогой. Поэтому стоит вести поиски города не на Северном Урале, а ближе к самому

---

[68] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1151 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 32.

[69] Например, летописный рассказ Гюряты Роговича конца XI в. (ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 234—236; ПСРЛ. Т. II. Стб. 224—226), рассказы Новгородских летописей о походах новгородцев в Югру в XII в. и в более позднее время (ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 40—41, 97, 99, 425).

Новгороду, хотя в настоящий момент указать более определенный пункт не представляется возможным.

Итак, города народа *ан-н.бариййа* я связываю с Новгородской землей (разумеется, за исключением Мурома). Остается объяснить происхождение названия самого народа *ан-н.бариййа*.

Точка зрения О. Талльгрен-Туулио, отождествившего этот народ с *бьярмами*, основывается на предположении о том, что сведения об этом народе, его названии и принадлежащих ему городах должны восходить к одному источнику информации, в данном случае — к рассказам скандинавов о поездках в *Бьярмию*. Очевидно, что О. Талльгрен-Туулио исходил из расширительной трактовки древнескандинавского хоронима «Бьярмаланд» (*Bjarmaland*) как собирательного понятия, которым обозначались обширные территории в северной части Восточной Европы от Кольского полуострова до Ладожского озера, населенные финно-угорскими племенами[70]. Однако, даже если согласиться с предложенной им интерпретацией наименований шести городов, то окажется, что почти все они — Новгород, Ладога, Великие Луки, Муром — выходят за рамки региона, охватываемого понятием «Бьярмия» (даже в расширительном значении этого хоронима). Уже одно это обстоятельство, как мне кажется, делает весьма уязвимым отождествление народа *ан-н.бариййа* с *бьярмами*.

Поддержать точку зрения О. Талльгрен-Туулио трудно еще и в силу следующих соображений. Велика ли была в принципе вероятность того, что какие-либо сведения о хорониме *Бьярмаланд* или этнониме *бьярмы* (др.-исл. *bjarmar*, др.-англ. *beormas*) могли достичь ал-

[70] *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 197–200; *Джаксон Т. Н.* Русский Север. С. 58—67; *Глазырина Г. В.* Исландские викингские саги. С. 37—45; 96—98.

Идриси? Имеющиеся в «Нузхат ал-муштак» сообщения об омывающих Восточную Европу морях включают в себя фрагмент лоции с описанием плавания от северного побережья Руси на северо-запад: «Что касается западного края моря Мрака, то он граничит с северной [стороной страны] ар-Русиййа, отклоняется в северном направлении, затем поворачивает на запад, а за этим поворотом уже нет никакого прохода [для мореплавателей]»[71]. Наиболее вероятным источником сведений об этом маршруте могли быть сообщения скандинавских мореплавателей, ездивших в *Бьярмию*[72]. Однако единственным хоронимом, фигурирующим в приводимом ал-Идриси отрывке лоции, является «Русь», в то время как о *Бьярмии* никаких упоминаний нет. Таким образом, на примере единственного раздела сочинения, где можно было бы ожидать присутствия данных о *Бьярмии*, очевидна малая вероятность того, что ал-Идриси был знаком с хоронимом *Бьярмаланд* или этнонимом *бьярмы*.

Кроме того, нетрудно заметить большие отличия в характере информации о *Бьярмии* в древнескандинавских источниках, с одной стороны, и в сообщениях ал-Идриси о народе *ан-н.барийя* и его городах — с другой. Во-первых, в древнескандинавских памятниках ничего не говорится о существовании городов у *бьярмов*, упоминаются только безымянное «торговое место» (*kaupstaðr*) да капище верховного бьярмийского божества[73]. Напротив, у ал-Идриси названы шесть городов страны *ан-н.барийя*, причем данные о них весьма конкретны.

---

[71] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 957.

[72] Подробнее см.: *Коновалова И. Г.* Восточная Европа. С. 73—74.

[73] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1994. С. 63—65, 75—78, 174—177; *Глазырина Г. В.* Исландские викингские саги. С. 44—45, 150—157, 180—187.

Во-вторых, в рассказах о *Бьярмии* упоминается только одна впадающая в Белое море река — *Вина* (*Vína*), отождествляемая с Северной Двиной[74], а у ал-Идриси речь идет о шести реках, которые, сливаясь в одну, текут не на север, а на юг к Черному морю. Сама река, в бассейне которой располагались города страны *ан-н.барийя*, носит у ал-Идриси название «Русской», что можно рассматривать как косвенное свидетельство принадлежности всех шести городов к землям Руси. Да и ал-Идриси, как это следует из приводимых им данных, всю территорию севера Восточной Европы считал относящейся к Руси — недаром он утверждал, что северной границей Руси являлось «Море Мрака» (Северный Ледовитый океан), а о животных, водившихся в бассейне р. Кеми, говорил, что они обитали на Руси.

Поэтому, по моему мнению, этноним *ан-н.барийя* следует связывать не с *Бьярмией*, а с Новгородской Русью. В таком случае наименование *ан-н.барийя* можно рассматривать как передачу др.-рус. *Новъгородъ* или возводимого к древнерусской форме *Nógarðar*, встречающегося в скандинавских памятниках, в частности, в сагах о древних временах[75]. Графически названия *Новъгородъ* и *Nógarðar* близки написанию этнонима *ан-н.барийя* в «Нузхат ал-муштак»: возможно, произошла замена сходных по начертанию букв *гайн* на *ба*, а также *даль* на *йа*: *ан-н.барийя* < **ан-нугарда*.

Локализация народа *ан-н.барийя* в Новгородской Руси, в отличие от гипотезы Б. А. Рыбакова и Б. Нед-

---

[74] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). С. 278—279.

[75] Древнерусские города. С. 13, 172, 174; *Глазырина Г. В.* География Восточной Европы в сагах о древних временах // ДГ. 1986. М., 1988. С. 231; *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X—XIII вв. // ДГ. 1988—1989. М., 1991. С. 149.

кова, позволяет найти объяснение почти всем названиям городов, отвечает указанию ал-Идриси на северное расположение этой территории, учитывает данные обоих произведений географа и восполняет тот противоестественный пробел в данных, который имеется в «Нузхат ал-муштак» относительно Новгородской Руси.

Случайно ли совпадение в рассказе ал-Идриси о «Русской реке» — шесть истоков этой реки и шесть же городов в их бассейнах? На мой взгляд, это является результатом собственных умозаключений географа, переосмыслившего сообщения своих информаторов о шести городах, которые были связаны между собой единым речным путем. Информаторы ал-Идриси могли сообщить ему сведения лишь об отдельных участках реки; он же, выступая в роли картографа, был вынужден сводить полученные сведения воедино. Причем эти данные были не просто механически соединены, но подверглись редакторской обработке со стороны ал-Идриси. Она заключалась в том, чтобы объединить сведения различных источников о стоящих на реках северных городах с представлением о грандиозном водном пути, связывавшем между собой северные и южные районы Восточной Европы. В результате на карте географа появилось изображение огромной реки, протянувшейся с севера на юг до Черного моря. Картографическое изображение «Русской реки» целиком является плодом работы ал-Идриси, который сумел органично согласовать современные ему маршрутные данные с системой географических представлений, унаследованной от мусульманской традиции.

Как уже говорилось, арабо-персидские географы X в., в сочинениях которых впервые упоминается «Русская река», рассматривали ее как приток *Атила*. Сформулированная ими идея о неразрывной связи «Русской реки» с *Атилом*, в свою очередь, соединявшимся одним рука-

вом с Каспийским, а вторым — с Черным морем, своим логическим следствием должна была иметь представление о том, что, спускаясь вниз по «Русской реке», можно было достичь Черного моря, и наоборот — что непосредственно из Черного моря вел речной путь в северные русские земли.

Именно этот аспект представлений о «Русской реке» получил развитие со стороны ал-Идриси, чему в немалой степени способствовало его знакомство с распространенной у ряда мусульманских авторов X—XI вв. традицией помещения русов на берегах Черного и Азовского морей[76]. Тут можно сослаться на сообщение арабского энциклопедиста середины X в. ал-Мас'уди о русах, которые, по его словам, фактически контролировали мореплавание в Азовском море[77]. В другом месте своего сочинения ал-Мас'уди называет «Русским» не только Азовское, но и Черное море[78]. Он также говорит о плаваниях, которые совершали русы в Константинополь и Испанию, где, по утверждению ученого, они нападали на город Севилью[79]. Последнее сообщение ал-Мас'уди, как полагают его исследователи, восходит к материалам

---

[76] *Коновалова И. Г.* Русы в северо-восточном Причерноморье и Приазовье (по данным арабских источников) // ВЕДС: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 34—36.

[77] *Maçoudi.* Les prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863. T. II. P. 15 (араб. яз.); *Минорский В. Ф.* История. С. 196—197 (рус. пер.).

[78] *Maçoudi.* Les prairies d'or. T. II. P. 24—25; *Минорский В. Ф.* История. С. 201.

[79] *Maçoudi.* Les prairies d'or. Paris, 1861. T. I. P. 364—365 (араб. яз.). См. комментарий данного сообщения: *Калинина Т. М.* Ал-Мас'уди о расселении русов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 16—22; *Она же.* Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // ДГ. 1999: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 190—210.

арабского историка и географа второй половины IX в. ал-Йа'куби, рассказывавшего о нападении русов на Севилью в 844 г.[80] О морских походах русов в ал-Андалус есть данные и у Ибн Хаукала, знавшего омейядскую Испанию по личным впечатлениям[81]. По всей вероятности, этот известный ал-Идриси из арабской литературы комплекс данных об активной деятельности русов в бассейне Черного моря, соединившись, с одной стороны, с представлением о связи «Русской реки» с Черным морем, а с другой — с современными ему сведениями мореплавателей о портовом городе под названием «Росия», и побудил его считать Керченский пролив устьем «Русской реки».

Сложный состав рассказа ал-Идриси обесценивает всякие попытки отождествления «Русской реки» с каким-либо конкретным географическим объектом на территории Восточной Европы. Таким образом, вместо привычной локализации, опирающейся на принцип «одно наименование — один объект», представляется более целесообразным дать развернутое определение гидронима и рассматривать «Русскую реку» как совокупность речных путей, посредством которых можно было пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении.

Если в арабо-персидских сочинениях X в. гидроним «Русская река» отражал связь древнерусских земель с Волжским путем, то в XII в. он стал для мусульманских ученых символом водного сообщения между Севером и

---

[80] Kitab al-a'lak an-nafisa auctore Ibn Rosteh et Kitab al-boldan auctore al-Ja'kubi / M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. P. 354. О толковании этого известия в литературе см.: *Семенова Л. А.* Русы в «Книге стран» ал-Йакуби // Арабский Восток. М., 1997. С. 118—134.

[81] Opus geographicum auctore Ibn Haukal. Fasc. I. P. 78.

Югом Восточной Европы. Не случайно ал-Идриси не приводит никаких данных о среднем течении «Русской реки», обозначая лишь крайние точки этой водной магистрали: города Керченского пролива, с одной стороны, и населенные пункты Новгородской Руси — с другой. И это при том, что ал-Идриси — единственный из арабских географов, кому были известны многие древнерусские города, стоящие вдоль речных путей и волоков, соединявших Черное и Балтийское моря[82].

Термин «Русская река» является наглядной демонстрацией того, что подобные топонимы создаются как обозначение общего географического понятия, значимого в контексте определенной культуры. Последнее обстоятельство хотелось бы особенно подчеркнуть, тем более, что его можно проиллюстрировать ярким примером. Арабский гидроним «Русская река» по своему географическому содержанию сопоставим с двумя топонимами, созданными в рамках других культурных традиций, — древнерусским путем «из варяг в греки»[83] и «Восточным путем» ранних королевских саг[84]. В сущности, все эти топонимы выражают одну и ту же идею, а именно возможность попасть из северных областей Европы на юг. Вместе с тем воплощают они ее по-разному: «Восточный путь» — в самом общем виде, «Русская ре-

---

[82] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 912 913, 955, 957.

[83] ПСРЛ. Т. I. Стб. 7; Т. II. Стб. 6.

[84] Наименование «Восточный путь» (*Austrvegr*) имело несколько значений, будучи в разное время относимо к различным территориям, лежащим к востоку и юго-востоку от Балтийского моря вплоть до Константинополя и Иерусалима. В ранних королевских сагах «Восточный путь» может выступать в качестве наименования земель по пути «из варяг в греки». Подробнее см.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). С. 202, 252, 274—276.

ка» — с указанием реальных географических объектов в начальной и конечной точках маршрута, путь «из варяг в греки» — наиболее подробно, с перечислением множества пунктов, лежавших на пути из Поднепровья в Балтийское море, а оттуда вокруг Европы до Константинополя и по Черному морю обратно в русские земли.

ОЧЕРК 5

Озера Восточной Европы

Ал-Идриси называет несколько озер Восточной Европы, самым крупным из которых является озеро *Тирма*. Все попытки отождествить его с каким-либо гидрографическим объектом в пределах Восточно-Европейской равнины (Ладожское озеро, по К. Миллеру[1], или Припятские болота, согласно версии Б. А. Рыбакова[2]) малоубедительны, так как их авторы совершенно не принимают во внимание влияние книжных данных на сообщение ал-Идриси об озере *Тирма*. Между тем в литературе уже не раз отмечалось большое сходство в изображении этого озера у ал-Идриси с картой *ал-Батихи* у ал-Хорезми[3].

«Это большое озеро, его длина с запада на восток триста миль, а ширина сто миль. Мы расскажем о нем и изобразим его [на карте] таким, как оно есть, в [соответствующем] месте VII климата»[4]; «это очень большое озеро, а в середине его [находится] гора, на которой [обитают] знаменитые дикие козлы, а также животное, называемое бобром[5]. И большая часть этого озера с вос-

---

[1] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. II. S. 152.

[2] *Рыбаков Б. А.* Русские земли. С. 12.

[3] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. I. H. 1. S. 13; *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 195; *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье. С. 220, 227.

[4] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 921.

[5] Варианты: *ал-б.б.р*, *ал-ф.б.р*, *ал-б.бр*, *ал-б.й.р*. Можно перевести как «тигр», что и сделал П. А. Жобер: [*Jaubert P. A.*] La

точной стороны простирается до страны ал-Куманиййа. Напротив его тыльной части, посреди лугов и лесов, находятся истоки реки Данабрис, которая именуется там Балтас»[6].

Название озера восходит к античной географии Северного Причерноморья. Арабское *Тирма* — это не что иное, как искаженная форма встречающегося у Птолемея наименования города *Тирамба* (Τυράμβη), расположенного на берегу озера *Меотис*. Имя *Тирма* встречается у ал-Хорезми (в тексте и на карте) для обозначения города на берегу водоема, отождествляемого с Азовским морем — *Тирма на Батихе*[7]. У Сухраба, переработавшего труд ал-Хорезми, название *Тирма* употребляется уже не только для обозначения города, но и

Géographie d'Edrisi. T. II. P. 434. Правда, в таком случае фраза, обозначающая обитателей горы в озере *Тирма*, скорее звучала бы проще: «дикие козлы и тигры», поскольку ал-Идриси, имевший, конечно, представление о тиграх, вряд ли стал бы давать им такое пространное определение — «животное, называемое тигром». Да и в «Нузхат ал-муштак», как правило, используется другое слово для обозначения тигра — *нимр* (*Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 59, 60, 311, 713, 918). Слово же *ал-бабр* ал-Идриси употребляет для обозначения животного, обитавшего не в жарких странах, а в более северных областях ойкумены — на Руси, в Скандинавии, причем дважды указывает, что это озерное животное, а один раз — что речное (*Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 952, 957, 958). О. Талльгрен-Туулио переводит слово *ал-бабр* как «бобр» (castor: *Tallgren-Tuulio O. J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 29), и это представляется обоснованным. Животному потому и дано такое описательное определение, что ал-Идриси, зная местное — в данном случае, древнерусское — название этого животного, по-видимому, не представлял себе, как это животное выглядит; в противном случае он, скорее всего, употребил бы арабское наименование бобра — *кундуз*.

[6] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 957.

[7] *Калинина Т. М.* Сведения. С. 21, 31, 37, 40, 49, 53, 82.

как наименование самого озера[8]. Таким образом, в арабской географической литературе задолго до ал-Идриси имелось представление о существовании огромного озера *Тирма*, локализуемого по традиции в Северном Причерноморье.

Размеры озера *Тирма* у ал-Идриси точно соответствуют размерам моря *Майутис* (Меотида) в сочинении ал-Баттани. Да и сама композиция сообщения о Черном море и озере *Тирма* в конце 6 секции VI климата «Нузхат ал-муштак», с одной стороны, и рассказа о Черном и Азовском морях у ал-Баттани — с другой, обнаруживает несомненное сходство:

ал-Баттани	ал-Идриси
Море Бунтус тянется от Лазики до великой ал-Кустантинийи. Длина его — тысяча шестьдесят миль, а ширина — триста миль.	А все море, называемое Нитас, доходит с южной стороны до страны Лазики и [простирается далее,] пока не доходит до [города] Кустантина, и его длина — тысяча триста миль, а ширина — триста миль, самое широкое место на нем достигает четырехсот миль.
В него впадает река, которая называется Танайис, а течение ее со стороны севера от озера, которое называется Майутис.	С северной его стороны в него впадает река Данабрис, она приходит от тыльной стороны озера Тирма.
Это большое море, хотя и называется озером. Длина его с востока на запад — триста миль, ширина — сто миль[9].	Это большое озеро, его длина с запада на восток триста миль, а ширина сто миль[10].

[8] Там же. С. 111, 115.

[9] Там же. С. 141, 144.

[10] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 921.

Сообщение ал-Идриси в части, касающейся озера *Тирма*, отличается от текста ал-Баттани тремя деталями: во-первых, названием озера (*Тирма* вместо *Майутис*), во-вторых, наименованием реки (*Данабрис* вместо *Танайис*) и, в-третьих, определением длины озера не с востока на запад, как у ал-Баттани, а с запада на восток. Указание ал-Баттани на то, что *Майутис* на самом деле является большим морем и только называется озером, ничем в его тексте не подкреплено, поскольку он ничего не говорит о связи *Майутиса* с другими морями Мирового океана. Поэтому ал-Идриси и не мог усомниться в том, что в данном случае речь должна идти именно об озере. В выборе им названия *Тирма* сказалось влияние ал-Хорезми и его продолжателей.

Что же касается реки, текущей в Черное море со стороны этого озера, то замена ее названия у ал-Идриси могла быть связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, возможна просто ошибка переписчиков — *Данабрис* < *Танайис*, — тем более, что один из вариантов написания гидронима «Днепр» в рассматриваемом фрагменте текста ал-Идриси очень близок к написанию названия *Танайис*[11]. Во-вторых, нет полной уверенности в том, что в тексте ал-Баттани под именем *Танайис* имеется в виду реальный Дон. Исследователи его сочинения не исключают, что гидроним *Танайис* у ал-Баттани являлся собирательным именем для многих рек Восточной Европы[12]. Вероятно, ал-Идриси мог именно так понять данные ал-Баттани и название *Данабрис* внес в порядке уточнения сведений своего предшественника. В пользу последнего предположения говорит то, что гидроним *Танайис* не встречается в «Нузхат ал-муштак» — воз-

[11] Ibid. P. 921.

[12] *Калинина Т. М.* Сведения. С. 146, прим. 4.

можно, потому что мог быть не вполне ясен для ал-Идриси при чтении источников.

Ал-Идриси не ограничился простым перечислением книжных сведений об озере *Тирма*. В его сообщениях об этом водоеме имеются детали, говорящие о том, что он пытался осмыслить данные, почерпнутые из книг, в контексте своих представлений о географии Восточной Европы. Прежде всего, это проявилось в локализации озера на карте. Ал-Хорезми, как известно, помещал *ал-Батиху* в районе Северного Причерноморья. Сухраб даже отмечал, что это озеро начинается «при соприкосновении с морем»[13]. А вот по сведениям ал-Баттани можно было уже составить весьма противоречивое представление о местонахождении озера. С одной стороны, он говорит об озере *Майутис* в связи с описанием Черного моря, что вроде бы должно свидетельствовать об их близком соседстве. С другой стороны, фразу ал-Баттани о том, что *Танайис* течет «со стороны севера от озера, которое называется Майутис», можно понять в том смысле, что само озеро находится где-то в северных районах, откуда и течет *Танайис*. Похоже, что такое понимание сообщения ал-Баттани наиболее полно согласовывалось с имевшимися у самого ал-Идриси данными об озерах Восточной Европы.

Несмотря на то, что об озере *Тирма* ал-Идриси впервые заводит речь в связи с описанием Черного моря (а этот отрывок был им составлен на основе текста ал-Баттани), он, тем не менее, уверенно локализует это озеро на севере Восточной Европы — об этом говорит и размещение озера на карте[14], и его описание, помещенное в 5 секции VII, самого северного, климата. В этом описании появляются детали, внесенные в него несомненно самим

---

[13] Там же. С. 111, 115.

[14] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 64—65.

ал-Идриси: озеро охарактеризовано как находящееся между Русью и Куманией; в качестве его отличительной особенности названа имевшаяся в центре озера гора и обитавшие на ней животные — дикие козлы и бобры.

Таким образом, по представлениям ал-Идриси, озеро *Тирма* лежало между Русью и Куманией, а «напротив его тыльной части» находились истоки Днепра. Употребление слов «напротив» и «тыльная часть» в качестве географических терминов, а также указание местного названия днепровских верховьев — *Балтас* — и описание характера местности в этом районе («среди лугов и лесов») свидетельствуют о том, что информация о взаимном расположении истоков Днепра и некоего озера, которое ал-Идриси уже сам отождествил с озером *Тирма*, исходила, скорее всего, от путешественника или купца, либо от того, кто слышал их рассказы. Упоминание Кумании позволяет отнести эти данные к XII в.

Остается установить, чем был предопределен именно такой состав сообщения об озере *Тирма* — я имею в виду рассказ о нем в одном контексте с Русью, Куманией и истоками Днепра, а также упоминание об обитавших в озере животных. Для этого стоит обратить внимание на то, что источником рассматриваемых сведений было сообщение путешественника, опиравшегося на свой собственный — или чей-то еще — опыт поездок по этим краям. Не случайно вслед за сообщением об истоках Днепра ал-Идриси называет стоящие в верховьях этой реки два «куманских» (!) города, причем — явно со слов какого-нибудь купца или путешественника — называет их «процветающими»[15]. По-видимому, на основании сведений, полученных от купцов и путешественников, у ал-Идриси сложилось представление о том, что из Кумании

[15] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 957.

по Днепру можно было подняться к находившемуся неподалеку от верховьев реки большому озеру, которое лежало по соседству с северными русскими землями. Действительно, путь по Днепру на Русский Север был широко известен: р. Днепр — по волоковым путям на р. Ловать — оз. Ильмень — р. Волхов — Ладожское оз.[16] Возможно, что в сообщении ал-Идриси об озере *Тирма* косвенно отразилась информация об одном из этих озер Русского Севера (отсюда не случайно и упоминание бобра под его древнерусским названием), но, подчеркну, ни о каком отождествлении озера *Тирма* с каким-либо конкретным озером Восточно-Европейской равнины не может быть и речи.

В сообщении о том, что посреди озера *Тирма* находилась гора, на которой обитали «знаменитые дикие козлы», можно было бы попытаться увидеть отражение информации об острове Валаам на Ладожском озере, если бы мы располагали свидетельствами того, что через этот остров проходили более или менее оживленные торговые пути. Однако, скорее всего, рассматриваемое сообщение восходит к какому-нибудь литературному источнику из популярного у арабов жанра рассказов о чудесах и диковинках разных стран.

Завершая анализ гидронима *Тирма*, можно сказать, что рассказ ал-Идриси об озере *Тирма* весьма сложен по своему составу, так как в нем нашла отражение информация из различных источников: сочинений ранних арабских географов (ал-Хорезми, Сухраб, ал-Баттани); произведений жанра *'аджа'иб*; сведений путешественников и купцов, проезжавших по Днепровскому пути к озерам, расположенным в северо-западной части Вос-

---

[16] *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 218—235.

точно-Европейской равнины. Включение в состав сообщения об озере *Тирма* данных, полученных от купцов и путешественников, позволяет утверждать, что в рассказе ал-Идриси об озере *Тирма* могли отразиться некоторые реальные сведения об одном из озер северо-запада Восточной Европы. Наличие же значительного пласта книжной информации в сообщении ал-Идриси об озере *Тирма*, как мне кажется, не дает возможности отождествить этот гидроним с каким-либо конкретным географическим объектом Восточной Европы.

Кроме озера *Тирма*, в сочинении ал-Идриси имеется описание еще одного озера Восточной Европы — озера *Ганун*: «На севере [страны] ал-Куманиййа [находится] озеро Ганун[17]. Поверхность его вод всегда скована льдом, за исключением небольшого числа дней в летнюю пору. В это озеро впадает восемь рек. Одну из них — реку Шаруйа — можно пересечь лишь в летнее время из-за того, что вода в ней очень холодная. В этом озере водится рыба, от которой берут много клея, а в прибрежных зарослях — животное, называемое бобром»[18]. На карте это озеро изображено к востоку от озера *Тирма*, несколько севернее последнего. Показаны реки, впадающие в озеро *Ганун*: две безымянные — с севера, три безымянные — с юга, а с востока — река *Шаруйа* с двумя притоками[19].

К. Миллер отождествил озеро *Ганун* с Онежским озером[20]. Б. А. Рыбаков предложил искать его на маршруте «Киев — Булгар», где-то близ Жигулевских гор[21]. В. М. Бейлис полагал, что под этим гидронимом может

[17] Так в рукописи **P**. В списках **L** и **A** при первой графеме отсутствует точка.

[18] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 958.

[19] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 66.

[20] Ibid. Bd. II. S. 153.

[21] *Рыбаков Б. А.* Русские земли. С. 31.

скрываться одно из озер Русского Севера — Ладожское, Онежское или озеро Ильмень[22].

Нетрудно заметить, что сведения, приводимые ал-Идриси об озере *Ганун*, очень непосредственны: говорится о том, как долго на озере лежит лед, какая холодная вода в реке *Шаруйа* и в какое время года эту реку можно пересечь, наконец, какие рыбы и животные водятся в озере и его окрестностях. Ясно, что эти сведения ал-Идриси мог получить от побывавших в тех краях лиц. Подробности, сообщенные ему о низкой температуре воды в реке *Шаруйа* и в самом озере, позволяют считать, что речь идет об одном из северных озер Восточно-Европейской равнины. На мой взгляд, сведения ал-Идриси об озере *Ганун* можно сопоставить с той устной информацией о некоем северном озере, которая нашла отражение в рассмотренном выше сообщении об озере *Тирма*. Оба эти сообщения, как мне представляется, имеют общий источник, о чем свидетельствует присутствие в них сходных деталей — упоминание обитающих в озерах бобров и нахождение озер по соседству с Куманией. В таком случае можно отказаться от буквального понимания утверждения ал-Идриси о том, что озеро *Ганун* располагалось «на севере Кумании», т. е. в пределах Половецкой степи, а интерпретировать эту фразу по аналогии с данными, вошедшими в сообщение об озере *Тирма*, — как указание на направление движения к северу от Кумании.

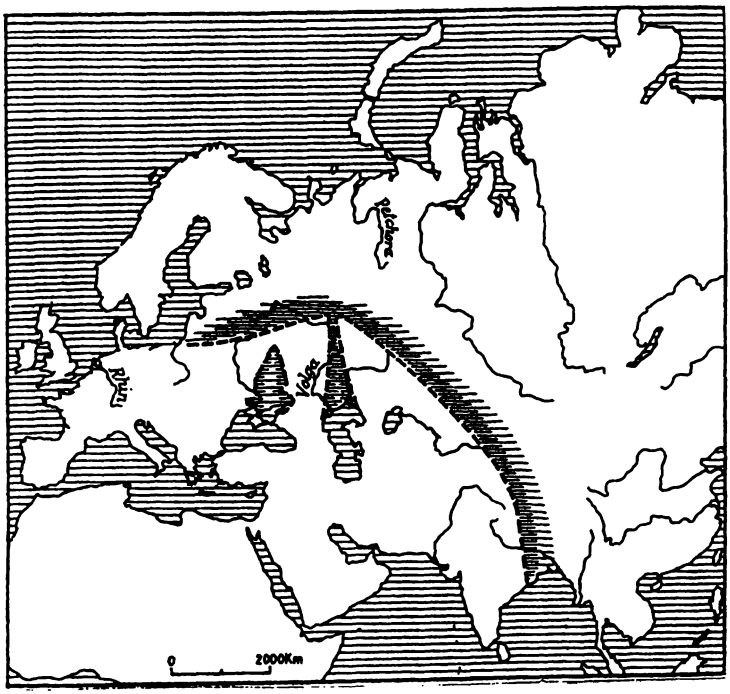
Названия озера *Ганун* и текущей в него реки *Шаруйа* не позволяют точно локализовать эти объекты. Что касается реки, то в ее наименовании, вероятно, отразилось

---

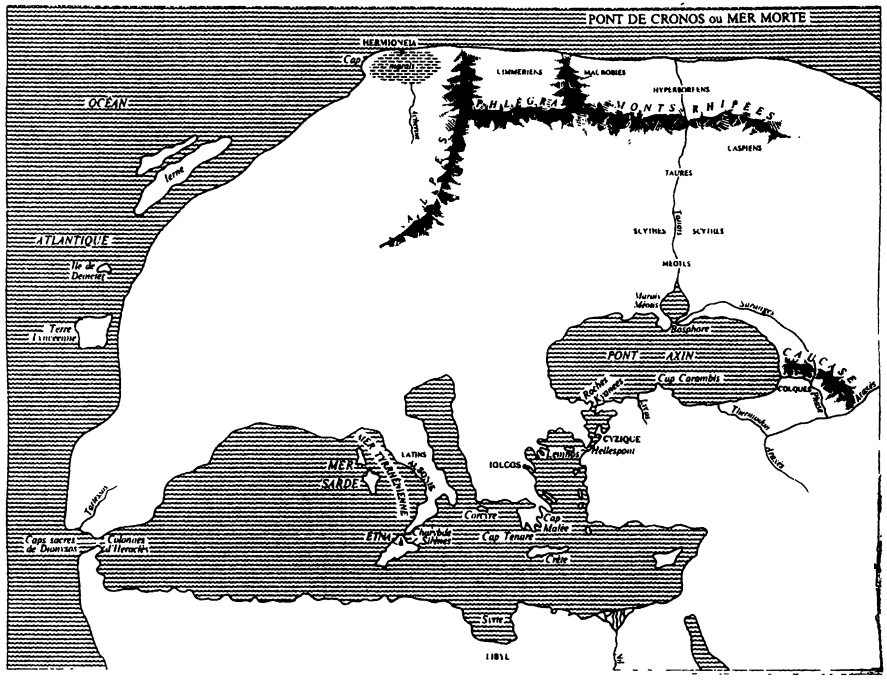
[22] *Бейлис В. М.* Країна ал-Куманійа у «Географічному творі» ал-Ідрісі та Половецька земля Іпатіївського літопису // Марра mundi: Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ, 1996. С. 96.

либо название впадающей в Онежское озеро реки Шуи, либо один из распространенных в северной части Восточно-Европейской равнины гидронимов с формантами *-шор*, *-шар*[23].

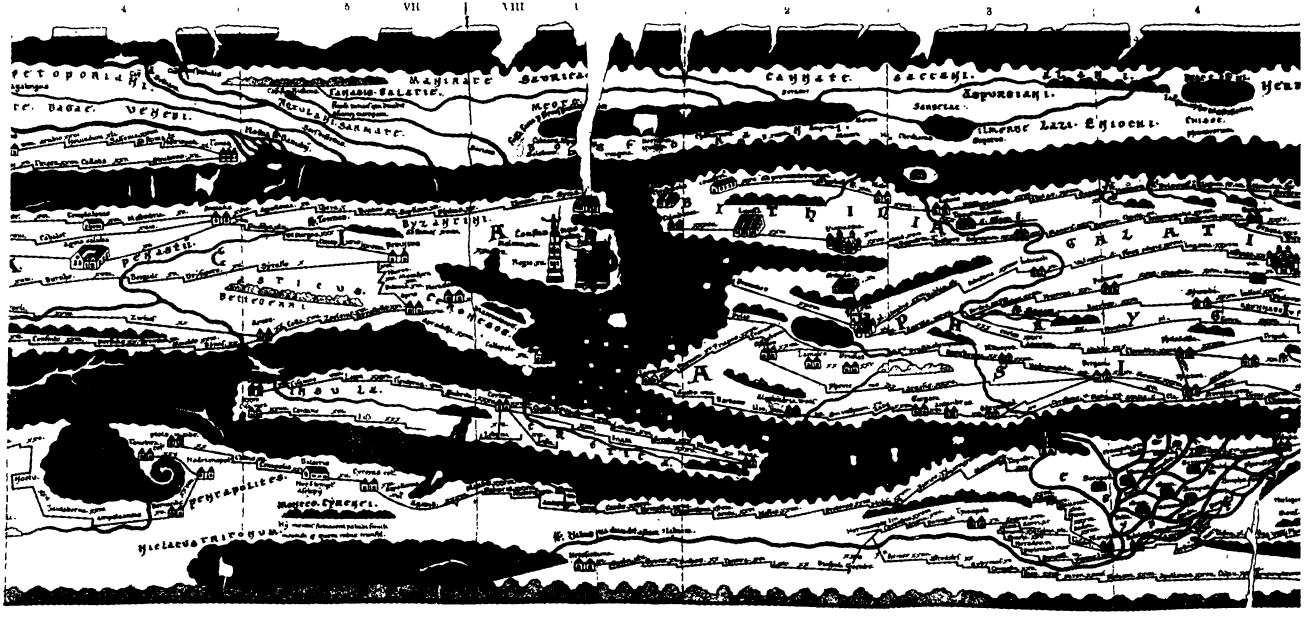
[23] *Мурзаев Э. М.* Словарь. С. 264—265, 630.



1. Контуры Евразии в античную эпоху



2. Танаис и возвращение аргонавтов в представлении автора орфической «Аргонавтики»

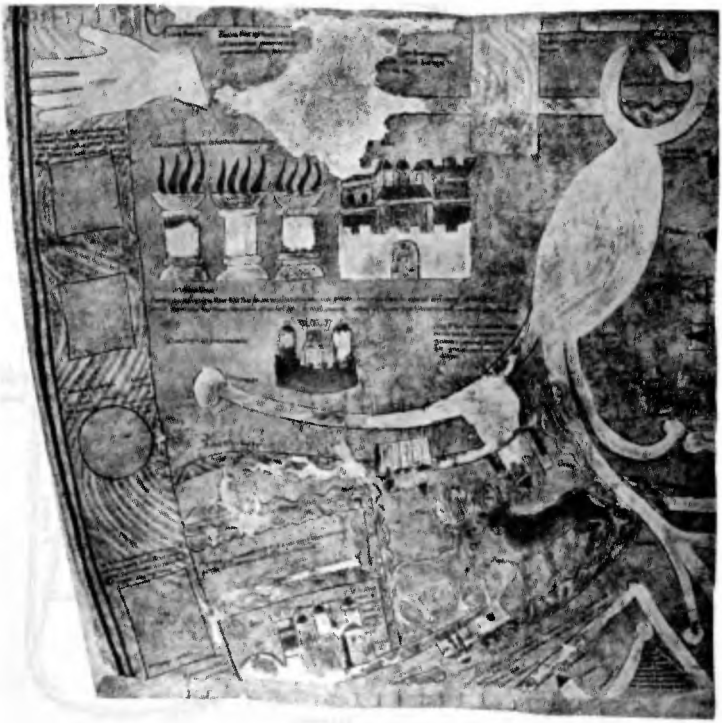


3. Певтингерова карта

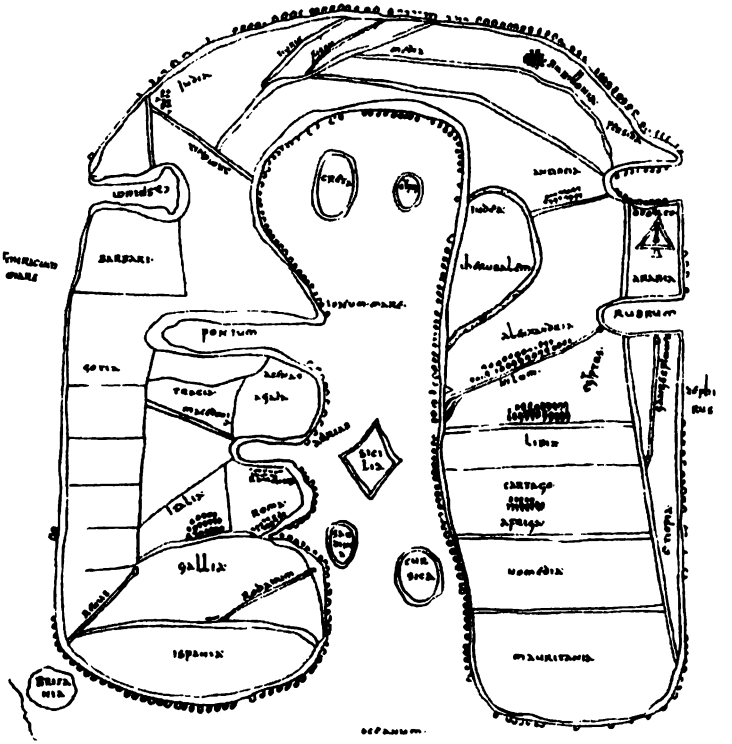
4. Т-О карта мира, XII в.

5. Фрайзингская карта мира из Мюнхена, XI в.

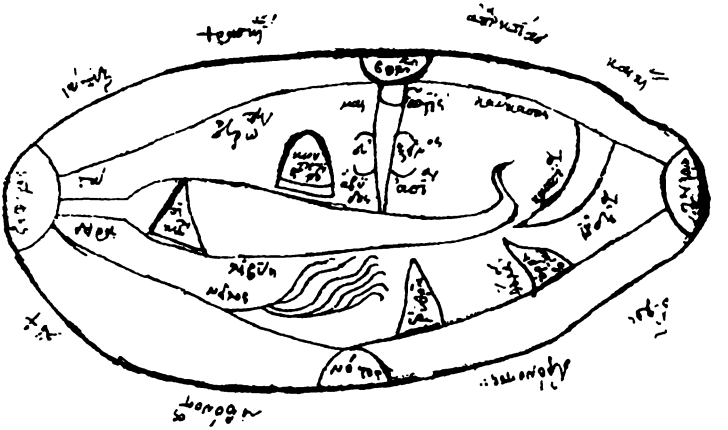
6. Кембриджская карта мира, конец XII — начало XIII в.



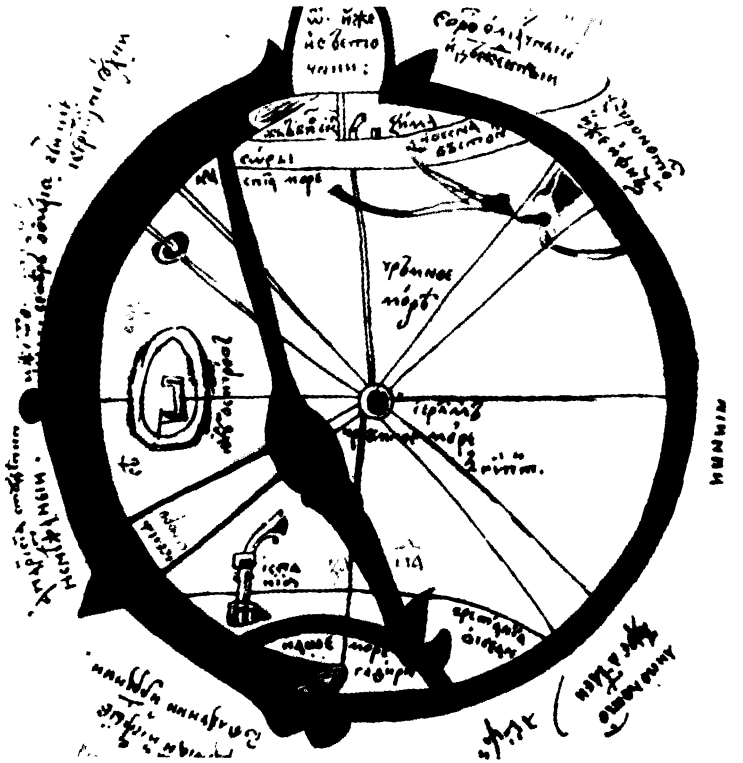
7. Эбсторфская карта мира, XIII в.



8. Карта мира из Альби, VIII или IX в.

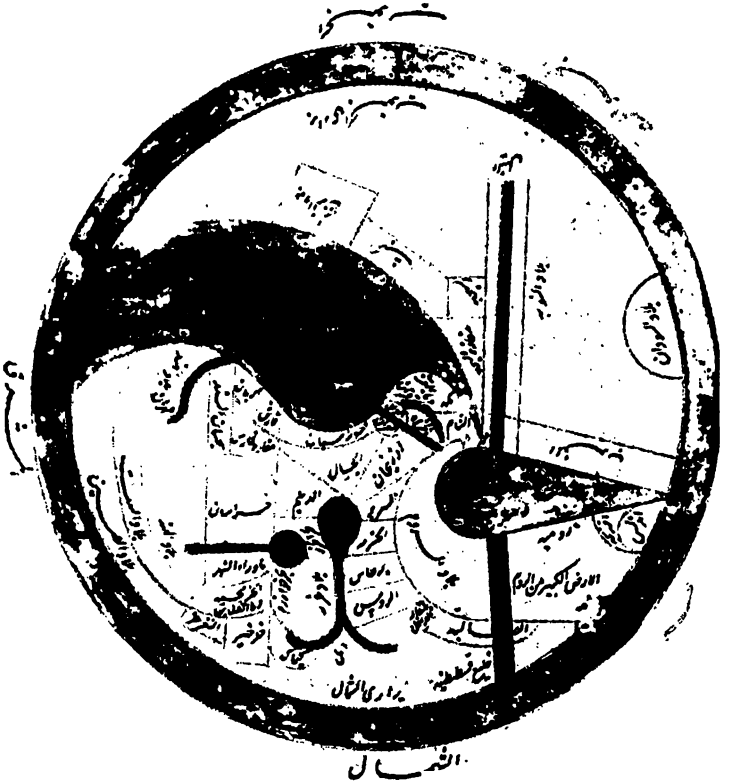


9. Поздневизантийская карта мира, XV в.



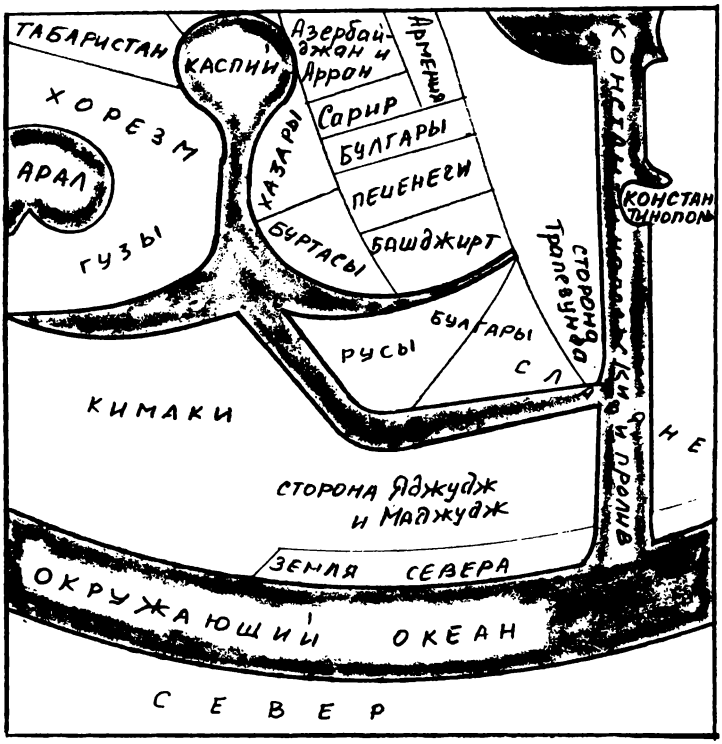
10. Болгарская карта мира, XV в.

11. Карта мира Ибн Хаукала, XI в.

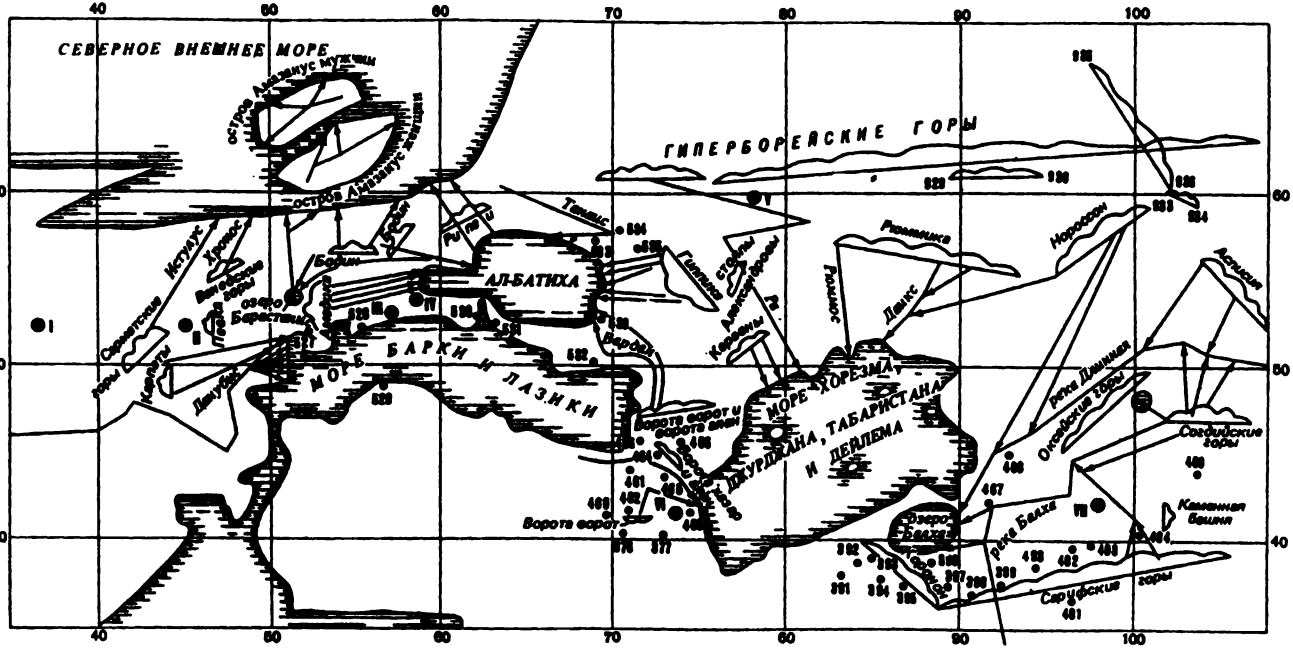


12. Карта мира ал-Истахри, XI в.

13. Карта Азовского моря ал-Хорезми, 1037 г.

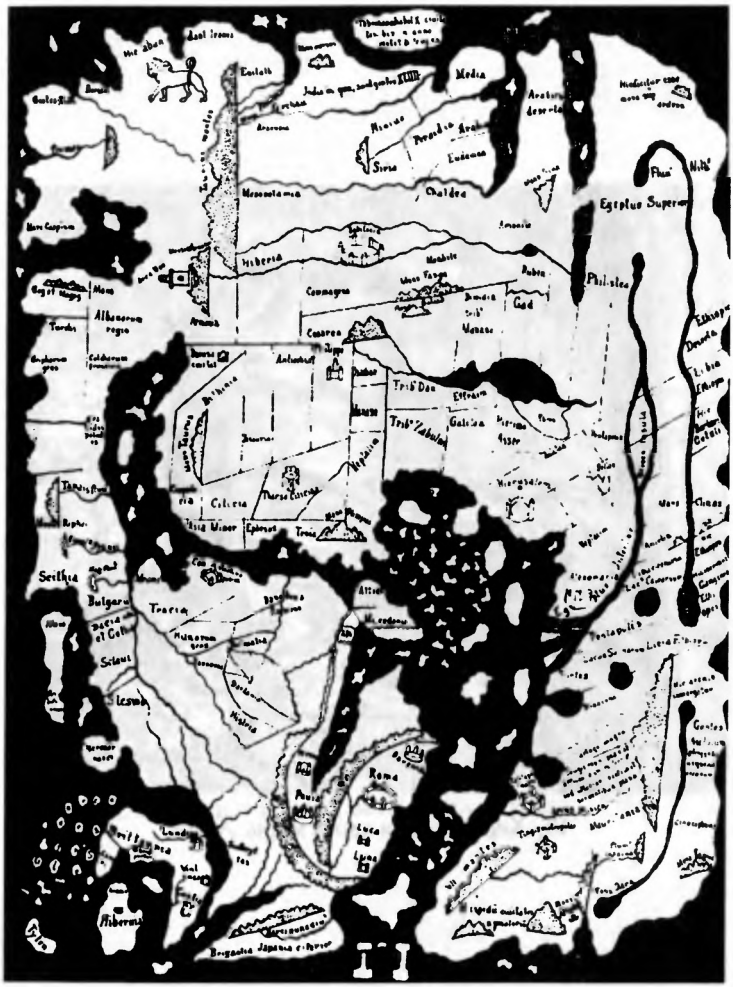


14. Реконструкция карты ал-Хорезми



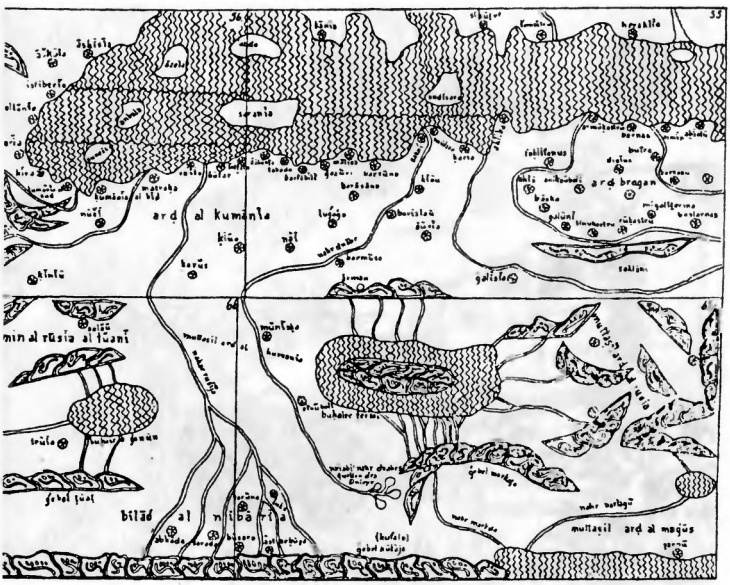
15. Часть карты мира Ибн Хаукала с изображением Каспия с тремя рукавами

16. Карта Черного моря из Дура Европос, середина III в. н.э.



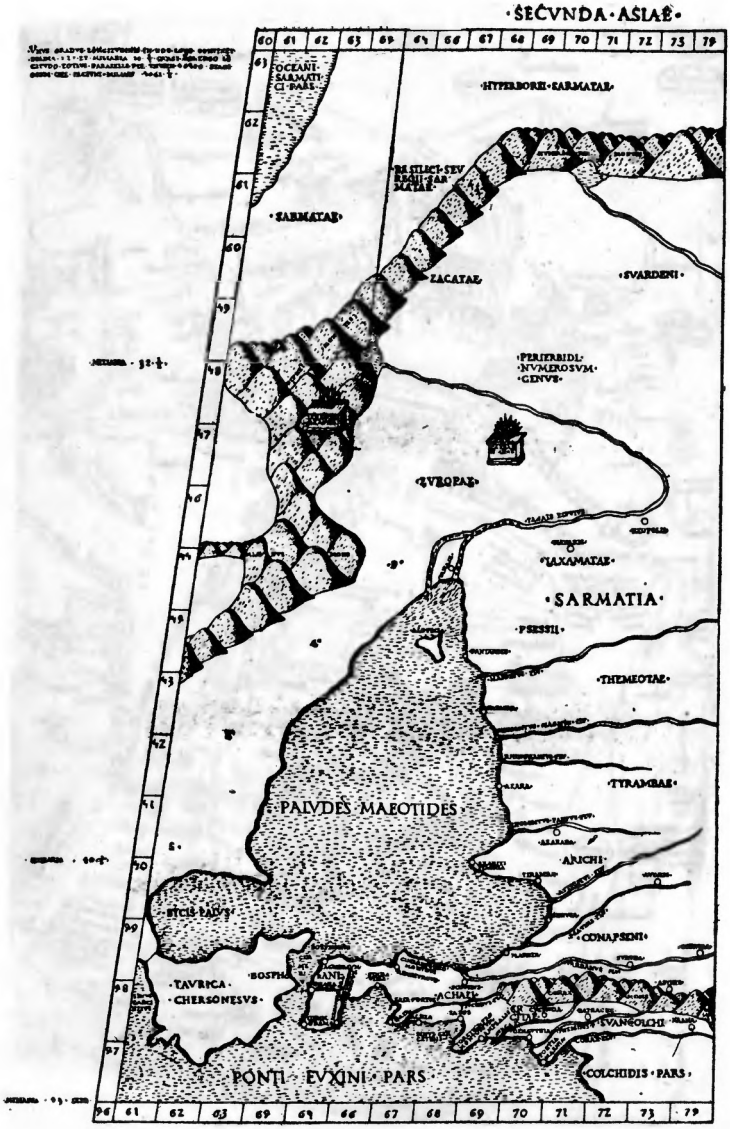
17. Англосаксонская карта мира, XI в.

18. Херефодская карта мира, XIII в.

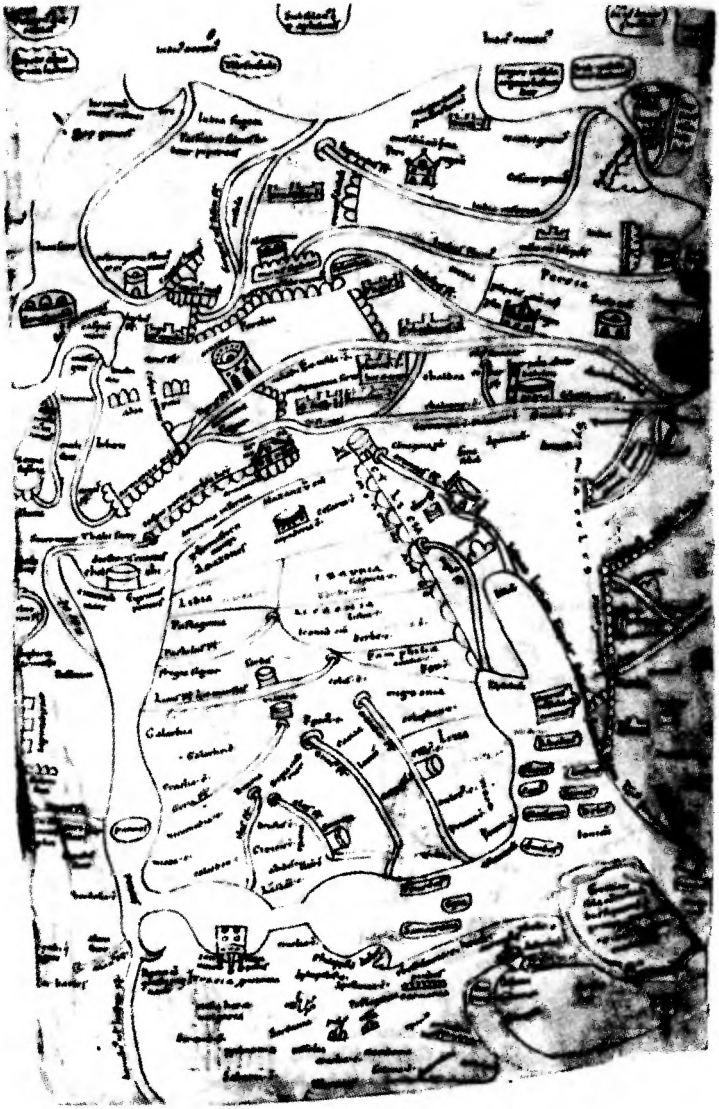


19. Восточная Европа на карте ал-Идриси, 1154 г.

20. Портолан Сальвата ди Пилестрина, 1511 г.



21. Карта мира Птолемея, XIII в.

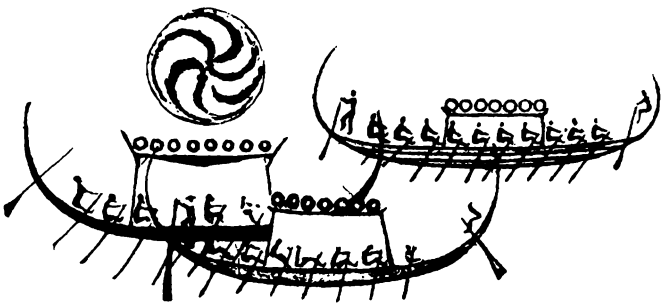


22. Лондонская карта мира, XII в.

Глава III

Гидрография Восточной Европы в древнескандинавских источниках

(*Т. Н. Джаксон*)



ОЧЕРК 1

Викинги на речных путях Восточной Европы

В то время путь на восток
шел через Русаланд и Грекланд
до Иерусалима.

Сага о гутах

Древнескандинавские источники, о которых пойдет речь в настоящей главе, — это рунические надписи, скальдические стихи и тулы (перечни), саги и пряди (короткие повествования), географические сочинения, созданные в IX—XIV вв., записанные в XII—XIV вв., но отражающие в значительной степени некие фоновые знания и общие представления эпохи викингов [1].

Эпоха викингов, время с конца VIII по середину XI в., было, вне сомнения, самым ярким в истории Скандинавии. Размах викингской активности был настолько велик, что их корабли с головой дракона на штевне можно было видеть как в отдаленных уголках Атлантики, так и в Африке и на Балтике.

Если мы посмотрим на даты скандинавского присутствия на Балтике (Элбинг и Гробини — ок. 650 г., Ладога — ок. 750 г.), мы явственно ощутим, что скандинавская экспансия на восток началась много раньше общего взрыва скандинавской активности и экспансии викингов

---

[1] Характеристику древнескандинавских источников см. в: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 408—562.

в западном направлении. «Появление викингов на Руси было следствием предвикингской активности скандинавов в юго-восточной Балтике. Скандинавы воевали и даже селились в этих районах на несколько сотен лет раньше, чем началась эпоха викингов. Из земель юго-восточной Балтики, равно как и собственно из Швеции, скандинавы могли с легкостью проникать в Ладожское озеро» [2].

Любопытно сравнение относительного богатства Англии и Франции с относительной бедностью северо-запада Восточной Европы на рубеже VIII—IX вв. С точки зрения викингов, Англия и Франция представляли собой идеальные объекты грабежа: все богатства этих земель были сконцентрированы в монастырях или процветающих городах, расположенных на морских побережьях или на берегах впадающих в моря крупных рек. Викинги, с их высоко маневренными кораблями, могли воспользоваться преимуществами внезапного нападения и столь же быстро уплыть с награбленным добром. На востоке не было ничего подобного.

Но что же заставило викингов двинуться в восточном направлении? Убедительный ответ на этот естественно возникающий вопрос дал американский нумизмат Томас Нунен. Он показал, что в конце VIII в. арабские купцы стали проникать на Волгу, и от них на Руси появились серебряные монеты высокого качества. Это и заставило скандинавов устремиться из Ладоги (уже ими к этому времени освоенной) вглубь восточноевропейской территории. «Отсутствие собственных месторождений серебра как на Руси, так и в Скандинавии, придавало этим дирхемам дополнительную ценность. Анализ древнейших монетных кладов на Руси и в Прибалтике показы-

[2] *Noonan Th. S.* Why the Vikings First Came to Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 34 (1986) Hft. 3. P. 346.

вает, что дирхемы достигли Руси в конце VIII в., и постепенно количество их поступлений на Русь и в Прибалтику стало возрастать» [3].

Серебро поступало двумя основными путями — по Волге и по Дону. Главный его поток в IX — 70-х гг. X в. направлялся в верховья Волги, затем по рекам ильменского бассейна (Мсте и Поле) к истоку Волхова и далее по Волхову на Балтику. Все эти водные маршруты отмечены идущими вдоль них цепочками кладов восточных монет, отложившихся в конце I тысячелетия н. э. Низовья и верховья Волхова (места расположения двух главных центров Северной Руси — Ладоги и Новгорода) маркированы концентрацией кладов дирхемов [4].

Как показывают археологические материалы, скандинавы впервые появились на территории будущей Руси в середине VIII в. Осевшие в Ладоге с самого начала существования поселения скандинавы имели здесь, «вероятно, сравнительно самостоятельную политическую организацию»[5]. Ладога в течение некоторого времени оставалась конечным пунктом торговой магистрали, которая вела из Скандинавии в восточном направлении [6]. С последней четверти VIII в. начал функционировать Балтийско-Волжский путь, основные направления кото-

---

[3] Ibid.

[4] *Носов Е. Н.* Первые скандинавы в Северной Руси // Викинги и славяне: Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 58—60.

[5] *Лебедев Г. С.* Путь из варяг в греки // Вестник ЛГУ. 1975. № 20. История, язык, литература. Вып. 4. С. 41.

[6] *Мельникова Е. А.* Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8—10 сентября 1998 г. Казань, 1999. С. 80—87.

рого четко высвечиваются находками кладов [7]. Пласт ранних скандинавских находок VIII—IX вв. прослеживается в Поволховье и Волго-Окском междуречье [8].

Время освоения Днепровского пути «из варяг в греки» остается предметом дискуссии [9]. «Завоевание и укрепление днепровского пути совершается почти целиком на глазах истории и освещено рядом достоверных и богатых содержанием источников. Первые известия о нем доходят из середины IX в.» [10].

Для скандинавов установление в VIII—IX вв. прямого транзитного сообщения через Восточную Европу по Балтийско-Волжскому и Волховско-Днепровскому путям шло поэтапно с севера на юг, при этом между началом освоения пути и возникновением на нем крупных торгово-ремесленных центров прошло достаточно длительное время [11].

В своем стремлении к богатствам Арабского халифата и Византийской империи скандинавы должны были

---

[7] См.: *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л., 1989.

[8] *Носов Е. Н.* Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // STRATUM plus. № 5 (1999): Неславянское в славянском мире. С. 117.

[9] «Следовало бы при этом, однако, различать (в литературе этого не делается) освоение пути по реке в бытовых целях и освоение ее в качестве торговой артерии. Освоение пути по Днепру (включая пороги) как настоятельная жизненная необходимость для местных жителей... произошло, несомненно, в глубокой древности» (*Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.) М., 2000. С. 11).

[10] *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII сер. Отд-ние обществ. наук. СПб., 1931. С. 206.

[11] *Лебедев Г. С.* Путь из варяг в греки. С. 40—41; *Мельникова Е. А.* Ладога и формирование Балтийско-Волжского пути // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 157—165.

продвигаться через гигантские пространства по рекам, которые на Восточно-Европейской равнине составляли основу жизни: они привлекали поселенцев, они использовались как внешние и как внутренние транспортные магистрали[12]. Ведь далеко не случайно то, что, пытаясь объяснить, где в мире находится их земля, составители «Повести временных лет» описали ее географическое положение преимущественно в терминах рек и речных путей[13].

Центром четырех основных речных систем — Волжской, Днепровской, Западнодвинской и Ильменско-Ловатьской — является Валдайская возвышенность. По четырем главным склонам стекают с валдайских высот Волга, Днепр, Западная Двина, Пола и Мста — каждая со своими притоками. Пола и Мста несут свои воды в озеро Ильмень. По Волге, Днепру и Западной Двине можно попасть, соответственно, в Каспийское, Черное и Балтийское моря. Значение этой возвышенности для викингов заключалось в том, что посредством находившихся на ней волоков можно было перейти из любой из этих рек в любую другую, что, в свою очередь, создавало возможности для осуществления перехода из одной большой речной системы в другую[14]. Однако все эти соединения рек и все эти пространства не были столь легко преодолимыми, как может показаться. Несмотря на

---

[12] О решающей роли речной сети в процессе славянского расселения в Восточной Европе, в образовании основных городских центров и в формировании территорий отдельных земель Древнерусского государства см.: *Носов Е. Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории Средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 157—170.

[13] *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus. 750—1200. London; New York, 1996. P. 3.

[14] *Logan F. D.* The Vikings in History. London, 1983. P. 182.

то, что природа предоставляла удобные транспортные пути, она же создавала и трудно преодолимые препятствия на этих путях[15]. Т. Нунен рисует впечатляющую картину природы Северной Руси начала эпохи викингов: «Первое, что следует отметить, это то, что окружающая среда была не слишком гостеприимной. Северная Русь была в это время покрыта густыми лесами, в которых имелось немало болот и топей. Эти леса и болота были местом обитания многочисленных насекомых, диких зверей и рептилий. Данные регионы можно было пересечь по рекам, но и эти последние ставили множество преград. Пороги на Волхове вселяли ужас в путешественников, но обход порогов по суше оборачивался движением сквозь девственные леса, переполненные хищниками»[16].

И всё же, несмотря на все природные препятствия, постепенно образовалась «большая система дорог, связывавших Скандинавию с Восточной Европой»[17].

Как правило, норманны направляли свои поездки к устьям больших судоходных рек, следуя течению (точнее — идя против течения) которых, они затем проникали внутрь страны[18]. Из Балтийского моря перед ними открывались две такие дороги: одна — через Рижский залив и Западную Двину, другая — через Финский залив и Неву либо Вуоксу.

Существует предположение, опирающееся прежде всего на археологические факты, что путь по Западной Двине был открыт раньше, чем путь по Неве[19]. «Из Зап.

---

[15] *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus. P. 5.

[16] *Noonan Th. S.* Why the Vikings First Came to Russia. P. 322.

[17] *Брим В. А.* Путь из варяг в греки. С. 206.

[18] Там же. С. 213.

[19] Там же. Ср.: *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 45: «Скандинавы проникали в Россию из южной Швеции и Готланда, преимущественно через Двину».

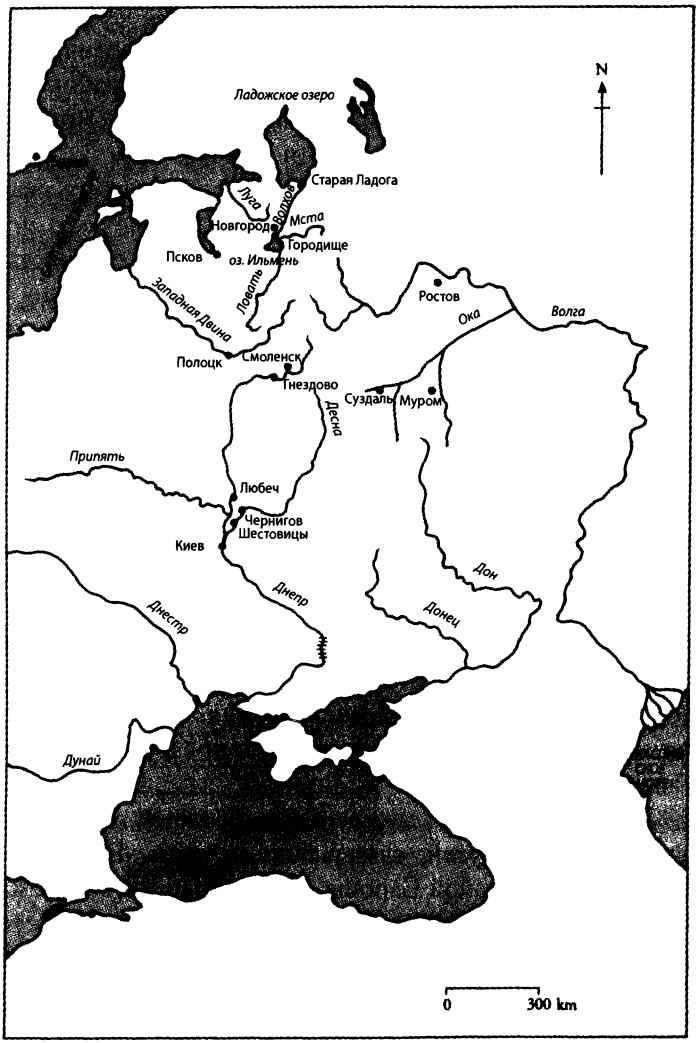


Рис. 1. Восточноевропейская речная система

Двины скандинавы могли перейти в любую из больших речных систем, по которым происходило передвижение в древней Руси и которые сходились в этом районе: по Ловати через Ильмень и Волхов в Новгород; по Волге на далекий восток и, наконец, по Днепру к Киеву»[20].

Итак, через Рижский залив и Западную Двину скандинавы, минуя Полоцк, попадали на Валдайскую возвышенность, откуда как минимум восемь путей, каждый из которых требовал лишь одного волока, выводили их на Днепр[21]. Попав из Финского залива через Вуоксу или Неву в Ладогу, они могли направиться либо на восток, либо на юг. Маршрут на восток вел по реке Свирь в Онежское озеро, оттуда по небольшим речкам в озеро Белое, откуда река Шексна выводила на Волгу; этот маршрут требовал одного волока протяженностью меньше восьми километров. Путь на юг шел по реке Волхов в озеро Ильмень, откуда, в свою очередь, открывались два основных речных маршрута. Один, по рекам Мста и Пола, с небольшими волоками, вел на юго-восток к Волге и далее в Булгар и к Каспийскому морю. Второй, непосредственно в южном направлении, — по Ловати к Западной Двине, откуда можно было попасть на Днепр и далее в Черное море.

Днепро-Двинское междуречье представляло собой узел торговых путей, связывавших страны Восточной, Северной и Западной Европы с Византией и Востоком[22], и, соответственно, этот район был хорошо известен скандинавам. Именно здесь находился перекресток торговых и военно-политических магистралей, проходивших и через Новгород, и через Полоцк. Уже к IX в. вос-

---

[20] *Брим В. А.* Путь из варяг в греки. С. 218.

[21] *Logan F. D.* The Vikings in History. P. 182—183.

[22] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 251.

ходят здесь как отдельные находки скандинавского происхождения, так и целые комплексы[23]. Наиболее вероятным путем продвижения норманнов, отмеченным целым рядом находок, была Западная Двина, с выходящей к Днепру Касплей[24].

Скандинавские источники, в свою очередь, из трех известных им путей на Русь (через Западную Двину, Финский залив и Северную Двину)[25] фиксируют лучшее знакомство именно с Западнодвинско-Днепровским путем. В ряде саг он фигурирует в качестве транспортной магистрали. Так, в «Саге о крещении» (см. ниже) описывается путь из Константинополя через Киев и Полоцк в Данию, а в «Саге о гутах» — дорога по Западной Двине с Готланда в Византию:

> [Сага начинается с того, как был найден остров Готланд, говорит о его первых жителях, о том, как постепенно увеличилось население острова и как был выслан с острова каждый третий по жребию мужчина. Гуты поплыли к побережью Швеции, но их изгнали оттуда.] Затем отправились они прочь на Фарёй. И поселились там. Там не смогли они прокормить себя. Отправились они оттуда на один остров близ Эйстланда, который зовется Дагё. И поселились там. И построили там

---

[23] *Булкин В. А.* О появлении норманнов в Днепро-Двинском междуречье // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 101—104.

[24] *Барсов Н. П.* Материалы для историко-географического словаря России. I. Географический словарь русской земли (IX—XV ст.). Вильна, 1865. С. 219; *Брим В. А.* Путь из варяг в греки. С. 213—218, 230—233; *Булкин В. А.* О появлении норманнов. С. 102; *Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А.* Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. Вып. 160. М., 1980. С. 30.

[25] См.: *Джаксон Т. Н.* Austr í Görðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 71.

крепость, которая все еще видна. И там не могли они себя прокормить. Оттуда отправились они *вверх по той реке, что зовется Дюна.* И вверх [от побережья] через Русаланд так далеко уехали они, что пришли они в Грикланд. [Там они остались навсегда.]

Пока Готланд не стал подчиняться одному епископу, на Готланд приезжали епископы, которые были паломниками в святой земле Иерусалиме и ехали оттуда домой. *В то время путь на восток шел через Русаланд и Грекланд до Иерусалима*[26].

Кроме того, путь этот с наибольшей полнотой представлен в древнескандинавской топо-, гидро- и этнонимии, что является несомненным свидетельством раннего использования скандинавами этого пути с дальнейшим выходом на Днепр, Десну, Оку, Дон[27]. В источниках названы: острова при входе в Рижский залив Хийумаа (*Dagö* — в «Саге о гутах») и Сааремаа (*Sýsla, Eysýsla* — в скальдических стихах, разных видах саг); Виндава (совр. Вентспилс), или река Вента (*Vindøy* — в рунической надписи); мыс Колкасрагс на западе Рижского залива (*Domesnes* — в рунической надписи); несколько балтских народов на территории Латвии (или названия их земель) — курши (*Kúrir, Kúrland* — в сагах и географических сочинениях), земгалы (*Sœmgallir* — в нескольких рунических надписях), ливы (*Lifland* — в рунических надписях, саге о древних временах и географических сочинениях); Западная Двина (*Dýna* — в сагах и географических сочинениях); Герсике (*Gerseka-borg* — в одном из списков «Саги о Тидреке Бернском»); Полоцк

[26] Guta s., 66 (курсив мой. — *Т. Д.*).

[27] Ср.: *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978. С. 51—54; *Леонтьев А. Е.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИИМК. Вып. 183. 1986. С. 3—9.

(*Palltеskja* — в поздней королевской саге, географических трактатах и сагах о древних временах); *Dröfn* — река недалеко от Полоцка (в туле с перечислением рек, в «Пряди о Торвальде Путешественнике» и «Саге о крещении»); Днепр (*Nepr* — в географических сочинениях и сагах о древних временах); Смоленск (*Smaleskia* — в географическом сочинении и в «Саге о Тидреке») и, может быть, Гнездово под Смоленском (*Sýrnes Gaðar* — в географическом сочинении)[28].

Как отмечает В. А. Брим, саги отличаются «необычайной скудостью и часто неточностью» в описании всего пути «из варяг в греки»[29]. Скажем, «участок пути, проходящий через Финский залив к Неве и через Волхов к великому волоку, ни в одном скандинавском источнике не описан, хотя он имел первостепенное значение в эпоху варяжских движений»; «Ладожское озеро... нигде в скандинавской литературе не упомянуто»; «трудный и, вероятно, небезопасный участок пути волоком из Ловати на Двину и из Двины на Днепр нигде в исландских и вообще скандинавских памятниках не упомянут»[30].

Действительно, маршрут из Швеции в Новгород через Ладогу совершенно естественен[31], и, видимо, вследствие этого он крайне редко фиксируется в сагах. Тем не менее в них иногда говорится о том, что, возвращаясь из Новгорода в Скандинавию, путешественники останавливаются в Ладоге, где садятся на корабли:

---

[28] Подробнее см.: *Джаксон Т. Н.* Austr í Görðum. С. 23—37, 69—77.

[29] *Брим В. А.* Путь из варяг в греки. С. 201.

[30] Там же. С. 219, 222, 230.

[31] См. реконструкцию этого отрезка пути, выполненную И. П. Шаскольским на основании иного круга источников: *Шаскольский И. П.* Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. // Географический сборник. Вып. III. М.; Л., 1954. С. 146—159.

Магнус, сын Олава, начал после йоля свою поездку с востока из Хольмгарда вниз (т. е. к побережью. — *Т. Д.*) в Альдейгьюборг. Стали они снаряжать свои корабли, когда весной сошел лед. [...] Конунг Магнус отправился весной с востока в Свитьод. Так говорит Арнор: «Молодой воин созвал мужей в поход. Смелая дружина воина отправилась в боевом снаряжении на корабли. Отважный конунг повел заиндевелый корабль с востока из-за моря. Благоприятный ветер привел [корабль] хёвдинга в Сигтуну»[32].

Кальв и его люди пробыли в Хольмгарде, пока не прошел йоль. Отправились они тогда вниз (т. е. к побережью. — *Т. Д.*) в Альдейгьюборг и приобрели там себе корабли; отправились с востока, как только весной сошел лед[33].

Важно отметить, что речь в приведенных фрагментах идет не о плавании по Волхову, а о зимнем движении из Новгорода в Ладогу, т. е. по замерзшей реке или вдоль реки[34]. Также порой говорится о том, что, приплыв на восток, путешественники останавливаются в Ладоге и лишь один из них отправляется в Новгород для получения разрешения на дальнейшее плавание (см. Очерк 4).

Итак, отрезок пути, соединяющий Скандинавию с Новгородом, худо-бедно источниками освещен. Но что мы знаем из саг о дальнейших маршрутах? Известно,

---

[32] ÍF, XXVIII, 3. Ср. описание той же поездки в более раннем источнике без упоминания Ладоги: «Рёгнвальд Брусасон отправился тогда с востока с ними. Они едут теперь с востока зимой, когда подморозило, к морю, и взяли они свои корабли и поплыли за море в Свитьод, и отправились вглубь от побережья в Сигтуну, и сошли там на землю, и отправились по суше в Хельсингьяланд» (Msk., 19).

[33] Orkn. s., 57.

[34] О реках как зимних дорогах см.: *Микляев А. М.* Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научной конференции. Новгород, 1992. С. 133—138.

что в Ильменском бассейне смыкались два важнейших торговых пути Средневековья, пересекавших Восточную Европу, — Балтийско-Волжский путь и путь «из варяг в греки»[35]. Однако о пути по Волге в источниках нет ни слова. Единственное, что упоминается в сагах, это «старшие» города Ростово-Суздальской земли: Суздаль (*Súrsdalr*), Ростов (*Rostofa*) и Муром (*Móramar*)[36], и это выдает факт знакомства с Волго-Окским междуречьем.

Сведения о Днепровском отрезке пути тоже не отличаются полнотой. Так, в «Саге о Магнусе Добром и Харальде Сигурдарсоне» по «Гнилой коже» рассказывается, как Харальд Сигурдарсон «выбрался из Миклагарда (Константинополя)», преодолев цепи в заливе Золотой Рог, и поплыл «дальше в Свартахав (Черное море)», а затем «на север за море, а оттуда едет он по Аустррики (Руси) в Хольмгард (Новгород)»[37]. Автор «Красивой кожи» явно заимствует эту сцену из «Гнилой кожи», но делает одно существенное дополнение, источник которого нам не известен. Он называет еще один отрезок водного пути между Черным морем и восточноевропейскими реками:

> С этим выбрался Харальд из Миклагарда и поплыл так по *Свартахав*. [...] Тогда поплыл он на север в *Эллипалтар*, оттуда поехал назад по Аустррики[38].

Комментируя топоним *Эллипалтар* (*Ellipaltar*), А. И. Лященко пишет: «Черное море, м. б. искаженное

---

[35] *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII — X в. // ВИД. Вып. VIII. 1976. С. 96—110.

[36] Подробнее см.: *Джаксон Т. Н.* Austr í Görðum. С. 68, 77, 141—155.

[37] Msk., 84—85.

[38] Fask., 237 (курсив мой. — *Т. Д.*).

Hellespontus»[39]. Издатель «Круга земного» Бьярни Адальбьярнарсон[40], а также переводчик на английский язык Л. М. Холландер[41] и издатели русского перевода[42] видят в гидрониме *Ellipaltar* обозначение устья Днепра. Однако Бьярни Адальбьярнарсон отмечает, что слово образовано из греч. ελη и лат. *paludes*, имеющих значение «болото». В этой связи целесообразно вспомнить восходящее к античности название Азовского моря: *Paludes Maeiotici* «Меотийские болота», или просто *Paludes* (форма мн. ч., как и в дисл. *Ellipaltar*). Вероятнее всего, скандинавский гидроним следует понимать как «Азовское море», тем более что путь по Дону и Северскому Донцу на Днепр был реальностью уже в IX в.[43]

В «Саге о крещении» говорится о том, как Торвальд Кодранссон и Стевнир Торгильссон добирались из Миклагарда (Константинополя) «до Кёнугарда (Киева. — *Т. Д.*) восточным путем по Непру (Днепру. — *Т. Д.*)»[44]. В «Саге о Хаконе Хаконарсоне» Стурлы Тордарсона путешествие Эгмунда из Новгородской земли в Иерусалим обозначается как движение «по еще более восточному пути к морю»[45].

Мы можем не сомневаться, что присутствие скандинавов в Восточной Европе, документируемое большим

---

[39] *Лященко А. И.* Былина о Соловье Будимировиче и Сага о Гаральде // Sertum bibliologicum в честь А. И. Малеина. Пг., 1922. С. 126, прим. 4.

[40] ÍF, XXVIII, 439.

[41] *Snorri Sturluson.* Heimskringla: History of the Kings of Norway / Tr. by Lee M. Hollander. Austin, 1964. P. 589, ch. 15, note 2.

[42] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 684.

[43] *Леонтьев А. Е.* Волжско-Балтийский торговый путь.

[44] Kristni. s., 43—44.

[45] Hák Hák. s., 371.

числом норманнских древностей[46], имело своим следствием знакомство варягов с восточноевропейской системой речных путей. Однако это знакомство проявилось в источниках весьма специфическим образом. Древнескандинавские источники (в первую очередь саги) отличает односторонняя в целом ориентация интереса: «положительные данные» в них, как правило, относятся только к Скандинавским странам, источники не фиксируют своего внимания на географии соседних земель и, может быть, даже приурочивают место действия за пределами Скандинавии к ряду наиболее привычных, трафаретных областей или пунктов, а потому содержащаяся в них информация не полна и местами не точна. Перед нами, скорее, образ пути, нежели конкретные путевые данные.

[46] *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники.

ОЧЕРК 2

«ВЕЛИКИЕ РЕКИ»: ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ РЕЧНЫЕ ПУТИ НА «МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЕ» СРЕДНЕВЕКОВЫХ СКАНДИНАВОВ

Зафиксированные на «ментальной карте» древних скандинавов[1], речные пути Восточной Европы нашли свое отражение и в их письменных памятниках.

Скандинавским источникам известно девять восточноевропейских рек. Это — Северная Двина (*Vína*), Западная Двина (*Dýna*), Днепр (*Nepr, Danpr*), Нева (*Nyia*), Сейм (*Seimgol*), Дон (*Dún, Tanais*), Волга (*Olkoga*), Кама (*Kuma*) и река недалеко от Полоцка (*Dröfn*).

Анализ большой совокупности памятников древнескандинавской письменности позволяет говорить об отразившемся в них существовании в Скандинавии *двух этногеографических традиций*, зафиксированных в скальдических стихах, рунических надписях и королевских сагах, с одной стороны, и в географических сочинениях, скальдических тулах и сагах о древних време-

---

[1] Наряду с «ментальной картой» каждого отдельно взятого человека в обществе на определенном временно́м срезе формируется «ментальная карта», представляющая собой образ пространства, который существует в сознании значительного числа людей и является частью общей «картины мира» (см.: *Джаксон Т. Н.* Путь как способ освоения пространства («Пути» в картине мира средневековых скандинавов) // ВЕДС: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII. М., 2006. С. 43—49).

нах — с другой, и отражающих определенную пространственную и временну́ю очередность проникновения скандинавов в Восточную Европу. Совокупное изучение древнескандинавской топонимии Восточной Европы приводит к выводу, что каждая группа источников имеет свою топонимическую номенклатуру. При этом очевидно, что хронология письменной фиксации топонимов соответствует последовательности их возникновения в языке древних скандинавов, хотя прямого соответствия между реальностью и литературой не наблюдается: в письменных памятниках лишь намечается общая линия развития древнескандинавской топонимии Восточной Европы[2].

В источниках X—XI вв. (скальдических стихах и рунических надписях) упоминается значительное число гидронимов: имена Балтийского моря (*Austmarr, Eystrasalt*)[3] с Финским заливом (? *Hólmshaf*)[4], Белого моря

---

[2] См.: *Джаксон Т. Н.* Север Восточной Европы в этногеографических традициях древнескандинавской письменности (к постановке проблемы) // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования. Л., 1989. С. 130–135; *Она же.* Austr í Görðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 23—37.

[3] Skj., A, I, 12 (Þjóðólfr ór Hvini, IX в.); 333 (Arnórr Þórðarson jarlaskáld, 1046).

[4] Финский залив, возможно, упоминается в рунической надписи на камне из церкви в Валлентуне (U 214): **han troknaþi a holms hafi** «Он утонул в Хольмском море». Эта надпись (по крайней мере, в интересующей нас части) нередко сопоставляется с надписью из Хёгбю (Ög 81), где говорится, что «был на Хольме (**o hulmi**) Хальвдан убит» (*Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977. № 95; *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. Б-III.9.3; *Zilmer K.* 'He drowned in Holmr's sea — his cargo ship drifted to the sea-bottom, only three came out alive': Re-

или Ледовитого океана (*Gandvík*)[5], двух Двин — За-

---

cords and representations of Baltic traffic in the Viking Age and the Early Middle Ages in early Nordic sources. Tartu, 2005. P. 122—125). Э. Брате (1891) увидел в **o hulmi** словосочетание *á hólmi* со значением участия в поединке. Г. Стефенс (1911) идентифицировал «Хольм» как Борнхольм. Его точку зрения разделили позднее К. Г. Люнггрен (1964) и Т. Андерссон (1971). Именно в таком сокращении (*Hólmr*) Борнхольм упоминается в скальдических стихах, а также у Адама Бременского. С. Б. Ф. Янссон (1956) высказал предположение, что «Хольмское море» — это сокращенная форма «Хольмгардского (Новгородского) моря» и, соответственно, обозначение Финского залива. Е. А. Мельникова от довольно осторожного «Хольмского моря» в издании 1977 г. (расшифровка которого полностью зависит от интерпретации его первой части — либо *Bornhólmr* «о. Борнхольм», либо *Hólmgarðr* «Новгород») переходит в издании 2001 г. к большей определенности: «Хольмское (Новгородское ?) море, Финский залив (?)» (*Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. 1977. С. 204; *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. 2001. С. 384). К. Цильмер, напротив, отстаивает взгляд на термин как на обозначение Балтийского моря вокруг острова Борнхольм (*Zilmer K.* 'He drowned in Holmr's sea'. P. 127—129).

[5] Skj., A, I, 100 (Eyjólfr Valgerðarson, ок. 976). Существуют две этимологии имени *Gandvík*. Первая: оно происходит от слов со значением «чары, колдовство» и «залив» и означает «Колдовской залив». Вторая: в основе гидронима лежит местное финское название, от которого произошло и современное «Кандалакша». Каким бы по происхождению ни было это название, всеми исследователями оно воспринимается как обозначение Белого моря или еще уже — его Кандалакшского залива. Лишь К. Ф. Тиандер в 1906 году обратил внимание на то, что некоторые скандинавские источники обозначают этим термином не Белое море, а Ледовитый океан. По его справедливому мнению, «весь Ледовитый океан на север от европейских берегов был понят как залив — sinus septentrionale и назван Гандвиком. С течением времени, однако, понятие Гандвика стало суживаться» (*Тиандер К. Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 73).

падной (? *Duná*)[6] и Северной (*Vína*)[7]. Прибалтийская топонимия связана с морем: это названия мыса Колкасрагс (*Domesnes*)[8], острова Сааремаа (*Sýsla*)[9], а также нерасшифрованное скальдом выражение «все сюслы» (*allar Sýslur*)[10], прочитываемое исследователями, вслед за Снорри Стурлусоном[11], как обозначение острова Сааремаа и лежащей против него эстонской области Ляэнемаа (*Aðalsýsla* королевских саг). В древнерусской зоне находятся лишь названия двух городов — *Aldeigja* «Ладога»[12] и *Hólmgarðr* «Новгород»[13] — и обозначение Руси (*Garðar*)[14], возникшее применительно к цепочке укрепленных поселений на берегах Волхова, на начальной стадии пути «из варяг в греки», точнее — на

---

[6] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. 1977. № 26 (Бёнестад, XI в.). О сомнениях относительно употребления этого гидронима в тексте рунической надписи см. ниже: с. 299.

[7] Skj., A, I, 76—77 (Glúmr Geirason, ок. 975).

[8] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. 1977. № 38 (Мервалла, 1020—1060).

[9] Skj., A, I, 12 (Þjóðólfr ór Hvini, IX в.).

[10] Ibid., 202 (Eyjólfr dáðaskáld, ок. 1010).

[11] ÍF, XXVI, 340—341.

[12] Skj., A, I, 201 (Eyjólfr dáðaskáld, ок. 1010).

[13] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. 1977. № 23 (Халльфреда, середина XI в.), № 57 (Эста, первая половина XI в.), № 89 (Шюста, вторая половина XI в.).

[14] Skj., A, I, 157, 201, 202, 222–223, 263, 273, 274, 332, 338, 357—358, 370—371, 385, 391, 394, 395, 414—415, 525, 526; *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. 1977. № 62 (Альстад, первая треть XI в.), № 13 (Стура Рюттерн, развалины церкви, середина XI в.), № 16 (Ардре, первая половина XI в.), № 34 (Иннберга, первая половина — середина XI в.), № 48 (Тюринге, церковь, первая половина XI в.), № 51 (Хагстюган, середина XI в.), № 63 (Веда, XI в.), № 68 (Лиссбю, вторая половина XI в.), № 92 (Гордбю, двор церкви, первая половина XI в.).

пути от Ладоги до Новгорода[15]. С известными оговорками мы можем утверждать, что в этих источниках находят отражение три известных скандинавам «входа» на Восточно-Европейскую равнину: по Западной Двине; через Финский залив и Ладогу; по Северной Двине. Однако из восточноевропейских рек к первой из двух выделяемых нами этногеографических традиций принадлежат лишь две реки — Северная Двина и Западная Двина.

VÍNA (СЕВЕРНАЯ ДВИНА)

Река *Vína* известна большому числу источников — скальдическим стихам, сагам разных видов, географическим сочинениям и проч. Подавляющее большинство исследователей склонно считать, что *Vína* — это Северная Двина. Наиболее серьезным доводом в пользу такого прочтения остается наличие созвучных названий этой реки в русском (*Двина*), финском (*Viena*) и древнеисландском (*Vína*) языках. Из многочисленных толкований гидронима *Двина* (*Северная*)[16] наиболее приемлемым представляется не учтенное Фасмером, но добавленное в словарную статью О. Н. Трубачевым [17] объяснение этого имени как родственного русскому слову *два* [18]. Ср. у Сигизмунда Герберштейна в «Записках о Московии»: «Область и река Двина получили имя Двины от слияния рек

---

[15] См.: *Джаксон Т. Н.* О названии Руси Garðar // Scando-Slavica. 1984. Т. 30. С. 133—143; *Она же.* Austr í Görðum. С. 49—59.

[16] См. их сводку: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986—1987. Т. I. С. 488.

[17] Там же.

[18] См. также: *Булкин В. А.* К истории гидронима Двина // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 84.

Юга и Сухоны, потому что Двина по-русски значит ‘два’ или ‘по два’»[19].

Однако в скальдике гидроним *Vína* нередко выступает метафорическим обозначением реки вообще. Так, например, *Vína* входит в качестве составляющей в сложный кеннинг поэзии в висе скальда X в. Эйнара Хельгасона по прозвищу Звон Весов[20] или выступает обозначением реки в висе скальда X в. Эгиля Скаллагримссона, посвященной гибели в Англии его брата Торольва:

Gekk, sás óðisk ekki,	В буре Одина смело
jarlmanns bani snarla,	Шел убийца ярла.
þreklundaðr fell, Þundar,	Пал отважный Торольв.
Þórólfr í gný stórum;	*На равнине Винхейд*
jörð grær, en vér verðum,	Травы зеленеют
Vínu nær of mínum,	Над могилой брата.
helnauð es þat, hylja	Тяжко это горе,
harm, ágætum barma[21].	Но его мы скроем[22].

Выше в саге (гл. 52) рассказывается, как английский конунг Адальстейн (Этельстан) Благочестивый назначает сражение (в котором затем погибнет один из предводителей его войска, Торольв, брат Эгиля) вторгшемуся в Англию конунгу скоттов Олаву Красному «и предлагает как место битвы равнину Винхейд возле леса Вину-

---

[19] *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 155. А. В. Назаренко, однако, со ссылкой на работу В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева 1962 г., утверждает, что Герберштейн заблуждается (Там же. С. 332, прим. 521).

[20] Skj., A, I, 123, (Vellekla, 3).

[21] Ibid., 51.

[22] Перевод А. И. Корсуна. Цит. по: Сага об Эгиле, гл. 55 // Исландские саги. М., 1956. С. 163 (здесь и далее выделение курсивом в оригинальном тексте и переводе мое. — *Т. Д.*).

ском»[23]. Р. Франк полагает, что автор саги поместил вису в неверный прозаический контекст, — в действительности же она описывает гибель Торольва во время его экспедиции в *Финнмарк* и *Кирьялаланд*, о которой говорится в главах 14—17 саги, а значит, *Vínu nær* «рядом с Виной» следует понимать как «рядом с Северной Двиной»[24]. Возражения М. Тауненда основываются на «Драпе об исландцах» Хаука Вальдисарсона (XII в.), в девятой и десятой строфах которой говорится о том, что Торольв и Эгиль сражались в войске английского конунга Адальстейна. На основании этого источника исследователь заключает, что традиция, повествующая о гибели Торольва в битве в Англии, возникла до «Саги об Эгиле», а, следовательно, *Vína* (др.-англ. **We(o)n*) — это имя английской реки[25]. К. Цильмер справедливо отмечает, что даже при таком толковании не исключена теоретическая возможность того, что *Vína* выступает просто обозначением реки, но не является ее конкретным именем[26].

В висе (строфе) скальда Глума Гейрасона (ок. 940—985 гг.)[27] речь идет о битве конунга с *bjarmskar kindir* «племенами бьярмов» *á Vínu borði* «на берегу Вины». Вот ее прозаический перевод:

> Дерзкий на слово, побеждающий всех конунгов, обагрил сверкающий меч на востоке перед северным селением, там, где я видел, как бегут племена бьярмов. Примиритель мужей

---

[23] Там же. С. 154 (перевод С. С. Масловой-Лашанской).

[24] *Frank R.* Old Norse Court Poetry: the Dróttkvætt Stanza // Islandica. B XLII. Ithaca, 1978. P. 79.

[25] *Townend M.* English Place-Names in Skaldic Verse. Nottingham, 1998. P. 90—93.

[26] *Zilmer K.* 'He drowned in Holmr's sea'. P. 261—262.

[27] Это — 5-я строфа его хвалебной песни в честь конунга Харальда Серая Шкура «Графельдардрапа» (Skj., A, I, 76—77).

снискал себе добрую славу в этом походе: ему, молодому, выпало сразиться на берегу Вины [28].

Скорее всего, *Vína* исходно не являлась обозначением реки Северной Двины, но в висе Глума Гейрасона произошло как бы «соединение» «племен бьярмов» и реки *Вины*. Однако, поскольку *Бьярмаланд*, по сагам, расположен на севере, где-то за *Финнмарком*, и связан с Беломорьем, то по созвучию *Вину* соотнесли с Двиной (Северной).

Существует, впрочем, и противоположное мнение, что «гидроним *Vína* (Сев. Двина) в произведениях скальдов стал использоваться как поэтический термин для обозначения реки» [29]. Однако, не имея для X века доказательств столь хорошего знакомства скандинавов с Северной Двиной, чтобы ее именем они называли другие реки, мы можем полагать, что соотнесение скальдической реки *Вины* с реальной рекой — Северной Двиной — произошло позднее, в результате плаваний скандинавов в Белое море [30]. Именно поэтому в сагах топоним *Bjarmaland* изменил свое значение по сравнению с более ранними источниками — с рассказом Оттара, «Историей Норвегии» и др. [31] Изначально топоним *Bjarmaland* мог

---

[28] ÍF, XXVI, 217.

[29] *Глазырина Г. В.* Беломорско-Двинский отрезок северного морского пути из Скандинавии в Восточную Европу // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1989. Ч. I. С. 105. Ср.: *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Cambridge (Mass.), 1981. Vol. I: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. P. 262.

[30] О пути по Северной Двине см.: *Якобссон Г.* Варяги и *Путь из Варяг в Греки* // Scando-Slavica. 1983. T. 29. C. 117—134.

[31] О топониме *Bjarmaland* см.: *Джаксон Т. Н.* Этот таинственный и загадочный Бьярмаланд // Отечество. Краеведческий альманах. М., 2000. С. 87—102.

служить для обозначения всей западной половины Беломорья между реками Онега и Стрельна (или Варзуга). В сагах, надо полагать, это название относится уже преимущественно к низовьям Северной Двины.

Три сюжета связывают *Бьярмаланд* с рекой *Виной*: битва Эйрика Кровавая Секира у реки *Вины* по «Саге об Эгиле»; битва Харальда Серая Шкура на берегу *Вины* по процитированной выше висе скальда Глума Гейрасона, «Красивой коже» и «Кругу земному» Снорри Стурлусона; ограбление капища бьярмийского божества Йомали на берегу *Вины*, со значительными вариациями представленное в «Круге земном» и в ряде саг о древних временах.

Снорри рассказывает, как скандинавы, приплывшие в *Бьярмаланд*, остановились в некоем торговом месте (*kaupstaðr*), а по окончании торга поплыли прочь (*út*) по реке *Вине* и вышли в море (*til hafs út*); задумав ограбить капище местного божества, они сошли на берег (*gengu á land upp*) и шли сначала равниной, а затем большими лесами; спасаясь бегством от охранявших капище *бьярмов*, они поставили парус, корабль их быстро вышел в море (*gekk skipit brátt út á hafit*), и поплыли они по Гандвику (*yfir Gandvík*)[32]. Детали, содержащиеся в сагах о древних временах, более конкретны: в «Саге о Хальви» появляется *Vínumynni* «устье Вины»[33]; «Сага о Боси» дает название лесу — *Vínuskógr* «Винский лес»[34]; в «Саге о Стурлауге» возникает при плавании «вверх по реке Вине» (*framan at ánni Vínu*) равнина, расположенная *fyrir vestan ána* «к западу от реки»[35]; наконец, «Сага об Одде Стреле» говорит о том, что «в реке (*Вине*) лежит много

[32] ÍF, XXVII, 229—232.
[33] Fas., II, 1829, 28.
[34] Ibid., III, 1830, 208.
[35] Ibid., 626.

островов» (*eyjar liggja margar í ánni*) и что приплывшие в *Вину* скандинавы «встали на якорь у того мыса, который выдавался из суши» (*þeir kasta akkerum undir nesi einu, þat gekk af meginlandi*)[36]. Из сравнения королевских саг и саг о древних временах можно заключить, что расширение сюжетов достигается в этих последних как при помощи усиления сказочных деталей, так и посредством уточнения и введения в текст реальных географических знаний, отсутствующих в традиции королевских саг. Впрочем, трудно сказать, какие дополнительные реальные сведения о реке *Vína* привнесены авторами саг о древних временах, и привнесены ли вообще.

Dýna (Западная Двина)

Считается, что единственная восточноевропейская река, названная в рунических надписях на мемориальных стелах, это *Dýna*.

Выражение **austR . i . tuna . asu** было зафиксировано в рунической надписи XI в. на не сохранившемся до нашего времени камне из Бёнестада (Bönestad) (Sö 121). С. Бюгге предположил наличие ошибок в словах **tuna** и **asu**. К первому он добавил конечное **R**, а во втором произвел перестановку гласных. Такая конъектура позволила ему получить (вместо бессмысленного словосочетания) чтение *austr í Duna ósa* «на востоке в устье Двины» (*ósa* — Д. п. от *óss* «устье»). Э. Брате увидел в первом слове Р. п. мужского имени *Tun(n)e*, а относительно второго предположил (по аналогии с **i . ikuars . liþi** «в войске Ингвара»), что это — Д. п. какого-то специального термина для обозначения военного отряда. Впрочем, он и сам подчеркнул, что такого слова в древнескандинавских языках нет. Тем не менее, по утверждению Е. А. Мельниковой, «как более обоснованная, всеми исследователя-

[36] Ibid., II, 174.

ми была принята интерпретация Бюгге»[37]. Недавно проведенный пересмотр этого материала эстонской исследовательницей К. Цильмер не позволил ей принять ни то, ни другое толкование словосочетания **i . tuna . asu**[38]. Так что, в свете ее исследований, принадлежность Западной Двины ранней этногеографической традиции оказывается под вопросом.

Река *Dýna* упоминается в героической скальдической песни XII в. «Krákumál»[39], а также в исландском географическом трактате (см. ниже), в скальдической туле (см. ниже) и в «Саге о Хрольве Пешеходе» (записанной в начале XIV в. саге о древних временах), где утверждается, что «эта река — третья или четвертая по величине на земле»[40].

В «Krákumál» Рагнар Лодброк воспевает перед смертью свои подвиги и среди прочего утверждает: «Мы победили восемь ярлов на востоке от устья Дюны». По поводу этих слов В. А. Брим замечает, что «вероятно, исторический Рагнар сам и не был героем упомянутых в этой фразе событий, но для нас здесь важно только указание на какие-то скандинавские экспедиции по Западной Двине»[41].

* * *

В географических сочинениях XII—XIV вв., принадлежащих ко второй традиции, объем сведений о Восточ-

---

[37] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. 1977. № 26; *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. 2001. Б-III.5.3.

[38] *Zilmer K.* 'He drowned in Holmr's sea'. P. 178.

[39] Fas, I, 1829, 290.

[40] Ibid., III, 239.

[41] *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII сер. Отд-ние обществ. наук. СПб., 1931. С. 217—218.

ной Европе сильно увеличивается. Детальный анализ исландских географических трактатов, проведенный Е. А. Мельниковой, выявил, что они сохранили картину Восточной Европы X — начала XII в., т. е. до татаро-монгольского нашествия, до образования Литовского государства, до завоевания Орденом прибалтийских земель[42].

Исландский географический трактат под названием «Великие реки», датируемый по древнейшей рукописи временем не позднее начала XIV в., содержит, среди прочего, следующий текст:

> Река, которая отделяет Европу от Азии, называется *Танаис*. Дун называется река самая многоводная в Европе. В нее впадают 60 больших рек, и [она] впадает в море семью рукавами, [и] все они велики. В этой части мира другие великие реки таковы: *Непр* и *Нюйа*, *Сеймгол*, *Дуна*, *Олькога*, *Вина*, *Кума*, Саксэльв, Падус, Тибр, Родон, Бетус[43].

Наряду с Дунаем, Эльбой, По, Тибром, Роной и Гвадалквивиром, здесь названы восемь (выделенных курсивом в переводе) восточноевропейских рек — *Tanais* (Дон), *Nepr* (Днепр), *Nyia* (Нева), *Seimgol* (Сейм), *Dýna* (Западная Двина), *Olkoga* (Волга), *Vína* (Северная Двина) и *Kuma* (Кама). В отличие от западноевропейских гидронимов, упоминаемых в латиноязычной географической литературе, восточноевропейские гидронимы известны только скандинавским сочинениям и не встречаются в западноевропейской хорографии соответствующего времени.

---

[42] *Мельникова Е. А.* Древняя Русь в исландских географических сочинениях // ДГ. 1975 г. М., 1976. С. 156.

[43] *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 153.

Tanais (Дон)

Tanais назван здесь не в общем перечне рек, а как граница между Европой и Азией. Именно в этом качестве и под этим названием река известна античной и средневековой географии (см. у Орозия или Гонория Августодунского: «Европа начинается от реки Танаис») и картографии (показана на большинстве даже самых схематичных карт)[44]. В том же качестве она упоминается в первой главе «Саги об Инглингах» Снорри Стурлусона:

> Круг земной, где обитает род человеческий, сильно изрезан заливами. Большие моря вдаются в землю из окружающего [ее] океана. Известно, что море тянется от Нёрвасунда и вплоть до Йорсалаланда. От этого моря отходит на северо-восток длинный залив, который называется *Свартахав*. Он разделяет трети света. Восточная называется Азией, а западную некоторые называют Европой, а некоторые — Энеей. А к северу от Свартахав простирается Свитьод Великая, или Холодная. [...] С севера, с гор, лежащих за пределами всех населенных мест, течет через Свитьод река, правильное название которой *Танаис*. Раньше она называлась *Танаквислом*, или *Ванаквислом*. Она впадает в *Свартахав*. [Область] по Ванаквислу звалась тогда Ваналандом, или Ванахеймом. *Эта река разделяет трети света*. Восточная называется Азией, а западная — Европой[45].

Границей между Европой и Азией *Танаис* выступает и в норвежском переводе Библии «Stjórn» («Руководство»):

> Европа начинается у большой и знаменитой реки *Танаис* и идет до северного внешнего моря, а на запад вплоть до преде-

[44] См.: *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья VIII—XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 224.

[45] См.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 49, 52, 59—60.

лов Испании, а ее восточная половина и южная часть начинаются у *Понта* и доходят вплоть до Великого моря и кончаются у тех островов, которые называются Гадес[46].

Любопытно, что если в переводе Библии и Дон, и Черное море названы традиционными, восходящими к античности именами (*Танаис* и *Понт*), то в «Саге об Инглингах» наряду с *Танаисом* появляются изобретенные Снорри синонимы *Танаквисл* и *Ванаквисл*, а Черное море называется традиционным для древнескандинавской литературы именем *Свартахав* (*Svartahaf*, от *svartr* «черный» и *haf* «море»). Ни в одном другом древнеисландском сочинении Черное море в качестве границы между Европой и Азией не названо.

Tanais у Снорри стекает с гор, лежащих на севере за пределами всех населенных мест, т. е., можно думать, с Рипейских гор[47], протекает через *Великую Свитьод* и впадает в Черное море, что не противоречит античному представлению, унаследованному средневековой географией. Г. Сторм справедливо подметил, что под «правильным названием» Снорри, скорее всего, имел в виду «латинское наименование» этой реки[48].

Что касается синонимичных названий Дона *Tanakvísl* и *Vanakvísl*, то второе из них означает «Устье ванов» (*vana* — род. падеж мн. ч. от сущ. *vanr*, обычно употребляе-

---

[46] См.: *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 143, 147.

[47] Согласно древнеионийской легендарной традиции, на дальнем севере, выше крайних пределов Скифии, лежат Рипейские горы, с которых берут начало многочисленные и большие реки (см.: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 108).

[48] *Storm G.* Snorre Sturlassöns Historieskrivning: En kritisk Undersögelse. Kjöbenhavn, 1873. S. 105.

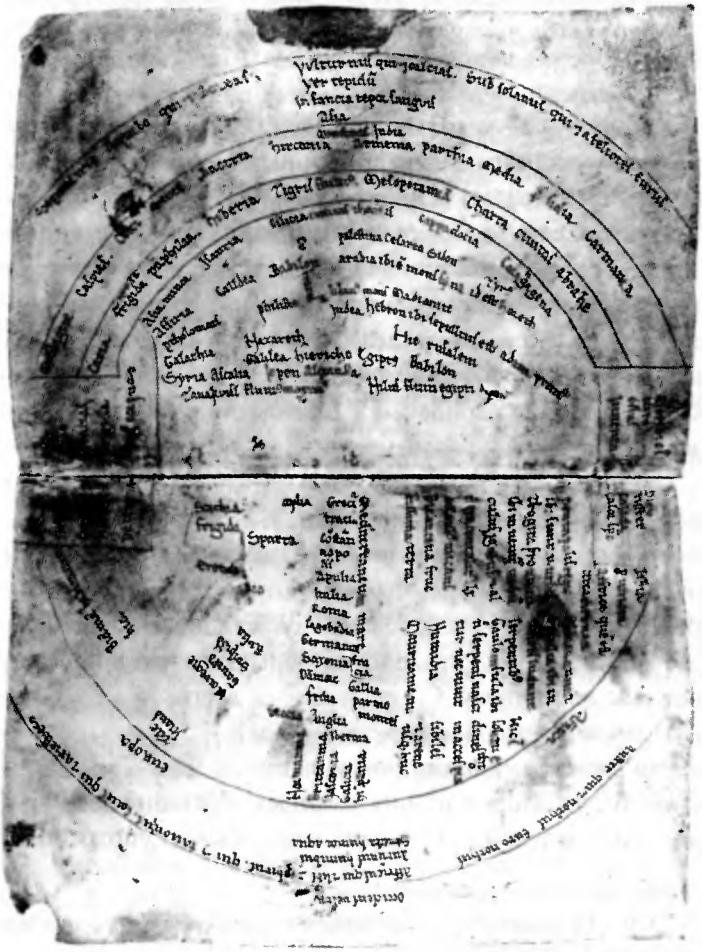


Рис. 2. Исландская карта середины XIII в.
Публикуется по: *Чекин Л. С.* Картография христианского Средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. Карта 16.

мого в форме мн. ч. *vanir* «ваны»[49]; *kvísl* «устье»[50]). Снорри строит свое изложение так, что из него можно заключить, будто путем следующего (невозможного в принципе) фонетического перехода латинское наименование Дона — *Tanais* — произошло от «Устья ванов»: *Vanakvísl* > *Tanakvísl* > *Tanais,* а значит, устье Дона издревле было местом обитания ванов. Определить место земного обитания ванов Снорри понадобилось потому, что в «Саге об Инглингах» он излагает миф о войне асов[51] и ванов (войне, приводящей к консолидации общины богов), но асы, противники ванов в этой войне, согласно легенде о заселении Скандинавии, имеют место земного обитания — они являются выходцами из Азии.

Искусственные построения Снорри можно было бы оставить без внимания, если бы они не имели дальнейшей истории. Однако на исландской карте середины XIII в. (GKS 1812 4°) граница между Европой и Азией обозначена как *Tanakvisl fluvius maximus* «Великая река Танаквисл»[52].

SEIMGOL (СЕЙМ)

Seimgol (Сейм) — левый приток Днепра, соединявший Днепровский путь с Волго-Окским и Донским, а

---

[49] *Ваны* — группа богов плодородия в скандинавской мифологии (см.: *Мелетинский Е. М.* Ваны // Мифы народов мира. М., 1980. Т. I. С. 214—215).

[50] *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 365, 678.

[51] *Асы* — основная группа богов в скандинавской мифологии, возглавляемая Одином. Асы противопоставляются ванам, но после войны асов и ванов ассимилируют этих последних (см.: *Мелетинский Е. М.* Асы // Мифы народов мира. М., 1980. Т. I. С. 119—120).

[52] *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья. С. 64—66, илл. № 16.

потому занимавший важное место в центральной части восточноевропейской речной системы. Такое прочтение гидронима предложено Е. А. Мельниковой[53]. Мне оно представляется более вероятным, нежели разделяемое рядом исследователей[54] и убедительно отвергнутое Мельниковой мнение, что следующие одно за другим имена *Seimgol* и *Duna* относятся к одной реке — «земгальской Двине», т. е. к Западной Двине.

Olkoga (Волга)

Существует мнение, что *Olkoga* — это обозначение Волхова[55]. На мой взгляд, подобное толкование исключено: в противном случае мы имели бы фиксацию этого имени в первом топонимическом пласте, ибо лежащая на Волхове Ладога (*Aldeigja*) была освоена скандинавами (согласно имеющимся археологическим данным) уже в середине VIII в., т. е. почти на век раньше, чем остальная часть пути «из варяг в греки». Однако в ранних источниках этого имени нет. *Olkoga* — принадлежность второго пласта, равно как и *Nepr* «Днепр», ибо в Днеп-

---

[53] *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 157.

[54] *Сапунов А. П.* Река Западная Двина (историко-географический очерк) // Витебск, 1893. С. 26; *Рожнецкий С.* Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе // ИОРЯС. СПб., 1911. Вып. XVI: 1. С. 68; *Брим В. А.* Путь из варяг в греки. С. 217; *Metzenthin E. M.* Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941. S. 90; *Свердлов М. Б.* Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX—XI вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., 1973. С. 53; *Pritsak O.* The Origin of Rus'. P. 548—589; *Якобссон Г.* Варяги и *Путь из Варяг в Греки*. С. 124.

[55] AR. T. 2. P. 431; *Брим В. А.* Путь из варяг в греки. С. 223: «ср. финское Olhava»; *Pritsak O.* The Origin of Rus'. P. 549; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 186, рис. 42.

ро-Двинское и Волго-Окское междуречья скандинавы, естественно, проникли несколько позднее, нежели в «начальные» точки пути. Выбирая между двумя прочтениями этого гидронима, Е. А. Мельникова затрудняется отдать предпочтение какому-либо одному из них и считает, что «единственное, что, пожалуй, говорит в пользу отождествления гидронимов Olkoga и Волга, — это сохранение в скандинавской форме окончания -га, свойственного финским субстратным гидронимам» европейского Севера, тогда как — утверждает исследовательница — «объяснить переход -ов в гидрониме Волхов (даже в его архаичной форме -ово-) в -ga невозможно»[56].

Nepr (Днепр)

Nepr упомянут в той же форме, что и в трактате «Великие реки», в скальдической туле (см. ниже) и в «Саге о крещении» (см. ниже). При сопоставлении древнескандинавской формы *Nepr* с древнерусской былинной формой *Нѣпръ* высказывались две противоположные точки зрения. С. Рожнецкому «кажется... естественным» «объяснение былинного Непра из др.-сканд. (и тоже из др.-шведского) Nepr»: он предполагает, «что существовали русские былины... сложенные по образцу варяжских песен, упоминающих Nepr, и перенятые вместе с их содержанием»[57]. Напротив, Е. А. Мельникова допускает, что скандинавская форма может восходить к русской былинной[58], и это представляется мне более вероятным, поскольку при создании топонимии и гидронимии как «Восточного», так и «Западного пути» древними скан-

---

[56] *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 156.

[57] *Рожнецкий С.* Из истории Киева и Днепра. С. 68—69.

[58] *Мельникова Е. А.* Древняя Русь в исландских географических сочинениях. С. 150.

динавами достаточно регулярно соблюдался принцип фонетического уподобления[59].

Здесь же упомяну, что как обозначение Днепра в древнескандинавской письменности также встречается форма *Danpr*, от которой происходит ойконим *Danparstaðir*, упоминаемый в двух эддических песнях — в «Гренландской Песни об Атли»[60] и в «Песни о Хлёде»[61] — и в одной из саг о древних временах — в «Саге о Хервёр и конунге Хейдреке», местами восходящей к германской героической поэзии, но все же созданной в XIII в. и сохранившейся в рукописях XIV—XV вв.[62] Урсула Дронке полагает, что, вероятно, Днепр был зафиксирован в героических песнях как территория расселения готов, каковых здесь локализует римский историк VI в. Иордан[63]. Древнескандинавская форма *Danpr* соответствует форме *Danaper* у Иордана[64]. Аналогично Г. Шрамм рассматривает имя *Danpr* как восходящее к готской традиции название Днепра, употреблявшееся в Среднем Поднепровье[65].

---

[59] См.: *Джаксон Т. Н., Молчанов А. А.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. Л., 1990. Вып. XXI. С. 226—238.

[60] Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 312—317.

[61] Там же. С. 350—356.

[62] См. текст и перевод Г. В. Глазыриной в кн.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий. М., 1987. С. 151—159.

[63] The Poetic Edda. B. I: Heroic Poems / Ed. with translation, introduction and commentary by Ursula Dronke. Oxford, 1969. P. 51.

[64] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов: Getica / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997. С. 127—129, 166.

[65] *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. 4.17; 8.7; 13.14.

Nyia (Нева)

В связи с приведенными выше рассуждениями относительно гидронима *Olkoga* «Волга» возникает вопрос о том, почему название реки Невы принадлежит к более поздней традиции? Дело в том, что Нева была «в свое время много шире, чем теперь, и имела даже вид пролива в Финский залив, пролива, быть может, не исчезнувшего даже около времени Нестора, который прямо говорит, что "того озера (Нево или Ладожского) впадает устье в море Варяжское", т. е. не называет р. Невы, хотя знает Ловать, Волхов и другие» [66]. Соответственно, и скандинавы не знали этого гидронима. По мнению В. А. Брима, «путь из Финского залива в Ладожское озеро едущим мог представляться скорее каким-то заливом или проливом, чем рекою» [67]. Вполне возможно, что Нева и Ладожское озеро исходно воспринимались скандинавскими мореплавателями как непосредственное продолжение Финского залива, не требующее отдельного названия [68].

Финское слово *neva* означает «болотистая местность». Первоначально оно выступало именем не реки и не Ладожского озера (летописного «озера великого Нево»), а окруженной болотами южной части озера — *Nevajärvi* [69]. Скандинавское и ганзейское имя Невы *Ny*

---

[66] *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896. С. 10—11.

[67] *Брим В. А.* Путь из варяг в греки. С. 221.

[68] Яркую параллель дает, к примеру, итальянское Средневековье: «Средневековые мореплаватели полагали, что Дон впадает в Черное море и что его устье — нынешний Керченский пролив; Азовское же море считалось лишь расширением нижнего течения Дона перед впадением его в Черное море» (*Скржинская Е. Ч.* Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. М., 1949. Т. II (XXVII). С. 247).

[69] *Mikkola J. J.* Ladoga, Laatokka // Journal de la Société Finno-ougrienne. T. XXIII (1906). P. 9.

(Nü, Nyu), равно как и *Nyia* трактата «Великие реки», возникли путем народно-этимологического осмысления *Neva* как «новый»[70].

Kuma (Кама)

При том, что гидроним *Kuma* встречается только в одном тексте, исследователи соглашаются, что это — обозначение Камы, притока Волги[71].

* * *

Значительное число восточноевропейских рек названо и в одной из *тул* (скальдических перечней поэтических синонимов — так называемых *хейти*) конца XII в. Эти тулы приводятся в «Младшей Эдде» (после раздела «Язык поэзии») и включают в себя хейти морских конунгов и великанов, богов и людей, битвы и различных видов оружия, рыб и животных, неба и земли, морей и рек[72]. Интересующая нас тула состоит из шести строф по шесть строк в каждой и перечисляет возможные в скальдических стихах обозначения рек[73]. В трех ее строфах упомянуто шесть восточноевропейских гидронимов, пять из которых, действительно, не встречаются в поэзии скальдов. Это — *Dún* «Дон», *Dýna* «Западная Двина», *Olga* «Волга» (?), *Nepr* «Днепр» и *Dröfn* — река недалеко от Полоцка. Скальдам X в. известна лишь одна из шести названных здесь рек, а именно *Vína* (Северная Двина).

---

[70] Ibid. P. 10; *Брим В. А.* Путь из варяг в греки. С. 221.

[71] *Pritsak O.* The Origin of Rus'. P. 548–549; *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 209.

[72] Edda Snorra Sturlusonar / Finnur Jónsson. København, 1931. S. 205—206.

[73] *Гуревич Е. А.* Древнеисландская поэтическая синонимика. Традиция и ее ученое осмысление в XII–XIII вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. С. 8.

Dún (Дон)

В отличие от того, как он упоминается в трактате «Великие реки», Дон в скальдической туле никак не выделяется из общего перечня рек. О. Прицак предлагает двойное толкование исландского имени: «Дон» и «Донец»[74].

Olga (Волга [?])

По поводу гидронима *Olga* следует оговориться, что его прочтение не столь однозначно («Волга»), как это видится О. Прицаку[75]. Е. А. Мельникова, вслед за Е. А. Гуревич, видит в этом имени эпитет со значением «шумящий» и полагает, что «оно не является гидронимом и не может быть искаженным вариантом названия Волга». Впрочем, как подчеркивает исследовательница, в ряде рукописей вместо хейти *olga* мы обнаруживаем слово *Alkoga*, скорее всего, идентичное гидрониму *Olkoga* в географическом сочинении «Великие реки». Логичным представляется объяснение, что составителю тулы — исландцу начала XIII в. — локализация реки с названием *Olkoga* могла быть неизвестна, а потому он предпочел заменить неясный гидроним эпитетом *olga*[76]. Из этого рассуждения следует, что такого варианта, как *Olga*, у древнескандинавского обозначения Волги не было, но, тем не менее, очевидно, что до составителя тулы имя Волги в перечне рек, в том или ином виде, дошло.

Dröfn (Дрёвн)

О том, что *Dröfn* — это река недалеко от Полоцка, известно не из перечня имен, а из двух саг второй поло-

---

[74] *Pritsak O.* The Origin of Rus'. P. 297.

[75] Ibid. P. 549.

[76] *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 155.

вины XIII в., восходящих к несохранившейся латиноязычной «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Гуннлаугa (ум. ок. 1218 г.). Это — «Сага о крещении», епископская сага, известная из «Книги Хаука» (1323—1329 гг.), и «Прядь о Торвальде Путешественнике», сохранившаяся в рукописи XV в.

Сага повествует о двух исландцах, Торвальде Кодранссоне и Стевнире Торгильссоне, которые в 1000 году

> отправились оба вместе по всему свету и вплоть до Йорсалахейма (Палестины. — *Т. Д.*), а оттуда до Миклагарда (Константинополя. — *Т. Д.*) и далее до Кёнугарда (Киева. — *Т. Д.*) восточным путем по Непру (Днепру. — *Т. Д.*). Торвальд умер в Руссии (на Руси. — *Т. Д.*) недалеко от Паллтескьи (Полоцка. — *Т. Д.*). Там он похоронен в одной горе у церкви Иоанна Крестителя, и зовут его святым. Так говорит Бранд Путешественник: «Я пришел туда, где Торвальду Кодранссону Христос дал упокоение, там он похоронен на высокой горе вверх по течению Дрёвна у церкви Иоанна» [77].

Прядь, в свою очередь, сообщает, что Торвальд основал в *Гардарики* монастырь при церкви Иоанна Крестителя, где и окончил свою жизнь, и был там похоронен. «Тот монастырь стоит под высокой горой, которая зовется Дрёвн» [78].

Указание саги на то, что исландский миссионер Торвальд Кодранссон умер на Руси «недалеко от Полоцка» и похоронен «на высокой горе *upp í Drafne* (вверх по течению Дрёвна) у церкви Иоанна» не следует понимать буквально, поскольку число опорных ориентиров (этно-, топо- и гидронимов), с которыми можно соотнести ту или иную местность в пределах Древнерусского государства, крайне ограничено, и в понятие «недалеко от

[77] Kristni s., 43—44.
[78] Ibid. P. 78—79.

Полоцка» может входить, по саге, вся Полоцкая земля. На мой взгляд, в качестве вероятного местонахождения этой реки можно предложить район Браслава Завилейского[79], расположенного «на северо-западной окраине Полотчины, у литовских границ, в неприступном высоком месте, на перешейке между озерами Дривято и Новято»[80]. Помимо озера Дривяты, поблизости расположено озеро Дрисвяты, а в окрестностях — целый гидронимический узел со сходными названиями, любое из которых, в силу звукового сходства, могло быть передано при помощи скандинавского гидронима *Dröfn*. В предложенном толковании текста[81] реальная и саговая топография и гидронимия находятся в полном соответствии; в пользу него говорит также и вполне очевидное присутствие в этом регионе скандинавов (в 6 км к северу от Браслава находится Масковичское городище, при раскопках которого были обнаружены многочисленные фрагменты костей, датируемых XI—XIII вв., с нанесенными на них руническими надписями[82]); открытым, правда, остается пока вопрос о церкви Иоанна Крестителя. Впрочем, на одном из Браславских озер есть остров с названием *Монастырь*.

* * *

Итак, повторю еще раз: скандинавским источникам известно девять восточноевропейских рек. Это — Се-

---

[79] Ср.: *Ушинскас В.* О древнем Браславе // К 1125-летию Полоцка. Конференция «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». Полоцк, 1987. С. 71—72.

[80] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля в IX—XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии). М., 1966. С. 173.

[81] См.: *Джаксон Т. Н.* Austr í Görðum. С. 136—140.

[82] *Дучиц Л. В., Мельникова Е. А.* Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) // ДГ. 1980 г. М., 1981. С. 185—216.

верная Двина (*Vína*), Западная Двина (*Dýna*), Днепр (*Nepr, Danpr*), Нева (*Nyia*), Сейм (*Seimgol*), Дон (*Dún, Tanais*), Волга (*Olkoga*), Кама (*Kuma*) и река недалеко от Полоцка (*Dröfn*).

В памятниках древнескандинавской письменности содержатся также упоминания двенадцати городов, соотносимых как авторами этих сочинений, так и их последующими издателями и комментаторами с древнерусскими городами: это *Hólmgarðr, Aldeigjuborg, Kænugarðr, Pallteskia, Smaleskia, Súrdalar, Móramar, Rostofa, Sýrnes, Gaðar, Álaborg, Danparstaðir*[83]. Первые восемь из них практически однозначно отождествляются исследователями с Новгородом, (Старой) Ладогой, Киевом, Полоцком, Смоленском, Суздалем, Муромом и Ростовом (остальные имеют не столь однозначные толкования). Семь из этих восьми входят в число десяти городов, относимых русской летописью к IX веку. Со всей очевидностью проступает их «'водноторговый' характер»[84], их связь с важнейшими торговыми путями рубежа первого и второго тысячелетий: так, Полоцк, Смоленск, Муром, Ростов и Суздаль принадлежат водной магистрали Западная Двина — Днепр — Ока — Волга; Ладога, Новгород, Смоленск, Киев — этапы пути «из варяг в греки» (Волхов — Ловать — Днепр). Скорее всего, именно этим обстоятельством объясняется знакомство скандинавов с названными городами и фиксация этих топонимов в древнескандинавской письменности.

По скандинавским источникам не представляется, к сожалению, возможным составить представление о вре-

---

[83] См.: *Джаксон Т. Н.* Austr í Görðum. С. 61—82.

[84] Термин Д. А. Мачинского (*Мачинский Д. А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 19).

мени функционирования водных путей, поскольку в ранней традиции зафиксировалась гидронимия начального периода пребывания скандинавов в Восточной Европе, пока Ладога была «конечным пунктом» идущей со скандинавского севера торговой магистрали; а уже в более поздней — все прочие сведения. Вместе с тем совершенно очевидно, что в скандинавской картине мира присутствуют все основные восточноевропейские речные пути: Западнодвинский, Северодвинский, Днепровский и Волго-Камский.

ОЧЕРК 3

«ТРИ РЕКИ ТЕКУТ С ВОСТОКА ЧЕРЕЗ ГАРДАРИКИ, И САМАЯ БОЛЬШАЯ РЕКА ТА, ЧТО НАХОДИТСЯ ПОСРЕДИНЕ»

Восточноевропейская речная система была идеальной дорогой для дальней международной торговли, и, вне всякого сомнения, она была хорошо известна скандинавским викингам. В Очерке 2 я отмечала, что в памятниках древнескандинавской письменности зафиксированы названия девяти восточноевропейских рек: Северной Двины, Западной Двины, Днепра, Невы, Сейма, Дона, Волги, Камы и какой-то реки недалеко от Полоцка.

Как это ни парадоксально, в их число не входит (известный древнерусским книжникам) Волхов, хотя лежащая на Волхове Ладога (*Aldeigja*) была освоена скандинавами уже в середине VIII в., в то время как на остальной части пути «из варяг в греки» они археологически прослеживаются только со второй половины IX в., да и в источниках речь нередко идет о пути из Скандинавии в *Хольмгард* (Новгород) и обратно:

> Эймунд со своими людьми не останавливаются теперь в пути (из Норвегии. — *Т. Д.*), пока не пришли на восток в Хольмгард к конунгу Ярицлейву...[1]
>
> А весной собрался он (Харальд Сигурдарсон. — *Т. Д.*) в путь свой из Хольмгарда и отправился весной в Альдейгью-

---

[1] Flat., II, 1944. 202.

борг, взял себе там корабль и поплыл летом с востока (в Швецию. — *Т. Д.*)[2].

Предположение, высказанное на основании материала саг, о том, что суда, ходившие по Балтике и по Волхову, не были однотипны, а следовательно, в Ладоге должна была существовать «дифференциация ремесленного труда по их снаряжению и ремонту»[3], подтвердилось археологически. Так, в горизонте E_1 (70—90-е гг. IX в.) «в 1958 г. был раскрыт комплекс, связанный с обработкой железа и бронзы, получивший название кузницы». Работавший здесь мастер среди прочего изготовлял «заклепки, очевидно, для ремонта прибывших сюда северных кораблей»[4]. Более того, детали кораблей встречаются при раскопках в Старой Ладоге, начиная с самого нижнего горизонта, равно как и железные лодейные заклепки, известные по скандинавским памятникам[5]. На местное кораблестроение и ремонт грузовых судов указывают также находки корабельных досок, вторично использовавшихся в качестве лицевых частей мостовых, — находка 1970-х гг. на уровне III строительного горизонта Варяжской улицы[6]. С кораблестроением, или ремонтом кораблей, был связан и скан-

---

[2] ÍF, XXVIII, 1951. 91.

[3] *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 63.

[4] *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII—IX веков // АСГЭ. Вып. 27. 1986. С. 100.

[5] Там же. С. 101.

[6] *Uino P.* On the History of Staraja Ladoga // Acta Archaeologica. Vol. 59 (1998). København, 1989. P. 217; *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 112.

динавский производственный комплекс VIII в., открытый в 1973—1975 гг.[7]

Не называют скандинавские источники и реки, ведшей, помимо Невы, из Финского залива в Ладожское озеро и затем в Ладогу, а именно Вуоксы. Последняя представляла собой до XVI в. сквозную водную артерию, шедшую через древнекарельскую племенную территорию от современного Выборга до Приозерска. Картографирование археологических памятников и кладов позволяет говорить о достаточно активном использовании Вуоксинского пути в Ладогу во второй половине VIII — XI в.[8] Любопытно, что маркирующий топоним на этом пути источникам известен, а именно — *Выборг (Véborg)*, упомянутый в рунической надписи на камне 1050—1060-х гг. из Гарн-церкви в Оссебю (U 180)[9].

Как подчеркивалось в Очерке 1, древнескандинавские источники в целом отличаются «необычайной скудостью и часто неточностью» в описании всего пути «из варяг в греки»[10]. Причина, вероятно, заключается в том, что в картине мира древних скандинавов, знакомых с системой речных путей и волоков Восточной Европы, присутствовало представление о том, что по ним можно доплыть из Балтики до Руси и даже до Греции. Не слу-

---

[7] *Рябинин Е. А.* Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // СС. Вып. XXV. 1980. С. 174.

[8] Подробнее см.: *Спиридонов А. М.* Исландские саги как источник по раннесредневековой истории Карелии (к постановке вопроса) // СС. Вып. XXXII. 1988. С. 132—134.

[9] *Zilmer K.* 'He drowned in Holmr's sea — his cargo ship drifted to the sea-bottom, only three came out alive': Records and representations of Baltic traffic in the Viking Age and the Early Middle Ages in early Nordic sources. Tartu, 2005. P. 142—144.

[10] *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII сер. Отд-ние обществ. наук. СПб., 1931. С. 201.

чайно, Адам Бременский, имевший датских информантов, объясняет в «Истории гамбургских архиепископов» (1070-е гг.) название Балтийского моря тем, что оно «наподобие пояса (лат. *balteus* значит «пояс») простирается по областям Скифии до самой Греции»[11], а также утверждает, что из Шлезвига «корабли обыкновенно отправляются в Славянию и в Швецию, и до самой Греции»[12].

Подобная абстрактная гидрографическая идея существовала не только в древнескандинавском сознании. Так, И. Г. Коновалова подвергла тщательному анализу гидроним «Русская река» в употреблении арабского географа середины XII в. ал-Идриси. Ей удалось выявить сложный состав рассказа ал-Идриси о «Русской реке» и на этом основании придти к выводу о невозможности однозначного ее отождествления с каким-либо географическим объектом на территории Восточной Европы. По мнению исследовательницы, арабский гидроним выражает одну «идею, а именно возможность попасть из северных областей Европы на юг». Не без основания в качестве параллели этому последнему она приводит два топонима, созданных в рамках иных культурных традиций, — древнерусский путь «из варяг в греки» и «Восточный путь» ранних королевских саг[13].

Мне представляется, что в памятниках древнескандинавской письменности имеется более близкая парал-

---

[11] Adam. Lib. IV. Cap. 10. Перевод А. В. Назаренко и его анализ этого места у Адама Бременского см. в кн.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 274—277.

[12] Adam. Lib. IV. Cap. 1.

[13] См. в настоящем издании: Гл. II. Часть II. Очерк 4: «“Русская река”: старый гидроним в новом контексте»; см. также: *Коновалова И. Г.* Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6. С. 192—219.

лель «Русской реке» ал-Идриси. Это — безымянная «большая река» «Саги об Ингваре Путешественнике».

«Сага об Ингваре Путешественнике», как правило, причисляется к сагам о древних временах. По мнению Д. Хофмана, дошедший до нас текст представляет собой выполненный до 1200 г. исландский перевод утерянного ныне латинского оригинала, сочиненного в конце XII в. Оддом Снорраcоном, монахом Тингейрарского монастыря в Исландии[14]. Сага сохранилась в двух пергаменных рукописях середины XV в. и в большом числе бумажных списков XVII—XIX вв.

Сага повествует о событиях середины XI в. Главный ее герой, чьим именем она и названа, — шведский хёвдинг Ингвар, сын Эймунда, отправившийся со своей дружиной «на восток».

> Через некоторое время отплыл Ингвар из Свитьод с тридцатью кораблями и не спускал парусов, пока они не приплыли в Гардарики; и принял его конунг Ярицлейв с большим почетом. Там Ингвар пробыл три зимы и научился говорить на многих языках. Он слышал рассказы о том, что три реки текут с востока через Гардарики, и самая большая та река, что находится посредине. Тогда стал Ингвар ездить по всему Аустррики и спрашивать, не знает ли кто, откуда течет та река; но никто не мог этого сказать. Тогда собрался Ингвар в путь из Гардарики и хотел пройти всю ту реку и узнать ее протяженность. [...] После этого поплыли они по реке с тридцатью кораблями, и держит Ингвар путь на восток[15].

Путешествие по реке, согласно саге, было непростым: здесь встречались змеи, летающие драконы, ужасные ве-

---

[14] *Hofmann D.* Die *Yngvars saga víðförla* und Oddr munkr inn fróði // Specvlvm Norrœnvm: Norse Studies in Memory of Gabriel Turville-Petre. Odense, 1981. S. 188—222; *Wolf K.* Yngvars saga víðförla // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / ed. Ph. Pulsiano. New York; London, 1993. P. 740—741.

[15] Y. s., 12: 1—12, 16—17.

ликаны, драконы, лежащие на золоте, королевы, говорящие на многих языках, языческие женщины, заражающие смертельной болезнью воинов, циклопы и даже сам дьявол; на пути оказывались скалы, водопады, пороги, большие селения и даже город из белого мрамора.

Попытки «выяснить», что это за река, оказались весьма беспомощными и довольно противоречивыми. Первым, кто высказал свое предположение, был неизвестный автор, создавший в XIV в. «Сагу о Хрольве Пешеходе». Рассказывая о конунге Хреггвиде, он сообщил, что тот «подчинил себе земли по реке Дюна (Западная Двина. — *Т. Д.*), которая течет по Гардарики... Эта река — третья или четвертая по величине на земле. Источник этой реки искал Ингвар Путешественник, как говорится в саге о нем»[16]. Те современные исследователи, которые исходили в первую очередь из того, что «Сага об Ингваре» повествует о том же походе Ингвара в *Серкланд*, о котором сообщают около тридцати шведских рунических надписей, и помещали *Серкланд* в Поволжье или Прикаспии, были убеждены, что это Волга[17]. Волгой считают реку и те, кто придал значение указанию саги, что это — «самая большая» из трех рек, текущих по *Гардарики*[18]. Те, кто обратил внимание на описание порогов на реке, и те, кто связал поход Ингвара с походом русских на Византию, естественно, определили описанную сагой реку как Днепр[19]. М. Ларссон, попы-

---

[16] Fas, III, 1830. 239.

[17] См., например: *Wessén E.* Om Ingvar den vittfarne, en sörmländsk vikingahöfding // Bidrag till Södermanlands alder kulturhistoria. Strängnäs, 1937. B. 30. S. 3—17.

[18] *Thulin A.* Ingvarståget — en ny datering? // Arkiv för nordisk filologi. Lund, 1975. B. 90. S. 19—29.

[19] *Мельникова Е. А.* Экспедиция Ингвара Путешественника на восток и поход русских на Византию в 1043 г. // СС. Вып. XXI. 1976. С. 74—88.

тавшийся «направить» поход Ингвара в Закавказье, посчитал наиболее отвечающей описанию реку Риони[20].

Не более удачной, с методической точки зрения, видится мне и другая крайняя позиция, сводящаяся к отказу от обнаружения в саге «подлинных географических фактов» и к признанию того, что «в саге происходит переосмысление реального историко-географического материала: рассказ об имевшем место плавании Ингвара по восточноевропейской реке переводится в область символического отображения путешествия героев из мира христиан в мир людей и существ, не приобщившихся еще к правой вере»[21].

Я не сторонник буквального (или, как его еще называют, «линейного») прочтения сагового текста, тем более, если речь идет о сагах о древних временах. Вместе с тем я убеждена, что в любом саговом тексте всегда содержится некая «косвенная» информация, являющаяся, как правило, ненамеренным, неосознанным отражением неких фоновых знаний. Что касается «большой реки» «Саги об Ингваре», то как существенную в ее описании я рассматриваю не ту информацию, которая «лежит на поверхности», которая, скажем, может быть заимствова-

---

[20] *Larsson M.* Ett ödesdigert vikingståg Ingvar den Vittfarnes resa 1036—1041. Södra Sandby, 1990. S. 44.

[21] *Глазырина Г. В.* Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 314, 315. Временами, забыв свой собственный вывод о том, что «путь к источнику "большой реки" в тексте равнозначен пути к духовному совершенству» (с. 198), Г. В. Глазырина отвлекается на топографические детали, присутствующие в саге, и на их основании заключает, например, что «нельзя полностью исключить возможность того, что маршрут отряда Ингвара мог пролегать в направлении Средиземноморья» (с. 341), или что признание «Хольмгарда / Новгорода» «местом пребывания русского конунга Ярицлейва» «соответствует исторической действительности» (с. 293).

нием из «Этимологий» Исидора Севильского (как название мыса Сиггеум[22] и др.), либо имеет параллели в других сагах (как преодоление водных преград путем рытья обводных каналов[23]). На мой взгляд, имеет смысл обратить внимание на два менее очевидных, но весьма важных момента: то, как автор саги определяет крайние точки, соединяемые «большой рекой», и то, как он воспринимает направление движения по этой реке.

Начну с последнего. Находясь при дворе «конунга Ярицлейва» (князя Ярослава Мудрого), герой саги узнаёт, что интересующая нас река течет «с востока через Гардарики». В скандинавской ориентационной системе, о которой мне неоднократно приходилось писать[24], весь мир поделен на четверти (северную, южную, западную, восточную), и движение в пределах этих четвертей описывается не в соответствии с показаниями компаса, а в соответствии с названиями четвертей. При этом чем дальше в пределах какой-либо четверти продвигается саговый персонаж, тем дальше в этом же направлении будет описываться его движение. Так, Эгмунд из Спангхейма, по «Саге о Хаконе Хаконарсоне», из *Бьярмаланда* (Беломорья) отправился «на восток в Судрдаларики (Суздальское княжество)», а оттуда «на восток в Хольмгарды (Новгородское княжество) и оттуда по еще более восточному пути к морю, и не останавливался, пока не прибыл в Йорсалир (Иерусалим)»[25].

---

[22] Y. s., 18: 7.

[23] Y. s., 16: 17—22; 18: 24—25; 19: 1—15.

[24] *Джаксон Т. Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 54—64; *Она же.* «Восточная часть мира»: ментальная карта средневекового скандинава // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 3. С. 62—66.

[25] Hák Hák. s., 371—372.

Все это позволяет заключить, что «большая река» «Саги об Ингваре», текущая «с востока через Гардарики», не текла, в представлении ее автора, с востока на запад, но вела из *Хольмгарда* (Новгорода) или *Кэнугарда* (Киева) — где бы автор саги ни помещал двор конунга Ярицлейва — еще дальше от Скандинавии, в пределах Восточной половины мира.

Но ведь из саги ни в коей мере не следует и то, что эта «большая река», текущая «с востока», обрывалась (оканчивалась) где-то в *Гардарики*. Единственное, что мы выносим из текста саги, это уверенность, что до *Гардарики* можно добраться на кораблях («отплыл Ингвар из Свитьод с тридцатью кораблями и не спускал парусов, пока они не приплыли в Гардарики») и что дальше можно тоже плыть, причем плыть по «большой реке», по которой можно двигаться на тридцати кораблях («после этого поплыли они по реке с тридцатью кораблями»), да еще и встретить плывущий навстречу флот из девяноста «галей»[26] (судов, распространенных в XII—XIV вв. в Средиземноморском и Черноморском бассейнах[27]).

Итак, если сопоставить эти разрозненные факты, перед нами вырисовывается совершенно очевидное описание водного пути из Скандинавии, через Русь и дальше — вне всякого сомнения, в южном направлении. Более того, в самом конце саги, в описании обратного маршрута Свейна, сына Ингвара, автор сам указывает на протяженность и направление этого водного пути:

> ...собирается Свейн в обратный путь и плывет с юга, пока не приходит в Свитьод[28].

---

[26] Y. s., 32: 14—15.

[27] *Карпов С. П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. М., 1994. С. 18—30.

[28] Y. s., 46: 14—15.

Сага дает и некоторое указание на то, куда, по мнению ее автора, вел водный путь с севера через Русь. После рассказа о смерти Ингвара сага сообщает о том, как его спутники покинули «государство» «королевы Силькисив»:

> Кетиль и его люди собираются прочь и желают королеве счастливо оставаться. Пустились они теперь в путь, и было у них двенадцать кораблей. И когда они проплыли некоторое время, разделилась тогда река на [несколько] путей, и разделились они, поскольку никто не хотел плыть за другими. Но Кетиль двигался в правильном направлении и приплыл в Гарды, а Вальдимар приплыл на одном корабле в Миклагард[29].

Мы видим из текста, что для автора саги «государство» «королевы Силькисив», до которого можно доплыть по «большой реке», лежит где-то за Константинополем, т. е., по-видимому, в Средиземноморье. Конечно, глядя на современную карту, трудно понять, как, возвращаясь из Средиземноморья, можно, двигаясь «в правильном направлении», приплыть на Русь, а сбившись с пути, придти в Константинополь, как вообще можно миновать Константинополь, направляясь на Русь. Но эти несообразности не требуют никакого иного объяснения, кроме констатации того факта, что в средневековом общественном сознании, в средневековой картине мира отразились не конкретные географические знания, а обобщенные представления, одним из которых, идущих еще от античности, было представление о том, что из северных областей Европы можно водным путем попасть на юг. Таким видел мир арабский географ, такой была ментальная карта средневекового скандинава.

---

[29] Y. s., 30: 13—18, 31: 1—2.

ОЧЕРК 4

«МИР» ДЛЯ ПРОЕЗДА ИЗ ЛАДОГИ В НОВГОРОД, ИЛИ О КОНТРОЛЕ НАД РЕЧНЫМИ ПУТЯМИ СО СТОРОНЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Практически с момента своего основания в VIII в. Ладога представляла собой «центр городовой волости (с XI в. — наместничества), располагавшейся вдоль порожистой части Волхова (Гостиннопольские и Пчевские пороги). Входившие в состав этой волости связанные с хозяйственным освоением окрестных земель поселения-сателлиты, а также дорожные станции контролировали низовье Волхова (длина около 60 км) и обслуживали международное судоходство» [1].

Ладогу в качестве промежуточного пункта на пути из Скандинавии в Новгород саги знают — об этом шла речь выше. Впрочем, этот маршрут известен нам лишь по «Кругу земному» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) и по «Саге об оркнейцах», да и то в той ее части, которая была переработана при участии Снорри Стурлусона (тоже ок. 1230 г.). Ни в скальдических стихах, использованных Снорри, ни в «Красивой коже», содержащей аналогичные рассказы о поездках из Руси в Швецию конунгов Магнуса Олавссона и Харальда Сигурдарсона, указания на путь через Ладогу нет.

---

[1] *Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., Петренко В. П.* Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 48—51; *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996. С. 54.

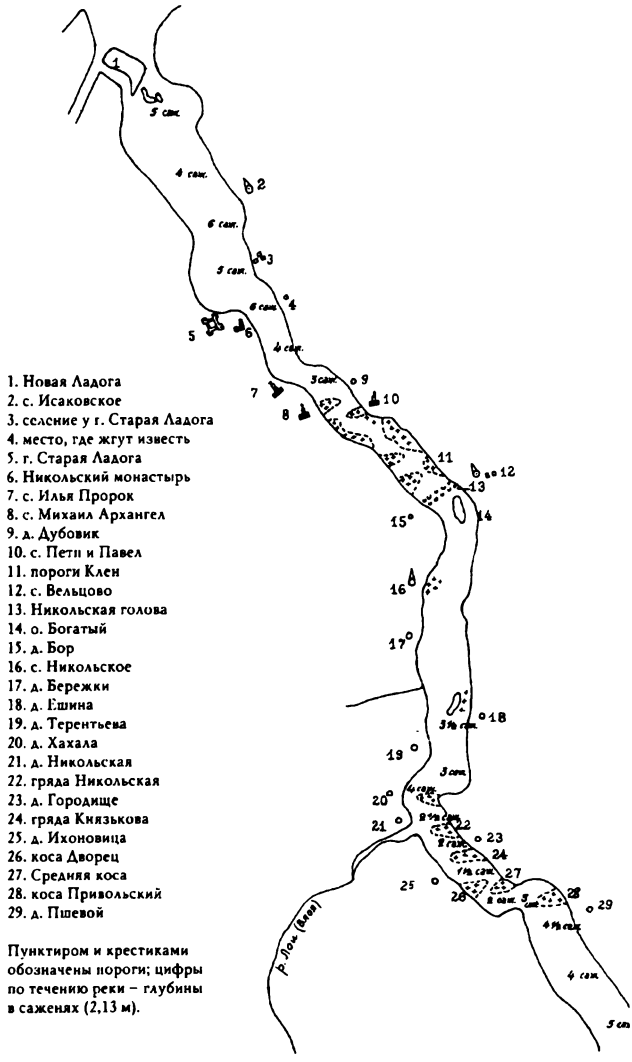


Рис. 3. План р. Волхов и ее порогов. 1783 г. Публикуется по: *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога: Древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 47.

Мне представляется, что саги сохранили также косвенную информацию о тех контрольно-пропускных функциях Ладожской волости, о которых писал целый ряд исследователей[2].

Так, последняя глава «Саги об Олаве Святом» в «Круге земном» Снорри Стурлусона повествует о поездке норвежских вождей на Русь за малолетним Магнусом в начале 1035 г.

> Ранней весной начинают они свою поездку, Эйнар Брюхотряс и Кальв Арнасон, и была у них большая дружина и самые лучшие люди, какие только были для этого в Трёндалёге. Они поехали весной на восток через [горы] Кьёль до Ямталанда, затем в Хельсингьяланд и оказались в Свитьод, сели там на корабли, поплыли летом на восток в Гардарики, *пришли осенью в Альдейгьюборг. Отправили они тогда послов вглубь страны в Хольмгард к конунгу Ярицлейву с сообщением*, что они предлагают взять с собой Магнуса, сына конунга Олава Святого, и сопровождать его в Норег, и оказать ему помощь в том, чтобы он добился своих родовых земель, и поддержат его в том, чтобы он стал конунгом над страной. *И когда это сообщение достигло конунга Ярицлейва, тогда держал он совет с княгиней и другими своими хёвдингами. Все они согласились, что норвежцам следует послать слово и тем самым вызвать их к конунгу Ярицлейву и Магнусу. Был им дан мир для их поездки.* И когда они прибыли в Хольмгард, то было решено между ними, что те норвежцы, которые туда приехали, переходят в руки Магнуса и становятся его людьми...[3]

---

[2] См., например: *Носов Е. Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИИМК. 164 (1981). С. 18—24; *Он же.* Поселения IX—X вв. в окрестностях Новгорода // Новгородский край. Л., 1984. С. 123—127; *Сорокин П. Е.* К вопросу о сообщении Новгорода с Балтийским регионом в средневековье // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1993. С. 110—115; и др.

[3] ÍF, XXVII, 1945. 414—415 (курсив здесь и далее в цитатах мой. — *Т. Д.*).

Обратим внимание на выделенные части этого фрагмента. Приплывшие *в Альдегьюборг (Ладогу)* норвежцы не отправляются все вместе вглубь территории, а посылают *послов* (*sendimenn*) в *Хольмгард* (Новгород) к князю *с сообщением* (*með orðsendingum*) о цели своей поездки. Ярослав получает это *сообщение* и после обсуждения сложившейся ситуации решает *послать* норвежцам, оставшимся в Ладоге, *слово* (*gera orð*) *и тем самым вызвать их* (*stefna þeim þannig*) к себе. Снорри тут же уточняет, что *им был дан мир для их поездки* (*varu þeim grið seld til þeirar ferðar*). Трижды употребленный здесь термин *orð* «слово» (с вариантом *orðsending* «послание») определенно указывает на то, что послы несли устную информацию. Для обозначения «мира» используется термин *grið*, отличающийся от синонимичного слова *friðr* «мир» тем, что выражает понятие, ограниченное во времени и пространстве. Речь идет о гарантированном безопасном проезде от Ладоги до Новгорода.

Вероятно, о том же гарантированном безопасном проезде по территории Руси говорит и монах Теодорик, лаконично излагая в своей латиноязычной хронике «История о древних норвежских королях» (1177—1180 гг.) историю возведения Магнуса на престол. Когда на Русь пришли четыре знатных норвежца, Ингигерд, жена Ярослава, отказалась отдать им мальчика, «если они клятвенно не пообещают, что он будет провозглашен королем... Те же, пообещав все и даже больше того, что от них требовалось, *получают разрешение уехать*...» [4].

Обратим внимание также на «Сагу о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» в своде королевских саг «Гнилая кожа» (1217—1222 гг.). Здесь не упоминается *Альдейгьюборг*, и потому в работах, посвященных Ладоге, эта сага не фигурирует. Тем не менее информа-

[4] HN, 44—45.

ция, в ней содержащаяся, заслуживает самого пристального внимания.

Сага в «Гнилой коже» имеет совершенно иной зачин, нежели «Сага о Магнусе» во всех прочих источниках. (Исключение — тождественная «Гнилой коже» версия «Книги с Плоского острова» на дополнительных листах второй половины XV в., а также восходящий к «Гнилой коже» и лишь отличающийся незначительно стилистически вариант саги по рукописи XIV в. «Хульда».) Здесь сага открывается неким, неизвестным по другим исландско-норвежским сочинениям, текстом, который также называют «Прядью о Карле Несчастном».

В «Пряди о Карле» говорится следующее:

> Нет теперь мира между Свейном Альвивусоном и конунгом Ярицлейвом, потому что конунг Ярицлейв полагал, что норвежцы повели себя недостойно по отношению к святому конунгу Олаву, и некоторое время не было между ними торгового мира[5].

Речь идет, как следует из дальнейшего изложения, о 1034 годе. Е. А. Мельникова рассматривает «указание на отсутствие торгового мира при Свейне» как свидетельство того, что такой мир между Русью и Норвегией существовал «в предшествующее время». Исследовательница заключает на этом основании, что «во время правления Олава Харальдссона был заключен торговый мир с Русью, обеспечивавший свободную торговлю и безопасность норвежских купцов на Руси». Наиболее вероятными годами заключения договора о торговом мире с Норвегией Мельникова считает 1024—1026 гг., проведенные Ярославом в Новгороде, между проигранной им битвой при Листвене и его возвращением в Киев[6].

---

[5] Msk., 5; ср.: Fms., VI, 7.

[6] *Мельникова Е. А.* Торговый мир Руси и Норвегии 1024—1028 гг. // ВЕДС: Международная договорная практика Древней

События 1034 г. развиваются, по «Пряди о Карле», таким образом, что на Русь («в Аустрвег») решают отправиться со своими людьми два норвежских купца (солевары, накопившие денег и занявшиеся торговлей), Карл и его брат Бьёрн. Они осознают, что «из-за заявлений конунга Свейна и конунга Ярицлейва и того немирья, которое существует между ними, это нельзя назвать безопасным». И все же они плывут на восток, «пока не приходят в Аустррики; и встают там у большого торгового города». Думаю, можно не сомневаться, что «большим торговым городом», в котором купцы собираются «купить себе всего необходимого» и откуда затем отправляются в *Хольмгард* (Новгород), была Ладога[7].

Норвежским купцам грозит нападение со стороны местных жителей, и *Карл отправляется к конунгу*. «Ничего не говорится о его поездке, пока он не приходит к конунгу Ярицлейву и приветствовал его». Ярослав «велел взять его и тотчас заковать в цепи, и так было сделано». Однако по просьбе Магнуса он освободил Карла. «И так хочет Магнус, — сказал он, — *чтобы тебе был дан мир*». («*И всем тем норвежцам*» — добавляет «Книга с Плоского острова».) Ярослав предложил Карлу либо уехать назад в Норвегию («Отправляйтесь с вашими товарами, как вам нравится»; в «Хульде» здесь следует вставка: «*и позаботьтесь сами, чтобы вам был мир от других местных жителей, если я дам вам свободу*»), либо остаться на зиму и весной выполнить его поручение.

Руси. IX. М., 1997. С. 35—41; *Melnikova E. A.* Þar var eigi kaupfriðr í milli Svens ok Jarizlefs: A Russian-Norwegian trade treaty concluded in 1024—1028? // Archiv und Geschichte im Ostseeraum: Festschrift für Sten Körner. Kiel, 1997. S. 15—24.

[7] Ср.: *Мельникова Е. А.* Торговый мир Руси. С. 38.

Карл соглашается на второе предложение, едет по весне с поручением в Норвегию, но там попадает в неволю. Ему удается бежать не без помощи Кальва Арнасона, знатного норвежца, сражавшегося в битве при Стикластадире против Олава Святого, но сейчас готового присягнуть на верность его сыну Магнусу. «Затем *едут они* на восток в Гардарики к конунгу Магнусу, и *оказывают конунг Ярицлейв и его люди Карлу самый что ни на есть радушный прием*, и рассказывает он им все о своих поездках, и затем рассказывает он конунгу Магнусу о деле Кальва». Карл говорит, что Кальв готов поклясться, что он не убивал конунга Олава, и желает присягнуть на верность конунгу Магнусу. «И вот *посылают за Кальвом*, и *получил уже Карл мир для него*». Карл приехал к Ярославу. «Дал Карл тогда такую клятву, что он не убивал конунга Олава, и присягнул на верность с этого времени Магнусу».

Вновь, если обратить внимание на выделенные части этого рассказа, мы можем заметить, что, как и знатные норвежцы, купцы тоже все сразу не едут вглубь страны — отправляется «к конунгу» один Карл. Очевидно, он должен получить разрешение («мир») для остальных купцов на проезд от Ладоги до Новгорода. Когда Ярослав освобождает Карла, он говорит, что Магнус просит *дать мир ему и всем тем норвежцам*, т. е. «мир» для Карла — не освобождение из заточения, а действительно право на провоз товаров, как и для остальных норвежцев, ожидающих его в Ладоге. Идущая ниже по тексту вставка в «Хульде», противопоставляющая «мир» от местных жителей по пути следования Карла и «свободу» от конунга, подчеркивает, что в понятие «мира» входит также «личная безопасность».

История Кальва Арнасона повторяет фактически ту же схему: «на восток в Гардарики» Карл и Кальв едут

вместе, но к Ярославу приходит только Карл. Это означает, что Кальв остается ждать, чтобы ему дали «мир» на проезд. «Мир», который Карл получает для Кальва Арнасона, вероятнее всего является гарантией его неприкосновенности, поскольку Ярицлейв и Магнус убеждены, что отец Магнуса, конунг Олав Святой, был убит именно Кальвом.

При том, что эта версия прибытия Кальва на Русь находится в противоречии с остальными вариантами того же сюжета в королевских сагах, при том, что мы не стремимся к извлечению из этого повествования прямой, буквальной, информации, мы определенно располагаем здесь очень важной информацией косвенной, а именно — указанием на то, что знатный норвежец, политический противник русского князя, должен был ожидать предоставления ему права на проезд вглубь страны. И, конечно, самым вероятным местом его временного пребывания была Ладога.

Любопытен в этом отношении рассказ «Пряди об Эймунде» о путешествии на Русь Эймунда Хрингссона и Рагнара Агнарссона:

> Эймунд со своими людьми не останавливаются теперь в пути, пока не пришли на восток в Хольмгард к конунгу Ярицлейву. Отправляются они сначала к конунгу Ярицлейву, как предложил Рагнар. Конунг Ярицлейв был в свойстве с Олавом, конунгом свеев. Он был женат на его дочери, Ингигерд. И когда конунг узнает об их прибытии туда в страну, посылает он мужей к ним с тем поручением, *чтобы дать им мир* и [пригласить их] к конунгу на хороший пир, и они охотно согласились [8].

Здесь в тексте содержится явное противоречие. Начинается рассказ со стереотипной формулы: «þeir lettu

[8] Eym. þ., 202.

eigi fyrr ferð sinni en þeir komu...» — «они не останавливались в своей поездке (они не прерывали своей поездки), пока не приехали...»[9]. Но через три фразы выясняется, что остановиться им, скорее всего, пришлось, — ведь только после того, как Ярослав узнал об их приезде, он послал им «мир». (Здесь, впрочем, вместо термина *frið* «мир, личная безопасность» употреблен термин *friðland* «мирная земля», использовавшийся традиционно викингами, когда они давали обязательство не грабить ту или иную территорию при условии, что им будут гарантированы приют и свободная торговля.) Похоже, что, вопреки стереотипному рассказу, в тексте отразились реальные черты — невозможность для знатных скандинавов беспрепятственно добраться до Новгорода и вероятная их остановка в Ладоге.

Вопрос в том, какого времени события перед нами — начала XI в., когда Эймунд и его попутчики отправились на Русь к князю Ярославу Мудрому, или конца XIV в., когда в состав самой крупной исландской рукописи «Книга с Плоского острова» (1387—1394 гг.) вошла «Прядь об Эймунде»? Приведенная выше стереотипная формула относительно безостановочного пути применялась в сагах в тех случаях, когда автор не располагал сведениями о каких-либо событиях во время пути. Делалось это регулярно и почти автоматически. Если бы составитель «Книги с Плоского острова» сознательно вносил в сагу информацию о «мире», данном путешественникам Ярославом, он должен был бы опустить «путевую формулу». Вероятнее, на мой взгляд, вторая возможность: составитель «Книги с Плоского острова» не придал значения рассказу о «мире», который присутствовал

---

[9] *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 385.

в более раннем тексте, и потому описал маршрут Эймунда еще и традиционным образом.

Скорее всего, и в XI в. «мир» давался тем же способом, что и в более позднее время. Для XII и XIII вв. мы такой информацией располагаем. Так, под 1188 г. Новгородская I летопись рассказывает о конфликте между новгородскими и немецкими купцами: в ответ на конфискацию новгородских товаров на Готланде новгородцы не позволили своим купцам отправиться за море, а находившихся в Новгороде варягов отпустили на очень сложных условиях — «ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира»[10]. Варяги, отпущенные из Новгорода, тем самым, не имеют гарантий личной безопасности: у них нет «мира», т. е. некоего охранного документа, и нет с ними «съла», т. е. человека, обязанного сопровождать иностранцев в пределах Новгородской земли как при приезде, так и при отъезде[11].

О «послах», выполняющих указанные функции, говорится в Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле (1262—1263 гг.) и в Проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде (1269 г.)[12]. В договорах XIII в. Новгород брал на себя ответственность за безопасность плавания иноземных купцов на участке пути от острова Котлин до Новгорода. Здесь же были подробно оговорены условия и обстоятельства перехода через волховские пороги при участии «пороговых лоцманов» (*vorschkerle*), обязанных доставлять суда и товары от Ладоги до Новгорода без ущерба и повреждений. Как комментирует это место до-

[10] НПЛ. С. 39.

[11] *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 29, прим. 15.

[12] ГВНП, № 29, 31.

говоров В. А. Брим, «получается впечатление, что вся организация этого перехода идет еще от времен варягов и была унаследована ганзейскими купцами почти без всяких изменений»[13].

О том, как осуществлялись контрольные функции, как передавалась информация, в какой форме давался «мир», мы можем судить также по серии работ, посвященных функционированию подвесок со знаками Рюриковичей на Руси и верительных знаков (*jartegnir*) в Скандинавии[14].

Вполне естественно, что опорными и контрольными пунктами на водном пути от Ладоги до Новгорода служила цепочка укрепленных поселений, располагавшихся вдоль Волхова, — Любша, Новые Дубовики, Городище, Холопий городок. Ладога действительно занимала «ключевое положение на этом пути, ведущем из Балтики вглубь Руси и далее на Восток». А. Н. Кирпичников полагает, «что торгово-пропускные функции Ладожской области, отчетливо выступающие во времена новгородско-ганзейской "коммерции", были унаследованы от значительно более ранней поры»[15]. Вероятно, в сагах мы находим подтверждение этого тезиса.

---

[13] *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР. VII сер. Отд-ние обществ. наук. СПб., 1931. С. 225.

[14] См., например: *Белецкий С. В.* Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996. С. 35—40; *Молчанов А. А.* «Верительные знаки» в древнескандинавских сагах // Там же. С. 32—35.

[15] *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская волость. С. 96.

ОЧЕРК 5

Из Рима в Иерусалим с остановкой в Ладоге

Одна из трех редакций исландского перевода «Саги об Олаве Трюггвасоне» Одда Снорасона заканчивается следующей главкой (привожу ее с небольшими сокращениями):

Так говорил один умный человек, которого звали скальд Соти, что конунг Олав отправился после этой битвы в Вендланд вместе с королевой Астрид и Диксином и пробыл там два года. Оттуда отправились они в Веллонд (*i Vellond*). Там у Астрид были усадьба и земля. [*Олав отказался от различных предложений Астрид — провести там зиму, отправиться в Норвегию и вернуть себе страну, пойти походом на Англию.*] Тогда спросила она, что бы он выбрал, если бы она предложила ему выбор. Он сказал, что хочет поехать в Рим (*ut til Rums*). После этого поехали они на юг до Рейна (*suðr til Rinar*), и не захотела тогда Астрид ехать дальше. И дала она конунгу лошадь, навьюченную чистым серебром. Тогда повернула Астрид назад с пятью людьми, а Олав отправился на юг в Рим (*suðr til Rums*) с девятью людьми и говорил, что он норвежский купец. И когда он приехал в Рим (*til Romaborgar*), поселился он в подвале одного дома, и выходил оттуда, только когда слушал службу или когда было другое важное дело, и пробыл там одну зиму. А следующим летом отправился он на восток в Гарды (*i Garða austr*) и провел одну зиму в Альдейгьюборге (*i Alldæigiu borg*). Оттуда отправился он в Палестину (*til Iorsala*) и провел там три зимы. Казалось там всем людям, что он был выдающимся человеком, превосходящим всех других людей. И предложили ему люди в этой стране власть и управление над двумя городами и тремя замками, со

всеми податями, которые там полагались. И больше по причине их просьб, нежели из тщеславия, принял он эту власть и надел черные одежды и два года был настоятелем того монастыря, который находился недалеко от Иерусалима (*skamt fra Iorsalaborg*). И когда прошло пять лет с того времени, как он покинул Норвегию, пришли норманны в тот город, и конунг встретил их, и дал им в руки ту книгу, в которой была записана эта сага, и просил их поехать к конунгу Адальраду в Англию. И, как сообщают, эта сага с тех пор была у него. А после его смерти эту сагу взял конунг Эадвард... И знают с тех пор все его друзья правду о его судьбе. На этом заканчивается сага о конунге Олаве, которого по праву можно назвать апостолом норманнов. Сагу эту написал монах Одд, чтобы превознести этого выдающегося конунга... [1]

Описанные здесь события — что совершенно очевидно — не относятся к числу исторических фактов. Перед нами «вариант довольно распространенной средневековой легенды о герое, который не умер и не погиб в роковом для него бою, а скрылся или спасся; его с тех пор видели, и он рано или поздно вернется» [2]. Однако, хотя описываемые в легендах события «относятся к области фантазии, сам по себе рассказ — реальное событие, он возник в определенный исторический момент и является продуктом определенной социальной и политической, культурно- или духовно-исторической обстановки, другими словами, его следует рассматривать как исторический факт, а возможно даже и как исторически действенный фактор» [3]. Впрочем, реальностью дошед-

---

[1] Ó.Tr. Oddr, 259—261.

[2] *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 57.

[3] *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г.: Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова. М., 1974. С. 48.

шего до нас текста как явления своего времени не исчерпывается его значение: в любом, даже самом фантастическом материале, может быть выявлена косвенная информация, оказывающаяся неосознанным отражением существующих в обществе фоновых знаний или представлений.

Уточним датировки «Саги об Олаве Трюггвасоне». Сага была написана по-латыни монахом бенедиктинского Тингейрарского монастыря на севере Исландии, Оддом Снорраcоном (умершим в 1200 г.), во второй половине XII в. Исследователями время ее создания датируется неоднозначно: от 1160—1170 до ок. 1190 г. В своем латинском оригинале сага не сохранилась, но до нас дошли три списка ее перевода на древнеисландский язык. Они, в свою очередь, датируются по-разному: А. Хольтсмарк, к примеру, считает, что перевод не старше 1190 г., Олавур Хальдорссон — что он выполнен ок. 1200 г.[4] Посещение Олавом Трюггвасоном *Альдейгьюборга* (Ладога) после битвы при Свёльде (остров у вендских берегов, недалеко от Рюгена) описано только в редакции **U**. Две другие редакции саги (**A** и **B**) также знают особую версию конца жизни Олава после решающей битвы, но поездка на Русь и в Ладогу им неизвестна. Вероятно, вставка была сделана создателем редакции **U**, и произойти это могло немногим позднее времени составления саги, а именно в последнем десятилетии XII в.

Слухи о том, что Олав не погиб, а спасся, начали циркулировать сразу после битвы при Свёльде (1000 г.) и нашли отражение в «Поминальной драпе об Олаве Трюггвасоне» Халльфреда Трудного Скальда, датируе-

---

[4] Подробнее и литературу см. в: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 122—124.

мой 1001 годом[5]. В конце XII в., раньше, чем возникла редакция U саги монаха Одда, этого сюжета коснулись монах Теодорик (1177—1180 гг.), утверждавший, что «некоторые говорят, будто король спасся тогда на лодке и объехал чужеземные страны (*exteras regiones*) ради спасения своей души»[6], и автор «Обзора саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.). В последнем источнике рассказ о битве при Свёльде заканчивается ссылкой на существующее мнение, что Олав не погиб, а ушел в монастырь в Палестине (*á Jórsalalandi*)[7].

Маршрут Олава, описанный в редакции U исландского перевода саги монаха Одда — пеший переход от Рейна в Рим, а далее в Ладогу и Иерусалим — представляется по меньшей мере странным. Е. А. Рыдзевская, однако, считает упоминание Ладоги чертой исторической действительности. По ее мнению, «тот, кто это сделал, во всяком случае, отдавал себе отчет в значении Ладоги на великом водном пути, который вел на юг. Что это вставлено в рассказ о паломничестве Олафа в Палестину, легко объясняется тем, что скандинавы долго ездили туда через Русь и Византию, днепровско-черноморским путем, добираясь до Днепра по Волхову и Ловати или по Западной Двине. Летняя поездка на Русь с остановкой в Ладоге сильно отзывается историчностью, подлинной обстановкой поездок эпохи викингов»[8].

Попробуем далее посмотреть на материале источников, какими были представления средневековых скандинавов о путях в Рим и Иерусалим. Остановлюсь на нескольких самых известных примерах и попытаюсь их некоторым образом упорядочить хронологически.

---

[5] Skj., A, I, 159.

[6] Theodric, k. 14

[7] Ágrip, k. 20.

[8] *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге. С. 58.

Вторая половина XI в.: «Восточный путь» в Иерусалим

Самую раннюю информацию сохранили рунические надписи. Надпись на мемориальном камне из Стэкета (Упланд, Швеция), датируемая второй половиной XI в., явно указывает на путь в Иерусалим через территорию Древней Руси, поскольку таково в данном контексте значение наречия *austr* «на восток»[9]: «Ингирунн, дочь Хёрда, велела высечь руны по себе самой. Она собирается ехать на восток и далее в Иерусалим. Фот высек руны»[10]. Не столь однозначную информацию содержит надпись на камне из Бробю (Упланд, Швеция), «герой» которой умер в Греции, не доехав до Иерусалима: «Астрид велела установить эти камни по Эйстейну, своему супругу. Он направлялся в Иерусалим и умер далеко (?) в Греции»[11], хотя вполне вероятно, что именно из Упланда в Швеции он тоже двигался «Восточным путем».

Начало XII в.: сухопутные маршруты из Дании в Рим и из Дании в Константинополь; плавание из Константинополя в Иерусалим с остановкой на Крите

Датский конунг Эрик Добрый (1095—1103), согласно «Саге о Кнютлингах», в начале своего правления посетил святые места Рима, Венеции и Бари, совершив пеший переход из Дании и обратно[12], а в конце своего

---

[9] См. о нем: *Джаксон Т. Н.* Древнескандинавская топонимия с корнем aust- // СС. Вып. XXXI. 1988. С. 140—145.

[10] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977. № 79.

[11] Там же. № 99.

[12] Knýtl. s., k. 74.

правления собрался в паломничество в Иерусалим, но не сумел завершить его. «У него было большое конное войско и много пеших воинов», т. е. он пустился в сухопутный поход, и добрался он из Дании до *Миклагарда* (Константинополя). Император, среди прочих подарков, преподнес ему четырнадцать боевых кораблей. Эрик отплыл из *Миклагарда* в *Йорсалаланд* (Палестину), но, доплыв до Кипра в Греческом море, заболел и умер[13]. Ср. о паломничестве Эрика Доброго в «Дорожнике» аббата Николая (см. ниже).

Маршрут из Дании в Иерусалим, описанный сагой, известен также из небольшого географического сочинения под названием «Пути» (см. ниже), датируемого Е. А. Мельниковой «из общеисторических соображений» второй половиной XIII в. «Общеисторические соображения» сводятся к тому, что автор трактата «не говорит о водном пути на Русь и в Константинополь (через Балтийское море и речные системы Восточно-Европейской равнины)... что, вероятно, указывает на составление заметки в то время, когда Восточный путь практически перестал функционировать из-за завоевания немецкими и датскими крестоносцами Восточной Прибалтики, шведских крестовых походов в Финляндию... и монголо-татарского нашествия»[14]. Что касается «Саги о Кнютлингах», то в ней мы вряд ли можем усматривать описание «общеисторически» оправданного маршрута середины XIII в. (времени записи саги), поскольку рассказ саги основан на цитируемой здесь же «Драпе об Эйрике», сочиненной в 1104 г. Маркусом Скеггьясоном, недвусмысленно указывающей на то, что оба путешествия датского конунга Эрика были сухопутными. Оче-

[13] Ibid., k. 81.

[14] *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую Землю // ДГ. 1999 г. М., 2001. С. 424.

видно, что в середине XIII в. сага рассказывает о реальных событиях и маршрутах начала XII в.

Начало XII в.: «Западный» морской путь из Норвегии в Иерусалим; плавание из Иерусалима в Константинополь с остановкой на Кипре; пеший маршрут из Константинополя в Данию через Болгарию, Венгрию и Германию

Три свода королевских саг, записанных примерно через сто лет после смерти знаменитого норвежского короля Сигурда Магнуссона (1103—1130), получившего прозвище Крестоносец, повествуют о его походе в Святую Землю, не слишком расходясь в описании его маршрута. Как следует из их рассказов, он отплыл из Норвегии в Англию, где провел зиму, далее он поплыл во Францию, затем вдоль западного побережья Испании, минуя города Лисабон и Алькассе, далее через Гибралтарский пролив, вдоль Северной Африки к острову Форментера, к острову Ивиса и к острову Манорк; он приплыл на Сицилию, вслед за тем из Греческого моря отправился в *Йорсалаланд* (Палестину), а оттуда в *Йорсалаборг* (Иерусалим). На обратном пути он приплыл на Кипр и затем в Константинополь. Там он оставил корабли, а позолоченную голову со своего корабля поставил в церкви св. Петра. Император подарил ему лошадей и дал провожатых. Он «поехал сначала в Болгараланд (Болгарию. — *Т. Д.*), затем через Унгараланд (Венгрию. — *Т. Д.*) и Паннонию, Сваву (Швабию. — *Т. Д.*) и Бюйараланд (Баварию. — *Т. Д.*). Там он встретился с Лоцариусом кейсаром из Румаборга (герцог Лотарь Саксонский, 1075—1137, император Священной Римской империи с 1133 г. — *Т. Д.*), который его очень хорошо принял, дал

ему провожатых по всей своей стране и велел обеспечить ему покупку всего необходимого. Когда Сигурд конунг приехал в Слесвик в Дании, Эйлив ярл дал в его честь роскошный пир. Это было в середине лета. В Хейдабю он встретился с Николасом конунгом датчан. Тот его очень хорошо принял, проводил его сам на север Йотланда и дал ему корабль со всей оснасткой. На этом корабле он поплыл в Норвегию. [...] Поход длился три года»[15].

Итак, вновь перед нами «круговой» маршрут: западный, океанический и морской на пути из Норвегии в Палестину, морской от Иерусалима до Константинополя, сухопутный на обратном пути от Константинополя до Дании и вновь морской от Дании до Норвегии. Более того, хотя он и описан в сводах саг первой трети XIII в., маршрут этот не может рассматриваться нами лишь как отражение представлений людей XIII века, поскольку сведения саг, по крайней мере о первой части пути, вновь основываются на стихах скальдов начала XII в. — современников описываемых событий: Торарина Короткий Плащ, Эйнара Скуласона и Халльдора Болтуна.

Середина XII в.: варианты сухопутного маршрута из Скандинавии в Святую Землю

О существовании различных пеших путей через Центральную Европу нам достоверно известно из древнейшего дошедшего до нас исландского итинерария — «Дорожника» аббата Николая, составленного им в 1150-х гг.

---

[15] ÍF, XXVIII, 239—254; перевод — Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 487; ср.: Msk., 338—353; ср.: Fask., k. 51.

после паломничества в Рим и Иерусалим[16]. Николай называет два маршрута из Норвегии до Майнца — через Данию и через Фризию; указывает два варианта центральногерманского отрезка маршрута и т. д. Фактически, «он не только описывает свой собственный маршрут, но рисует разветвленную сеть дорог, которыми следовали паломники»[17].

Конец XII в.: «Восточный путь» из Скандинавии в Константинополь и обратно

«Обзор саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.) рассказывает о том, как Харальд Сигурдарсон добрался до Константинополя после битвы при Стикластадире (1030 г.) и как он по прошествии лет вернулся на родину. Эти тексты указывают на традиционный для XI в. (о чем, как мы видели выше, говорят рунические надписи) путь «из варяг в греки»: «Он бежал после его (Олава Харальдссона. — *Т. Д.*) гибели прочь из страны и в Аустрвег, и так до Миклагарда»; «И вот когда проходит некоторое время, отправляется Харальд, брат Олава Святого, домой из Гарда (Миклагарда. — *Т. Д.*) через Аустрвег на торговом корабле...»[18]. Вместе с тем из «Обзора» можно понять, что и в конце XII в. «Восточный путь» воспринимался как естественный маршрут из Скандинавии в Константинополь и обратно.

---

[16] *Lönnroth L.* A road paved with legends. The pilgrim itinerary of Nikolás Bergsson // *Lönnroth L.* Two Norse-Icelandic Studies. Göteborg, 1990. P. 17—34; *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские итинерарии. С. 369—415.

[17] *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские итинерарии. С. 374—375.

[18] Ágrip, k. 32, 38.

Конец XII в. или середина XIII в.: «Восточный путь» из Иерусалима в Скандинавию, через Константинополь

Согласно «Саге о крещении», Торвальд Кодранссон и Стевнир Торгильссон «после исчезновения конунга Олава» (т. е. после 1000 г.) «отправились вдвоем по всему свету и вплоть до Йорсалахейма (Палестины. — *Т. Д.*), а оттуда до Миклагарда (Константинополя. — *Т. Д.*), и так до Кёнугарда (Киева. — *Т. Д.*) еще восточнее по Непру (Днепру. — *Т. Д.*). Торвальд умер в Руссии недалеко от Паллтескьи (Полоцка. — *Т. Д.*). Там он похоронен в одной горе у церкви Иоанна Крестителя... Стевнир тогда отправился на север в Данию» [19].

В «Пряди о Торвальде Путешественнике» герой много путешествовал и добрался до Иерусалима, чтобы посетить святые места. Он побывал также во многих местах в Греции и пришел в Константинополь. Затем он был поставлен византийским императором «правителем над всеми конунгами в Русланде и во всем Гардарики». Там он основал монастырь Иоанна Крестителя, в котором и окончил свои дни [20].

«Сага о крещении», записанная во второй половине XIII в., возможно, Стурлой Тордарсоном (умершим в 1284 г.), восходит к некоему утерянному сочинению середины XIII в. К нему же восходит и «Прядь о Торвальде Путешественнике» (до 1250 г.), а оно, в свою очередь, считается восходящим к несохранившемуся латиноязычному жизнеописанию Олава Трюггвасона, созданному монахом Гуннлаугом Лейвссоном (до 1200 г.). Сведений о более ранних источниках информации о Торвальде и его странствиях мы не имеем, а потому мы

[19] Kristni s., 43—44.
[20] Þorv. þ., 79.

должны заключить, что оба текста фиксируют представление о возможности попасть из Иерусалима на Русь (в Киев, Полоцк) через Константинополь, а далее добраться до Скандинавии (в частности, до Дании), существовавшее либо в самом конце XII в., либо в середине XIII в.

Первая треть XIII в.: из Руси через южнобалтийские земли и Центральную Европу в Рим и Константинополь

Большому числу скальдических стихов второй четверти XI в. и сводов саг XIII в. известно о том, что будущий норвежский правитель Харальд Суровый Правитель провел в юности много лет на востоке — на Руси (1031—1033 гг.) и в Византии (1034—1043 гг.). Как следует из «Гнилой кожи» (1220—1230 гг.), он посватался к Елизавете, дочери Ярослава Мудрого. Ярослав сказал, что не может отдать дочь чужеземцу, у которого «нет государства для управления» и который недостаточно богат для выкупа невесты, но при этом не отверг его предложения и обещал «сохранить ему почет до удобного времени»[21]. «Гнилая кожа» описывает маршрут, которым Харальд попал из Киева в Константинополь: «И после этого разговора собрался он отправиться прочь из страны, о чем упоминается в его песни, что он отправился с войском на восток по Вендланду, и так до Саксланда (Саксонии. — *Т. Д.*), и дальше на запад по Фракланду (Франции. — *Т. Д.*), как сказал Иллуги... [*в висе исландского скальда XI в. упомянуты Frakkar «франки»*]. Оттуда он отправился в Лангабардаланд (Ломбардию. — *Т. Д.*) и затем в Ромаборг (Рим. — *Т. Д.*), а после

[21] Msk., 58—59.

этого в Пул (Апулию. — *Т. Д.*) и там взошел на корабль, и поплыл оттуда в Миклагард (Константинополь. — *Т. Д.*) к императору, как говорит Бёльверк... [*в висе исландского скальда XI в. говорится о том, как Харальд подошел на боевых кораблях к Миклагарду*]»[22]. Как мы видим, сага описывает не самый короткий путь из Руси в Константинополь (включающий в себя пеший переход из Франции, или даже Саксонии, в Рим и Апулию), более того, не тот путь, которым Харальд по прошествии лет, по словам той же саги, оттуда возвращается (через Черное море)[23]. Собственно говоря, согласно «Гнилой коже», в путешествии Харальда замыкается тот же путевой круг, включающий восточноевропейский речной и центральноевропейский сухопутный маршруты, что и в саге монаха Одда, повествующего о странствиях Олава Трюггвасона.

Описание «кругового» маршрута Харальда из Руси в Константинополь через Балтийское море, Центральную Европу, Италию, Средиземное и Эгейское моря автор «Гнилой кожи» строит на основании «Песни о Харальде Суровом» Иллуги Скальда из Долины Брони. Нам трудно сейчас судить о том, содержалась ли в песни скальда XI в. какая-либо иная информация о путешествии Харальда, нежели упоминание *Frakkar* «франков» в строфе, цитируемой в «Гнилой коже», поскольку до нас дошло всего четыре строфы данной песни и три другие строфы соответствующей информации не несут. Более того, мы не знаем, идет ли у скальда речь об этом конкретном путешествии. Единственное, что очевидно, это то, что других строф скальда Иллуги или иных авторов, подтверждающих весь маршрут Харальда, «Гнилая кожа» не упоминает. Соответственно, у нас есть основания

[22] Ibid., 59.

[23] Ibid., 84—85; ср.: Fask., k. 51; ÍF. XXVIII, 88; Fms., VI, k. 15.

полагать, что если автор данного свода саг сознательно отправил Харальда из Руси в Константинополь кружным путем (а не так, как это сделал автор «Обзора», о чем речь шла выше), то мы имеем дело с отражением представлений первой трети XIII в.

Первая половина XIII в.: варианты сухопутного маршрута из Скандинавии в Рим

Согласно «Красивой коже» (ок. 1220 г.), в Рим в паломничество отправился (в 1027 г.) датский и английский король Кнут Великий. Из Англии он переплыл на корабле во Францию, а дальше он и его люди, с сумой и посохом, пошли в Рим[24]. «Сага о Кнютлингах» (сер. XIII в.) уточняет, что пеший переход в Рим он совершил из *Флемингьяланда* (Фландрии)[25]. Таким образом, в этих источниках отразились знакомые скандинавам первой половины XIII в. пешие переходы из Франции и из Фландрии в Рим.

Вторая половина XIII в.: сухопутные маршруты в Рим и Константинополь—Иерусалим

Выше упоминалось географическое сочинение «Пути» (втор. пол. XIII в.). В нем лаконично описываются два сухопутных маршрута из Дании — один в Рим, а другой, через Венгрию, либо на Русь, либо в Константинополь—Иерусалим: «Из Ютландии сушей ездят через Саксланд (Саксонию. — *Т. Д.*) и Фракланд (Францию. — *Т. Д.*), через Лангбардаланд (Ломбардию. — *Т. Д.*) в Ромаборг (Рим. — *Т. Д.*). Из Саксланда сушей ездят в Ун-

[24] Fask., k. 40.
[25] Knýtl. s., k. 17.

гараланд (Венгрию. — *Т. Д.*), а оттуда можно ехать на восток в Гарды (на Русь. — *Т. Д.*) или в Грикланд (Грецию. — *Т. Д.*) до Миклагардсборга (Константинополя. — *Т. Д.*) и дальше до Йорсалира (Иерусалима. — *Т. Д.*)»[26].

Конец XIII в.: варианты сухопутного маршрута из Скандинавии в Рим

Записанная в последней четверти XIII в. (между 1275 и 1290 гг.) «Сага о Ньяле» описывает два паломничества в Рим, совершенных в начале XI в. Сначала Флоси отправился «через море на юг и там начал свое паломничество. Он шел пешком и не останавливался, пока не пришел в Рим. Там он был в большом почете, так что сам папа отпустил ему грехи, а он дал за это много денег. Он отправился назад восточным путем (*hann fór þá aptr hina eystri leið*), останавливался во многих городах, бывал у знатных людей и повсюду был в большой чести. Он пробыл зиму в Норвегии, и ярл Эйрик подарил ему корабль, чтобы плыть в Исландию...»[27]. А на следующее лето Кари поплыл из Исландии «через море на юг. Он начал свое паломничество в Нормандии, дошел до Рима, получил отпущение грехов и западным путем отправился обратно (*fór aptr hina vestri leið*). Он сел в Нормандии на свой корабль и поплыл через море на север, в Дувр. Оттуда он поплыл на запад, обогнул Уэльс, прошел на север мимо шотландских фьордов и не останавливался, пока не приплыл в Трасвик на Катанесе...»[28].

---

[26] AÍ, 44—45.

[27] Сага о Ньяле // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. Гл. CLVIII.

[28] Там же. Гл. CLIX.

Оба раза исландцы совершают сухопутный переход через всю Центральную Европу в Рим, а на обратном пути избирают, соответственно, «восточный» и «западный» пути, как их называет сага. Ничто не дает нам оснований утверждать, будто сага фиксирует (сохраненные устной традицией) реалии XI в., — скорее, мы имеем дело с географическими представлениями времени написания саги, т. е. конца XIII в. Ничто не указывает также на то, что «восточный путь» — это знаменитый *Austrvegr* «Аустрвег», путь по восточноевропейским речным путям (ср., например: «þá sœkir Haraldr... heim ór Garði um Austrveg á kaupskipi» «тогда отправляется Харальд... домой из Гарда через Аустрвег на торговом корабле» [29]). Что касается «западного» пути, то, как сообщает сага, на корабль прошедший западным путем Кари восходит лишь в Нормандии, т. е., скорее всего, это не морской путь вдоль западных берегов Испании и Франции, а тоже сухопутный маршрут. Весьма велика вероятность того, что речь идет о разных вариантах центральноевропейских путей.

Итак, оценивая свидетельства источников относительно скандинавской картины мира, мы можем констатировать, что для XII века в ней на равных правах присутствуют три основных маршрута из Скандинавии в Рим, Константинополь и Иерусалим — «Западный» морской путь, различные варианты сухопутного центральноевропейского маршрута и «Восточный» путь по рекам Восточной Европы, — в то время как для XI века зафиксирован только последний из них (речной), а для XIII века, напротив, только континентальный (сухопутный). Нередко в рассказах о более раннем времени, но

[29] Ágrip., k. 38

при отсутствии более ранних свидетельств, авторы XII и XIII веков сами конструируют маршрут, скорее всего, руководствуясь господствующими в обществе представлениями.

Яркую параллель скандинавскому материалу мы находим во включенном в «Повесть временных лет» «Хождении апостола Андрея»: «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуня устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел... Те же, слышав об этом, удивлялись, Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп»[30]. Его «кольцевой» маршрут от Синопа до Синопа Л. Мюллер весьма удачно объясняет «географическими представлениями о двух путях в Рим». Он подчеркивает, что в Киевской Руси знали, «что имелось два пути, по которым из Киева можно было водным путем добраться до Рима: вниз по Днепру через Черное море и Константинополь и вверх по Днепру до Волхова с преодолением небольшого участка пути волоком и далее по Балтийскому морю. При описании этих двух путей в Рим летописец и вставляет

[30] ПВЛ. С. 145.

в свое повествование Сказание об Андрее, как бы в подтверждение того, что некогда кто-то воспользовался этим длинным северным путем». Еще один важный момент, отмечаемый исследователем, тот, что «представления о расстояниях были довольно смутные». Киевлянину, решившему «отправить» Андрея в Рим и «знавшему о двух путях в Рим, но имевшему туманное представление об истинных расстояниях, могло показаться возможным, что апостол изберет северный путь, который так подробно был описан летописцем (имевшим, очевидно, также смутное представление о расстояниях)»[31].

Возвращаясь к «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда и пытаясь объяснить присутствие Ладоги в передвижениях конунга после битвы при Свёльде, мы можем утверждать, что имеем дело с отразившейся здесь скандинавской картиной мира XII века, в которой, при недостаточном знакомстве с реальными расстояниями, были зафиксированы представления о наличии многочисленных и разнообразных путей в Рим, Константинополь и Святую Землю. Один из этих путей — речной — был, вне всякого сомнения, связан с Ладогой.

---

[31] *Мюллер Л.* Древнерусское сказание. С. 59—60.

Список сокращений

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. — СПб.

ВВ — Византийский временник. М.

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л. — СПб.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Сост. С. Н. Валк. М.; Л., 1949.

ГИМ — Государственный исторический музей

ДГ — Древнейшие государства на территории СССР (с 1991 г. — Древнейшие государства Восточной Европы.). Материалы и исследования. М.

ДР — Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб. — Пг. — Л. — СПб.

КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950; 2-е (репринтное) изд.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

ПВЛ — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. / М. Б. Свердлов. СПб., 1996.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. М.

СС — Скандинавский сборник. Таллинн

СТ — Советская тюркология. Баку

Adam — Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.

AÍ — Alfræði Íslenzk. Islandsk encyclopædisk litteratur. B. I. København, 1908.

AR — Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves / C. C. Rafn. T. I—II. Copenhague, 1850—1852.

Ágrip — Ágrip af Noregskonunga sögum / Bjarni Einarsson // Íslenzk fornit. B. XXIX. Reykjavík, 1984.

BGA — Bibliotheca geographorum Arabicorum. Leiden

Eym. þ. — Eymundar þáttr // Flat. 1944. B. II. Bls. 199—218.

Fas. — Fornaldar sögur Norðrlanda eptir gömlum handritum / C. C. Rafn. Kaupmannahöfn, 1829—1830.

Fask. — Fagrskinna: Noregs konunga tal / Bjarni Einarsson // Íslenzk fornit. B. XXIX. Reykjavík, 1984.

Flat. — Flateyjarbók / S. Nordal. Akranes, 1944—1945. B. I—IV.

Fms. — Formanna sögur eptir gömlum handritum. Kaupmannahöfn, 1825—1837. B. I—XII.

Guta s. — Guta lag och Guta saga / H. Pipping // SUGNL. 1905—07. B. XXXIII.

Hák Hák. s. — Det Arnamagnæanske handskrift 81 a fol. (Skálholtsbók yngsta). Inneholdende Sverris saga, Böglunga sögur, Hákonar saga Hákonarsonar / A. Kjær, L. Holm-Olsen. Kristiania; Oslo, 1910—1987.

Hulda — Hulda // Fms. 1831. B. VI.

HN — Historia Norwegiæ // MHN. P. 69—124.

ÍF — Íslenzk fornit. Reykjavík, 1933 ff.

Knýtl. s. — Knýtlinga saga // Sögur Danakonunga / Carl af Petersen og Emil Olson (SUGNL. B. XLVI). 1919—1925.

Kristni s. — Kristni saga / B. Kahle // Altnordische Saga-Bibliothek. B. 11. Halle a. Saale, 1905.

MHN — Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm. Kristiania, 1880.

Msk. — Morkinskinna / Finnur Jónsson // SUGNL. 1932. B. LIII.

Orkn. s. — Orkneyinga saga / S. Nordal // SUGNL. 1913—16. B. XL.

Ó. Tr. Oddr — Saga Olafs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Finnur Jónsson. København, 1932.

RE — Paulys Real-Enzyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von Kroll. Stuttgart

SC — Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Изд. В. В. Латышев. СПб., 1893—1906. Т. I—II.

Skj., A, I — *Finnur Jónsson.* Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. A — Text efter håndskrifterne. København, 1967. B. I: 800—1200.

SUGNL — [Skrifter udgivet af] Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. København, 1880 ff.

Theodric — Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium // MHN. P. 1—68.

Y. s. — Yngvars saga víðförla jamte ett bihang om ingvarsinskrifterna / Emil Olson. København, 1912.

Þorv. þ. — Þáttr Þorvalds ens víðførla / B. Kahle // Altnordische Saga-Bibliothek. B. 11. Halle a. Saale, 1905.

Список карт

1. Контуры Евразии в античную эпоху (по: *Dion R.* Aspects politiques de la géographie antique. Paris, 1977. P. 220)
2. Танаис и возвращение аргонавтов в представлении автора орфической «Аргонавтики» (по: Les Argonautiques Orphiques / Texte établi et traduit par F. Vian. Paris, 1987)
3. Певтингерова карта (Segm. VII—VIII Weber) (по: *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 309—310)
4. Т-О карта мира XII в. (Paris, Bibliothèque nationale, Latin 6813, fol. 2) (по: *Chekin L. S.* Northern Eurasia in Medieval Cartography. Inventory, Text, Translation, and Commentary. Brepols, 2006. P. 355)
5. Фрайзингская карта мира из Мюнхена, XI в. (по: *Chekin L. S.* Northern Eurasia. P. 449)
6. Кембриджская карта мира, конец XII — начало XIII в. (по: *Chekin L. S.* Northern Eurasia. P. 454)
7. Эбсторфская карта мира, XIII в. (по: *Chekin L. S.* Northern Eurasia. P. 462)
8. Карта мира из Альби, VIII или IX в. (по: *Chekin L. S.* Northern Eurasia. P. 394)
9. Поздневизантийская карта мира, XV в. (ГИМ. F 79˘. Син. 415 (Вл. 509))
10. Болгарская карта мира, XV в. (по: *Чолова Ц.* Естественнонаучните знания в средневековна България. София, 1988. Ил. 10)
11. Карта мира Ибн Хаукала, XI в. (по: The History of Cartography. Vol. II. Book. 1. Cartography in the Traditional Islamic

and South Asian Societies / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward; Associate Editors J. E. Schwartzberg, G. R. Tibbets; Assistant Editor A. T. Karamustafa. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. Fig. 5.16)

12. Карта мира ал-Истахри, XI в. (по: The History of Cartography. Vol. II. Book. 1. Fig. 5.15)
13. Карта Азовского моря ал-Хорезми, 1037 г. (по: The History of Cartography. Vol. II. Book. 1. Plate 5)
14. Реконструкция карты ал-Хорезми (по: *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифта. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 106)
15. Часть карты мира Ибн Хаукала с изображением Каспия с тремя рукавами (по: *Калинина Т. М.* Волга в географической номенклатуре арабо-персидских ученых IX—X вв. // Сборник Русского исторического общества. Россия и мусульманский мир. М., 2003. № 7 (155). С. 31)
16. Карта Черного моря из Дура Европос, середина III в. н. э. (по: *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 78)
17. Англо-саксонская карта мира, XI в. (по: *Chekin L. S.* Northern Eurasia. P. 448)
18. Херефордская карта мира, XIII в. (по: *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья VIII—XIII вв. М., 1999. Ил. 56)
19. Восточная Европа на карте ал-Идриси, 1154 г. (по: *Miller K.* Mappae arabicae. Stuttgart, 1926. Bd. II. S. 152)
20. Портолан Сальвата ди Пилестрина, 1511 г. (*Ivan Kupčík.* Münchner Portolankarten. München; Berlin, 2000. S. 127)
21. Карта мира Птолемея, XIII в. (по: Античная география. М., 1953. С. 287)
22. Лондонская карта мира, XII в. (по: *Chekin L. S.* Northern Eurasia. P. 451)

Татьяна Николаевна Джаксон,
Татьяна Михайловна Калинина,
Ирина Геннадиевна Коновалова,
Александр Васильевич Подосинов

«РУССКАЯ РЕКА»
Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева
Корректоры Е. Цветкова, О. Курочкина
Оригинал-макет подготовил А. Камкин
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 06.08.2007. Формат 84×108 1/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 20. Тираж 800 экз. Заказ № 8071.

Изд-во «Языки славянских культур». ОГРН 1037789030641.
Изд-во «Знак». ОГРН 1037739118449.
Phone: **207-86-93** E-mail: **Lrc@comtv.ru**
Site: **http://www.lrc-press.ru**

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this edition
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

Авторы этой книги работают последние десять лет в центре «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН. Этот центр является прямым наследником сектора истории древнейших государств на территории СССР, созданного в 1969 году в Институте истории СССР АН СССР по инициативе члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Им был основан и издающийся с 1977 года Свод древнейших источников по истории народов СССР (ныне — «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»), семь томов которого опубликованы авторами этой книги.

Татьяна Николаевна Джаксон, филолог по образованию, доктор исторических наук, крупный специалист в области русско-скандинавских отношений периода раннего средневековья, ведущий исследователь древнескандинавских источников по истории Древней Руси. Автор около 200 работ, среди которых десять монографий.

Татьяна Михайловна Калинина, кандидат исторических наук, специалист в области средневековой арабо-персидской географии и картографии, а также истории народов Восточной Европы в Средние века, автор около 100 работ по этой тематике, в том числе одной монографии.

Ирина Геннадиевна Коновалова, доктор исторических наук, историк-востоковед, специалист в области средневековой арабской географии и картографии, исследователь истории Древней Руси в ее связи с исламским миром, а также истории Карпато-Днестровских земель и Нижнего Подунавья в Средние века, автор 140 работ, в том числе четырех монографий.

Подосинов Александр Васильевич, филолог-классик по образованию, доктор исторических наук, автор свыше 200 работ (в том числе пяти монографий) по античному источниковедению Восточной Европы.